

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Логинова Милена Михайловна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПОНЯТИЙ «ЖИЗНЬ»
И «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
КОГНИТИВНЫЕ, ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор
Елена Николаевна Рядчикова**

Краснодар 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	13
1.1. Лингвокультурологическая и лингвокогнитивная специфика изучения понятий и концептов как способов формирования языковой картины мира	13
1.2. Структура антиномичных концептов «жизнь» и «смерть»	40
1.3. Лингвокультурологическая специфика гендерных исследований.	50
Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗИРОВАННЫХ ПОНЯТИЙ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ»	74
2.1. Репрезентация концептов «жизнь» и «смерть» в пословицах и поговорках	74
2.2. Гендерная специфика реализации концептов «жизнь» и «смерть» в афоризмах и крылатых словах	88
2.3. Гендерные собенности реализации концептов «жизнь» и «смерть» в языке реалистических произведений русской литературы	108
2.4. Реализация концептов «жизнь» и «смерть» в языке фантастических произведений русских писателей	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	160
ПРИЛОЖЕНИЯ	176

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы настоящего диссертационного исследования определен стремлением выявить языковую и гендерную специфику реализации в речи основополагающих для любой культуры, включая русскую, концептуализированных (как социально значимых) понятий «жизнь» и «смерть», выявить доминантные и второстепенные семантические признаки обозначающих их лексем и рассмотреть, как они отражаются в различных контекстах.

Учитывая разнообразие взглядов исследователей на понятие и концепт, считаем необходимым отметить, что мы придерживаемся позиции Р.М. Фрумкиной, которая указывает: «Термин концепт удобен тем, что акцентируя те реалии, к которым нас отсылает слово, он позволяет отвлечься от принятого в логике термина понятие...» [154, с. 45]. Таким образом, проводится мысль о том, что термины «понятие» и «концепт» однородны, обозначают по сути одно и то же. Терминологическая разница нужна лишь для удобства ученых, для детерминирования логической и лингвистической отраслей знания. Представляется, что по отношению к комплексу смыслов, значений и представлений, связанных с жизнью и смертью, в лингвистическом исследовании возможно применить также синкретичный термин «концептуализированное понятие».

В последние десятилетия в отечественной лингвистике усиленно развивается лингвокультурологическое направление. Его цель состоит в реконструкции русской языковой картины мира (далее ЯКМ) на основании лингвистического и культурологического рассмотрения лингвоспецифических концептуализированных понятий русского языка. Языковая концептуализация – это когнитивный процесс, результатом вербализации которого является концепт как совокупность (поле) языковых единиц, которые иллюстрируют

ментальные представления определенной тематики. Термин «концептуализация» в когнитивной лингвистике служит для наименования «процесса структуризации знаний, выделения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении», для обозначения «живого процесса порождения новых смыслов» [82 с. 93]. В этом случае можно понимать процесс языковой концептуализации как словесное оформление смыслов, накапливаемых человеческим сознанием [121, с. 6].

В когнитивной науке принято мнение, что концептуальное пространство сознания человека организовано при помощи концептов, которые представляют собой словесно оформленные ментальные образования. «Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [82, с. 93].

Актуальность темы данного исследования определяется интересом современных гуманитарных наук к внутреннему миру человека, его когнитивной и творческой деятельности, а также к вопросу взаимодействия языка, мышления и сознания, языка и культуры, к отражению ценностных представлений посредством единиц языка и речи. Результатом вербализации энциклопедических, эмоционально-чувственных, национально-культурных, ассоциативных представлений определенного тематического круга является концепт. Мы солидарны с Л.Ю. Буяновой, которая постулирует: «Для нас принципиален языковой статус концепта, что обусловлено рядом важных факторов» [26, с. 50]. Среди наиболее важных из них считаем то, что «концепты есть отражение менталитета народа и его ЯКМ» [124], что концепты «становятся одним из источников познания, осмысления действительности, способствуют воспроизведению более полной и всесторонней картины окружающей действительности в сознании людей. КМ лингвокультурного сообщества в целом формируется языком как средством

воплощения тех или иных культурных установок, стереотипов, символов, эталонов и т.п., которые организуют данный социум в сообщество. ЯКМ складывается из специфических, характерных для данного языка концептов, стереотипов языкового и культурного сознания» [Там же, с. 7]. Это происходит за счет того, что «концепт характеризуется комплексом значений, которые приобретает языковой знак, эксплицируя национально значимый смысл» [126, с. 16].

Выбор для нашего исследования концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть» обуславливается тем, что они являются одними из базовых для русской ЯКМ и основными для каждого человека, независимо от его национальности, вероисповедания, жизненной позиции, социального положения, пола, возраста и т.д. Кроме того, несмотря на свою антиномичность, названные понятия тесно взаимосвязаны и часто являются следствием, итогом друг друга. Для того, чтобы полнее раскрыть содержание концептов «жизнь» и «смерть», учеными используются различные способы: сравнивается реализация концептов в разных языках, социальных группах и т.д. В настоящем исследовании основной акцент сделан на отражение менталитета в речи мужчин и женщин.

По мнению Е.С. Кубряковой, когнитивный аспект в изучении концептов очень важен, так как когнитивный подход дает толчок изучению языка «во всех его разнообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [82,с. 3].

Проведенные исследования в области концепта дают возможность сделать вывод, что концепт – это некое лексико-семантическое единство, равно относящееся к языку и сознанию. Кроме того, в языке концепт представлен словами одного семантического поля. Поэтому рассмотрение концептов «жизнь» и «смерть» в лексико-семантическом аспекте представляется необходимым в рамках данного исследования. Это позволит

наиболее полно и глубоко раскрыть место данных понятий в русской языковой картине мира.

Изучение гендерного аспекта в языкознании позволяет лучше понять женский или мужской взгляд на мир, выделить законы мужского и женского речевого поведения и определить их сходство и различия, в том числе и в представлении мужчин и женщин о жизни и смерти, которое в значительной степени влияет на формирование жизненного кредо человека и, как следствие, на его модель поведения, в частности, речевого, объясняет и помогает справиться с некоторыми барьерами в понимании друг друга, которые могут быть вызваны гендерными различиями коммуникантов.

Цель работы состоит в выявлении лингвокультурной, лингвокогнитивной и гендерной специфики репрезентации концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть» в разнообразных видах контекстов, что необходимо для определения ядерных, приядерных и периферийных признаков данных концептуализированных понятий, семантических особенностей, характерных для речи представителей обоих полов и для каждого пола в отдельности в произведениях разных жанров.

В связи с указанной целью ставятся следующие **задачи**:

1) рассмотреть лингвокультурологическую специфику понятия, концепта и гендерных особенностей речи как составных частей ЯКМ;

2) выявить семантические признаки концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть», репрезентированные в паремиях, афоризмах, в языке художественных произведений русской литературы, и сопоставить их с признаками концептов, реализованных в словарных дефинициях;

3) классифицировать выявленные признаки в гендерном аспекте;

4) определить ядерные, приядерные и периферийные признаки концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть» в речи представителей обоих полов в целом и каждого пола в отдельности;

5) сопоставить особенности репрезентации указанных концептуализированных понятий в различных речевых жанрах.

Объектом исследования являются когнитивные, лексико-семантические и гендерные характеристики концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть» в русской ЯКМ.

Предмет исследования – языковые особенности репрезентации концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть» в пословицах, поговорках, афоризмах, крылатых словах и произведениях русской художественной литературы середины XIX – середины XX вв.

Научная гипотеза исследования: в единицах языка и речи (паремии, афоризмы, художественные тексты) реализуется значительно большее количество значений лексем «жизнь» и «смерть», чем это представлено в толковых и концептологических словарях. Немаловажную роль в расширении семантических признаков играет учет гендерных речевых особенностей. Рассмотрение концептов «жизнь» и «смерть» в речи мужчин и женщин, в частности, разнополых персонажей художественных произведений писателей-мужчин позволяет определить гендерные стереотипы мужчин о месте данных понятий в женской языковой картине мира.

Языковой материал был извлечен из толковых и энциклопедических словарей, сборников русских пословиц и поговорок, афоризмов и крылатых слов, из художественных произведений русских писателей середины XIX – середины XX вв., таких как А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.П. Чехов,

А.И. Куприн, М.А. Булгаков, М. Горький, Б.А. Лавренев, а также из сочинений русских писателей-фантастов (или писавших, в числе прочих, и фантастические произведения) XX в.: А.Р. Беляева, А.Н. Толстого, А.Н. Апухтина, П. Драверта, И.А. Ефремова. Всего проанализировано более 1000 языковых единиц. Отбор афоризмов и крылатых слов проводился методом сплошной выборки из следующих сборников: «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова (1894), К.В. Душенко, Г.П. Манчха «Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин» (2002), И. Захарова «Фаина Раневская. Случаи. Шутки. Афоризмы» (2002), А.В. Королькова «Словарь

афоризмов русских писателей» (2005), К.В. Душенко «Большая книга афоризмов» (2006), К.А. Андриевская, М.В. Агеев, И.А. Атрошенко «Энциклопедия мудрости» (2010), и «Книга мудрости» (2011). В указанных изданиях процентное содержание мужских и женских высказываний о жизни и смерти составляет соответственно 78% и 22%. Отметим, что афоризмы отобраны составителями произвольно с исторической точки зрения. «Мужские» афоризмы охватывают значительно больший период (с XII по XX век), чем «женские» (преимущественно XIX-XX вв.). Впрочем, это можно объяснить в основном теми же историческими причинами: как известно, долгое время женщины не играли столь значительных социальных ролей, особенно в России, как мужчины – за редким исключением. Кроме того, неравнозначны взгляды на жизнь и смерть мужчин и женщин с позиции профессии. С одной стороны, это видные общественные деятели и мыслители (Петр I, Иван Грозный, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, А. Суворов), с другой – преимущественно современные актрисы: Т. Доронина, Л. Гурченко, Г. Вишневецкая, А. Павлова и др. Но, несмотря на это, книги афоризмов все же являются фрагментом русской ЯКМ, поэтому анализ репрезентации в них концептов «жизнь» и «смерть» представляется нам обязательным.

Научная база исследования определена его целью и задачами. При изучении ЯКМ и концепта мы опирались на работы С.А. Аскольдова-Алексеева, Д.С. Лихачева, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, Б.А. Серебренникова, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, Э. Сепира, а также на положения, которые зафиксированы в лингвистических и философских энциклопедиях. Рассматривая понятие гендера и гендерной лингвистики, мы использовали труды Т.В. Гомон, Е.А. Земской, М.А. Китайгородской, Н.Н. Розановой, А.В. Кириллиной, Л.Г. Томской, а также работы зарубежных исследователей Е. Массобу, С. Jacklin, D. Tannen и др.

Для выполнения поставленных задач в ходе исследования были использованы следующие **методы и приемы**: описательный метод, анализ

словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, метод концептуального анализа, общенаучные методы сплошной выборки, наблюдения и классификации, а также элементы количественного анализа при выявлении доминантных признаков концептов «жизнь» и «смерть».

Метод семантико-когнитивного анализа подразумевает, что «в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания – когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация – это этап семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках лингвистической семантики. Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует о том, что путь исследования “от языка к концепту” является наиболее убедительным и анализ языковых средств дает возможность выявить признаки концептов и смоделировать концепт самым простым и эффективным способом» [123, с. 118].

Объединение когнитивного и лингвокультурного подхода в рамках лингвоконцептологии позволяет более полно воспроизвести целостный, «объемный» образ человека, зафиксированного в ЯКМ [66].

Научная новизна настоящего исследования заключается в выявлении языковой, когнитивной, жанровой и гендерной специфики репрезентации концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть» в пословицах и поговорках, афоризмах и крылатых словах, а также в языке художественной литературы, в определении сходств и различий, сравнении между собой доминантных признаков указанных концептуализированных понятий в речи представителей обоих полов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Паремии, афоризмы и художественные тексты репрезентируют широкий круг ядерных, приядерных и периферийных семантических и когнитивных признаков концептов «жизнь» и «смерть», что позволяет значительно расширить данные словарей относительно одноименных лексем. В пределах одного контекста способны реализоваться несколько

семантических признаков концептов «жизнь» и «смерть»: доминантный, или основной, и второстепенные. Нередко в одном контексте реализуются признаки обоих концептов, как явно, так и имплицитно, на уровне лексической синонимии, фразеологии.

2. В мужской речи семантические признаки, составляющие приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферии концепта «жизнь», указывают на активную жизненную позицию мужчин, на их жизнелюбие, несмотря на довольно критичное отношение к жизни. Особенности репрезентации указанного концепта в женской речи в представлении мужчин-авторов свидетельствуют о менее активной жизненной позиции женщин по сравнению с мужчинами, им обычно не свойственно задумываться о таких философских вопросах, как вечность жизни, смысл жизни, кроме того, женщины склонны к неудовлетворенности жизнью.

3. Околоядерная зона, ближняя и дальняя периферии концепта «смерть» говорят о противоречивом понимании мужчинами смерти: и о спокойном восприятии, и о страхе одновременно. В речи женщин-персонажей «мужских» текстов приядерную зону концепта составляет всего один семантический признак: 'нечто ужасное'. Ближняя и дальняя периферии, как и в мужской речи, свидетельствуют о весьма противоречивом отношении к смерти (ожидании ее и страхе перед ней), о нежелательности для женщин чужой смерти.

4. В гендерном аспекте реализации концептов «жизнь» и «смерть» выделяются «мужские» и «женские» признаки данных концептов – те, которые отражены в речи только одного из полов. «Мужскими» признаками семантики концепта «жизнь» являются 'нечто позитивное', 'сознательный выбор пути', 'нечто независящее от человека', 'этап, период'. Концепт «жизнь» имеет всего один «женский» признак – 'жизнь как одушевленное существо'. Это доказывает то, что мужское понимание жизни глобальнее, чем представления женщин, которые склонны размышлять о ней более узко и конкретно. Исследование концептов «жизнь» и «смерть» в речи женщин – персонажей

художественных произведений писателей-мужчин позволяет определить гендерные стереотипы мужчин о месте указанных понятий в женской языковой картине мира.

5. Семантические признаки концепта «смерть» ‘одушевленное существо’, ‘смерть как срок’, ‘убийство’, ‘нечто временное’, ‘скрытость от чего-либо’ характерны для речи мужчин. В женской речи распространены признаки ‘нечто воображаемое’, ‘наказание’, ‘высшая степень чего-либо’. Концепт «смерть» отражен в мужской КМ более широко, чем в женской.

6. Жанровые особенности произведений и специфика изображаемых в них событий определяют специфику реализации семантических признаков концептуализированных понятий. Для пословиц и поговорок характерны признаки ‘жизнь, связанная с материальными ценностями’ и ‘образ жизни как репутация’; ‘смерть как синоним спокойствия и тишины’ и ‘внезапность смерти’. Для афоризмов характерны ‘жизнь как одушевленное существо’ и ‘смысл жизни’; ‘смерть как нечто позитивное’. Реалистическим произведениям свойственно понимание жизни как ‘явления, не зависящего от человека, судьба’; ‘смерти как срока’, ‘пожелания смерти кому-либо’, ‘убийства’, ‘смерти как воображаемого явления’.. Для языка фантастических произведений свойственны признаки, встречающиеся только в произведениях этого жанра: ‘возвращение к жизни’ и ‘лишение полноты жизни’; ‘смерть как нечто временное’, а также ‘скрытость от чего-либо’, ‘смерть как средство наказания’.

Теоретическая значимость исследования заключается во вкладе в исследовании концептов «жизнь» и «смерть», весьма значимых для русской ЯКМ, а также в изучение гендерных особенностей речи; в определении места концептов «жизнь» и «смерть» в ЯКМ обоих полов, в расширении толкования соответствующих лексических единиц по сравнению со словарными.

Практическая значимость исследования заключена в том, что его результаты могут использоваться при чтении базовых и специальных курсов, проведении спецсеминаров по современному русскому языку,

лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвистическому анализу художественного текста, лингвистической гендерологии. Кроме того, данные исследования способны помочь глубже понять русскую культуру и менталитет, что может быть полезно при изучении русского языка как иностранного.

Основные результаты диссертационного исследования были апробированы на следующих конференциях:

Межвузовской научно-практической конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Анапа, 12-13 апреля 2007 г.); Межвузовской научно-практической конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Анапа, 16-17 апреля 2009 г.); IX межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения» (Краснодар, 24 апреля 2010 г.); Международной научно-практической конференции «Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания» (Краснодар, 25-26 ноября 2011 г.); XI межвузовской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения» (Краснодар, 14 апреля 2012 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Слово Лермонтова и слово о Лермонтове: к 200-летию со дня рождения поэта» (Анапа, 28-29 июня 2014 г.); X международной научно-практической конференции «Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия» (Новосибирск, 17-18 апреля 2015 г.); XI международной научно-практической конференции «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» (Екатеринбург, 3-4 июля 2015 г.).

Кроме того, основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета. По теме диссертации опубликовано двенадцать работ, включая три в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем опубликованного материала составляет 51 страницу, или 3,6 печатных листа.

Глава 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1.1. Лингвокультурологическая и лингвокогнитивная специфика изучения понятий и концептов как способов формирования ЯКМ

В современной отечественной филологии усилился интерес к внутреннему миру человека, его мышлению. Известно, что язык – это основное средство постижения мира для человека. Изучением взаимодействия человека с действительностью, отраженного в сознании в виде понятий, ассоциаций, образов, занимается лингвокультурология – наука, находящаяся на пересечении лингвистики и культурологии. Главные теоретические исследования в этой области науки принадлежат С.А. Аскольдову, Д.С. Лихачеву, Ю.С. Степанову, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьеву, В.А. Масловой, В.И. Карасику, И.А. Стернину, М.В. Пименовой и другим ученым.

По мнению В.В. Воробьева, «сегодня уже можно утверждать, что лингвокультурология – это новая филологическая дисциплина, которая изучает определённым образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, даёт системное описание ЯКМ» [36 с. 126]. В.А. Маслова считает лингвокультурологию отраслью лингвистики, возникшей на границе лингвистики и культурологии и изучающей проявления культуры народа, зафиксированные в языке. Она связана с этнолингвистикой и социоллингвистикой, причем так близко, что это дает основания считать лингвокультурологию отраслью этнолингвистики. Но, по мнению исследователя, это все же принципиально различные науки [101]. Аналогичных взглядов придерживаются В.И. Карасик [63], Н.Ф. Алефиренко [7]. Кроме того, Н.Ф. Алефиренко утверждает, что становление

лингвокультурологии как науки еще не завершено [Там же]. Как видим, в современной науке пока нет однозначного определения лингвокультурологии. В данном исследовании мы будем придерживаться взглядов В.В. Воробьева и считать лингвокультурологию самостоятельной дисциплиной, хотя и относительно молодой.

Взаимовлияние и взаимодействие культуры и языка происходят в самых различных формах, и поэтому столь же многогранен предмет лингвокультурологии. Он включает в себя языковую и национальную КМ, языковое сознание, языковую личность, ментальность, (этнический) менталитет. Единицей лингвокультурологии значится концепт (по умолчанию лингвокультурный), который приближен к понятию, «погруженному» в культуру и язык. Комплекс концептов образует этнический менталитет, формирует национальную КМ, определяет тип языковой личности, представляет языковое сознание. Лингво(культурная) концептология как научное направление, которое изучает концепты, дает фактически второе имя для лингвокультурологии [34, с. 65-66]. Лингвоконцептология сегодня – это полностью состоявшееся научное направление. Кроме наличия устойчивого категориального аппарата и апробированных методик исследования, на это указывает целый ряд второстепенных показателей: появление учебных курсов и пособий, появление словарей концептов (концептуариев), осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода и выход в лингводидактику [Там же]. Концептология одновременно является базой и другого направления современной лингвистики – когнитивистики.

Условной ментальной единицей лингвокультурологии и лингвоконцептологии принято считать концепт. Отечественную традицию в изучении этого понятия заложил в 20-х годах XX века С.А. Аскольдов, который предлагал психологический подход к концепту и подчеркивал его субъективную природу. Он считал, что концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [14, с. 267-279]. С ним соглашается и

Д.С. Лихачев, считая концепт намеком на возможные значения. Однако, в отличие от Аскольдова, Лихачев предлагает лингвокультурологический подход к понятию концепта, так как, по его мнению, концепт возникает как «отклик на предшествующий языковой опыт человека». Ученый делает акцент на сопоставлении концепта и значения слова. «Концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия в понимании значения слова, он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, для эмоциональной ауры слова» [93, с. 4]. Вклад Д.С. Лихачева в изучение концепта состоит также в том, что он отмечает взаимосвязь концептов и предлагает термин «концептосфера». Кроме личной концептосферы, ученый выделяет концептосферу национального языка, которая соотносится «со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Там же, с. 5].

Сегодня в языкознании представлено большое количество трактовок термина «концепт». По мнению А. Соломоника, концепт – «это абстрактное научное понятие, созданное на базе конкретного житейского понятия» [136, с. 246]. С ним солидарен С.Х. Ляпин [98]. По Т.А. Фесенко, концепт в ментальной действительности человека существует «как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и так далее» [151]. Аналогичного мнения придерживается и С.И. Дербенева [53].

О.Г. Савельева указывает на то, что лингвокультурный концепт – это основная единица, которая объединяет язык и культуру в их взаимопроникновении [126].

З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной

информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному предмету или явлению» [119, с. 34].

Лингвокультурологическое и лингвокогнитивное понимание концепта также отражено в работах В.В. Колесова, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачёва, В.В. Красных и других ученых.

На сегодняшний день существует множество интерпретаций понятия «концепт», но образцовым стало определение, данное Ю.С. Степановым, так как в нем точнее всего отражена связь языка, менталитета и культуры. Это толкование стало определяющим для нашего исследования: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру» [138, с. 40].

Об исторических корнях любого концепта говорят многие ученые. Так, по В.В. Колесову, концепт – «исходная точка семантического наполнения слова» – в процессе своего исторического развития постепенно трансформируется в образ, понятие и символ, трансформируясь в культурный концепт в современном его виде. Учёный утверждает: «Концепт потому и становится реальностью национальной речемышли, образно данной в слове, что существует реально, так же, как существует язык, фонема, морфема и прочие выявленные наукой «ноумены» плана содержания, жизненно необходимые всякой культуре. Концепт есть то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, диктует говорящим на данном языке, определяя их выбор, направляет их мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи» [74, с. 36]. К основным признакам концепта В.В. Колесов относит художественную образность, обязательность для каждого носителя культуры, нахождение в системе идеальных компонентов культуры и семантический синкретизм. Таким образом, исследователь, обращаясь к истории языка, отмечает постепенное формирование концепта в национальной культуре [Там же].

Подчеркивая культурную составляющую в структуре концепта, ученые вели в обиход понятие «лингвокультурный концепт». В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают, что лингвокультурный концепт является собой условную ментальную единицу, которая используется при совокупном изучении языка, сознания и культуры. По мнению ученых, местом нахождения концепта является сознание, детерминирует концепт культура, а сферами опредмечивания концепта являются язык и/или речь. От прочих мыслительных единиц, которые выделяются в разных научных областях, лингвокультурный концепт отличается тем, что в нем присутствует ценностный элемент. Основным признаком этого элемента авторы считают возможность аксиологических характеристик при описании какого-либо явления носителем языка [64].

М.В. Пименова отмечает: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внутреннего и внешнего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [115, с. 8].

Несколько иное понимание концепта выдвигает Н.Д. Арутюнова, относя концепт к области практической философии. По ее мнению, концепт является «результатом взаимодействия ряда факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей» [12, с. 3].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что концепт — не столько материальное (выраженное словом, реализующееся посредством языковых единиц)), сколько ментальное образование, которое содержит в себе все возможные значения какой-либо лексемы, а также представления человека об этих значениях. Однако концепт является важнейшим элементом ЯКМ, в которой он репрезентируется посредством той или иной лексемы. Этот факт дает основания утверждать, что концепт также – единица языка, некое лексико-семантическое единство, относящееся в равной степени к языку и сознанию.

Сегодня в лингвистике наблюдаются различные взгляды не только на определение и содержание концепта, но и на сам термин. Исследуя концепт, С.Г. Воркачев говорит о том, что этот термин является зонтиковым, он «покрывает» несколько научных областей: когнитивной лингвистики и когнитивной психологии, которые интересуются проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации [30], а также «лингвокультурологии, определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями» [Там же, с. 13].

Многие исследователи рассматривают концепт как когнитивную категорию. Поэтому немаловажным становится выяснение соотношения концепта с другими смежными единицами, как, например, понятие и значение слова.

Р.М. Фрумкина, для которой термины «понятие» и «концепт» синонимичны, обращается к программе А. Вежбицкой, которая различает такие понятия, как *концепт-максимум* и *концепт-минимум*. «Знание концепта-максимума – это полное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка; знание концепта-минимума – это неполное владение смыслом, которое, однако, не должно быть ниже некоторой границы» [154, с. 45].

По А.А. Уфимцевой, понятие – это «сумма существенных (и потому отличительных) признаков класса предметов» [149, с. 29]. Э.В. Кузнецова определяет понятие как одну из основных форм мышления, посредством которой реальность находит отражение в сознании человека [83].

Мнения ученых о соотношении концепта и понятия можно условно разделить на две группы. В первую группу входят исследователи, которые считают, что концепт шире понятия, из чего следует, что последнее может быть одной из составляющих или стадией развития концепта. Например, Л.О. Чернейко подчёркивает неравенство понятия и концепта и предлагает точку зрения, согласно которой «содержание концепта включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова — и денотативное, и

коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [158]. В этом с ней солидарны Ю.С. Степанов [138], С.Г. Воркачев [29], О.Е. Чернова [160]. С.Г. Воркачев также говорит о том, что концепт «унаследовал» от понятия дискурсивность видения смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого видения, от значения – наличие его наименования в лексической системе языка [33]. С.Г. Воркачев называет также отличительные признаки лингвоконцепта. Это: «переживаемость», семиотическая плотность, ориентированность на план выражения [Там же].

Ко второй группе отнесем исследователей, которые принципиально различают категории концепт и понятие.

В.З. Демьянков проводит четкую грань между понятием и концептом следующим образом: «понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не) уверенности» [50, с. 45]. Того же мнения придерживаются и Н.Ф. Алефиренко [5], Л.Ю. Буянова [26].

Однако не все ученые придерживаются традиционного определения концепта. Например, Ю.В. Фоменко ставит под сомнение правильность термина *концепт* и целесообразность его употребления, утверждая, что он является лишь дублетом термина *понятие*. Изучив множество известных определений концепта, исследователь приходит к выводу, что концепт уступает понятию в точности термина, полноте смысла и универсальности и приводит следующие доводы:

- слово *концепт* восходит к латинскому *conceptus* со значением «понятие»;
- слово *концепт* отсутствует в толковых словарях русского языка, словарная статья «Концепт» отсутствует в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» и энциклопедии «Русский язык»;

- как показывают материалы всех лексикографических, энциклопедических и других научных изданий, термин *понятие* является практически всеобъемлющим и используется во всех областях знания и в быту;

- для обозначения единицы сознания всегда использовался и используется (во всех научных дисциплинах, в том числе и в лингвистике) термин *понятие* [153].

В настоящем исследовании мы рассматриваем термины «концептуализированное понятие», «концепт», «понятие» как слова-синонимы. Поэтому в дальнейшем нами будет использован более распространенный и привычный термин «концепт».

Выбор оснований для классификации концептов – также важная проблема для языковедов всех направлений.

И.А. Стернин предлагает структурную классификацию концептов. С позиции соотношения базового слоя и второстепенных семантических признаков исследователь выделяет следующие виды концептов: 1) одноуровневые, включающие исключительно базовый слой; 2) многоуровневые, содержащие несколько слоёв с разной степенью абстрактности; 3) сегментные, состоящие из базового слоя, который окружен равноправными по степени абстрактности сегментами [142].

В основе типологии концептов, которую предлагают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, лежит характер ценностного элемента, как одного из основных признаков концепта. По этому критерию различаются, соответственно, индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (в семье, между близкими людьми), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные), национальные, цивилизационные и общечеловеческие концепты. Столь же важным ученые считают противопоставление по типу носителя индивидуальных и коллективных концептов [64].

Р.Г. Погосян, проанализировав и обобщив современные научные теории, касающиеся классификации концептов, выделяет следующие типы концептов:

- концепты мировоззрения;
- эмоциональные концепты;
- концепты текста;
- концепты художественного мышления;
- концепты культуры [116, с. 16].

Мы считаем, что существует достаточно оснований относить концепты «жизнь» и «смерть» ко всем этим пяти типам.

Концепт является, пожалуй, самым главным способом отображения картины мира (далее КМ).

КМ можно назвать некую модель реальности, существующей в сознании человека, совокупность знаний человека об этой реальности.

Термин «КМ» впервые был использован Г. Герцем в рамках физики и трактовался как сумма внутренних представлений о внешних предметах, из которых логически возможно получить информацию о поведении этих предметов.

В понятии «КМ» можно выделить ряд составляющих. Так, например, «научная КМ» есть комплекс представлений человека о свойствах и закономерностях действительности, существующая как результат обобщения научных понятий.

В.С. Степин и Л.Ф. Кузнецова считают научную КМ особой формой систематизации научного знания, задающей видение предметного мира науки соответственно этапу её действия и развития [141]. Как отмечает В.И. Моисеев, научная КМ – это одна из возможных картин мира. По этой причине ей свойственно нечто общее с религиозной, мифологической, философской картинами мира [102]. По мнению А.П. Садохина, научная КМ не включает частные знания о свойствах различных явлений, о деталях познавательного процесса и не является комплексом знаний человека действительности. Она представляет собой монолитную систему видения общих свойств, уровней, сфер, закономерностей реальности [127]. Ученый говорит о том, что в КМ отдельных наук включено множество

соответствующих концепций, конкретных способов понимания и интерпретации каких бы то ни было предметов, явлений и процессов реальности, существующих в каждой отдельно взятой науке [Там же].

В данном исследовании для нас представляет интерес ЯКМ.

В лингвистике появление понятия «ЯКМ» является признаком возникновения такой части языкознания, как гносеолингвистика, которая развивается на антропологических началах. Понятие ЯКМ позволяет глубже изучать соотношение языка и реальности, инвариантного и идиоматического в процессах отображения действительности в языке как процесса восприятия и осмысления человеком мира [129].

ЯКМ – это также видение человека окружающего мира, нашедшее отражение в языке. Термин «ЯКМ» был предложен Л. Вайсгербером. Понятие ЯКМ берет начало, с одной стороны, в идеях В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, а с другой – в идеях американской этнолингвистики, в частности, гипотезе лингвистической относительности представителей американской ветви неогумбольдтианства Э. Сепира и Б. Уорфа. Эти ученые считали, что различные ЯКМ могут выполнять только вспомогательную роль по отношению к науке, но не претендуют на более важную роль в сравнении с научными картинами мира. ЯКМ не способны выступать как основной источник научного знания. Этим источником была, есть и будет объективная действительность [128]. Э. Сепир писал: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Там же, с. 261]. Таким образом, исследователь считает, что восприятие мира человеком стереотипно и основывается на предыдущем опыте.

В понимании М. Хайдеггера КМ – это «не нечто срисованное, не картина, изображающая мир, а мир, представленный в виде картины» [Цит. по: 36].

Связь языка и ЯКМ определяет Ю.Д. Апресян. Ученый считает, что понятие ЯКМ включает две, различные, но связанные между собой идеи: 1) КМ, которая предлагается языком, отлична от научной (в этом смысле также уместен термин «наивная КМ»); 2) каждый язык создает картину, изображающую реальность несколько иначе, чем другие языки [11].

Л.О. Чернейко под термином «ЯКМ» понимает отношение коллективного сознания к действительности, зафиксированное в языке, исторически-конкретное, панорамное видение мира, включающее представления о его устройстве, существующую систему ценностей, мифологемы и идеологемы, целостное понимание устройства мира и роли человека в нем, которое обеспечивает адаптацию каждого к действительности и предопределяющее его речевые действия [159].

В диссертационном исследовании И.В. Кирилловой дается следующее определение ЯКМ: это «универсальная система знаний о мире, зафиксированная в словесной форме и присущая всем носителям данного языка» [73, с. 11].

КМ, которые рисуются разными языками, в чем-то похожи между собой, в чем-то различны. Различия между ними обнаруживаются, в первую очередь, в словах, которые не переводятся на другие языки и содержащих в себе концепты, свойственные для данного языка. Изучение таких слов в их взаимосвязи и в межкультурной перспективе дает возможность говорить о восстановлении значимых частей русской ЯКМ и конституирующих их идей.

На классификационную сторону ЯКМ в середине XX века обратил внимание Б. Уорф, что дало ему возможность сопоставить ее с научной КМ. Как и в науке, с его точки зрения, ЯКМ отражает классификационную точку зрения на мир. Причем в разных языках эта точка зрения представлена по-разному. Например, в языке индейцев хопи есть слова, при помощи которых все летающие предметы делятся на две группы: птицы и остальные летающие (самолеты, летающие насекомые и т.п.). Такая классификация отсутствует как в индоевропейских языках, так и собственно в биологии. В разных языках

существуют различные классификационные схемы, в которых отражен окружающий мир. Кроме того, эти схемы могут отличаться от тех, которые предлагает наука в разные периоды своего развития [См: 49].

Б. Уорф полагал, что истинная наука опирается только на языковой опыт, заключенный не только в индоевропейских, но и во всех других языках. Он писал: «Западная культура при помощи языка произвела предварительный анализ реального мира и считает этот анализ окончательным, решительно отказавшись от всяких корректив. Единственный путь к исправлению ошибок анализа лежит через все те другие языки, которые в течение целых эпох самостоятельного развития пришли к различным, но одинаково логичным, предварительным выводам» [148, с. 198].

Как отмечают многие исследователи, в частности, А.Д. Шмелев и Н.И. Толстой, русской ЯКМ свойственно противопоставление «возвышенного» и «приземленного», «мира горнего» и «мира дольного» одновременно с четким предпочтением первого. Корни этого дуализма кроются в русском православии, которое во многом определило черты русской культуры: поляризация ценностей и отсутствие нейтральной зоны. Это является, однако, характерным не только для русского менталитета, но и для всей христианской культуры в целом. Но здесь не хватает умственных способностей, интеллекта человека, как существенного его признака. Относительно места интеллекта в русской ЯКМ можно сказать, что в ней отсутствует концепт, который по своей важности способен был сравниться с *душой*, и это, по мнению ученых, весьма показательно. Ни *ум*, ни *рассудок*, ни *разум*, ни даже *голова*, как лексема с наиболее богатой сочетаемостью, на эту роль не претендуют. Но главное, что *ум* в русском менталитете является относительно небольшой ценностью. То есть действительно ценные знания локализируются в *душе* или в *сердце*, но не в *голове* [См.: 55].

Для носителя русского языка бесспорным становится тот факт, что психическая жизнь человека разделяется на интеллектуальную и эмоциональную, при этом умственная деятельность связана с головой, а

чувственное восприятие — с сердцем. У нас принято считать, что у кого-то светлая голова или доброе сердце; храним в голове то, что хотим запомнить, а чувствуем сердцем; при волнении обычно хватаемся за сердце. Но не во всех языках можно встретить подобную картину. Например, для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может сосредотачиваться в печени, они говорят о том, что у кого-то «умная печень» или «добрая печень», а при волнении они неосознанно ощущают дискомфорт в печени. Конечно, это связано не с особенностями их анатомического строения, а с ЯКМ, которая для них привычна [Там же].

Одним из основных составляющих русской ЯКМ является внимание к особенностям человеческих отношений. Своеобразным является само понятие отношения человека к кому-либо и отношения между двумя людьми. Одним из способов реализации отношений между людьми является общение. Слова *общение* и, особенно, *общаться* в русском языке устроены иначе, чем их переводы в других языках. Общение в русской ЯКМ — это процесс, ограниченный во времени и в пространстве. «Общаться по-русски» означает ‘разговаривать с кем-либо в течение некоторого времени для поддержания душевного контакта с этим человеком’. Слово «общаться» включает в себя, помимо этого, позитивную идею непрактичности и бесцельности этого занятия и получаемых от него положительных эмоций, например: «радость общения»; «ты получишь большое удовольствие от общения с ним». Кроме того, для русской культуры обладают не только большой ценностью, но и заметной эмоциональной окраской родственные отношения. Наряду с речевыми навыками, необходимыми при общении, человек осваивает определенное число «ласкательных обращений». Русское обращение «родной», «родная» занимает совершенно особое место. Это, бесспорно, наиболее характерное русское обращение, у него имеется вариант «родненький» и еще ряд производных. В основе слова «родной» лежит идея: я отношусь к тебе, как к кровному родственнику. За пределами славянских языков сложно найти что-то подобное. Здесь русский язык доказывает

правильность устоявшегося в обществе мнения о широте и щедрости русской души [55].

Реконструкция ЯКМ является одной из наиболее значимых задач современной лингвистической семантики. Исследование ЯКМ ведется в двух направлениях: 1) производится реконструкция единой системы представлений, зафиксированной в языке; 2) рассматриваются отдельные специфичные для данного языка концепты.

Одним из самых распространенных способов реконструкции ЯКМ является концептуальный анализ (он впервые был использован Н.Д. Арутюновой в 1976 году в книге «Предложение и его смысл»).

Р.М. Фрумкина утверждает, что работы, посвященные концептуальному анализу, хотя и объединены общей целью, отличаются способами ее достижения. Различия состоят не только в методах и приемах исследования, но и в том, что принято считать результатом анализа [154].

Концептуальный анализ – это обратный процесс от слова к представлению в сознании человека и позволяет воссоздать представления автора о том или ином фрагменте мира, концепт содержит в себе не только наименование какого-либо определенного предмета или явления, а совокупность представлений о нем, обретающих словесное оформление в речи человека [57].

Итак, на сегодняшний день в лингвистике выделилось два основных подхода к изучению концепта: когнитивный и культурологический. В обоих подходах признается связь концепта с мышлением, его ментальная сущность. Однако в когнитивной лингвистике концепт – это индивидуально-ментальное образование, а в лингвокультурологии – коллективное содержательное образование [159]. В настоящем исследовании мы будем придерживаться лингвокультурологического подхода к изучению концепта.

Среди известных методов исследования концепта наиболее часто применимым является полевой метод, поскольку он позволяет осуществить

системное представление тех лексических единиц, которые составляют общее семантическое пространство [51].

Выбор методики исследования концепта не может быть произвольным. Определенный языковой материал отражает определенные аспекты содержания концепта. Если ставить перед собой цель описать содержание концепта в его современном состоянии, то необходимым становится, в первую очередь, анализ современной вербализации концепта и/или данных ассоциативных экспериментов, которые помогут определить актуальность тех или иных признаков концепта, нашедших отражение в сознании современных носителей языка [89].

Дополнительные возможности для исследования концептов открывают экспериментальные методики. Различные словари, бесспорно, фиксируют многие стороны содержания концепта, однако, часто информация эмоционального и оценочного плана, значимая для осмысления концепта, оказывается за пределами словарной статьи. Необходимо помнить также о том, что концепт – явление динамическое, ведь содержание концепта и его взаимные связи с другими концептами определяются изменениями в массовом сознании, которые, в свою очередь, зависят от изменений в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей. В лексико-семантических, словообразовательных, фразеологических системах языков оставляют след ядерные, проверенные временем представления об окружающей реальности, в то время как в ассоциативно-дискурсивных реализациях – не только основные, но и дополнительные, факультативные или новые знания об этих явлениях. Применение нескольких методик исследования позволяет определить устойчивые и вариативные составляющие в содержании концепта [Там же].

Чтобы глубже постичь содержание концептов «жизнь» и «смерть», которым посвящено данное исследование, необходимо определить роль этих понятий в жизни человека и, соответственно, в ЯКМ.

Вопрос, что представляют собой жизнь и смерть, был актуальным всегда. С того момента, как человек начал мыслить, и до сегодняшнего дня

человечество пыталось ответить на него в форме мифа, бытового философствования, науки, искусства или религии. Множество научных, художественных, религиозных и философских работ посвящено этой теме. Именно эта проблема развивала философию, двигала вперёд культуру и науку, рождала религии.

Одними из основных культурных концептов для русской ЯКМ также можно назвать «жизнь» и «смерть». Сущность этих явлений волнует, пожалуй, каждого человека, независимо от его возраста, половой принадлежности, социального статуса. Следует отметить, что данные понятия взаимосвязаны.

Человек – существо не только социальное, но и биологическое. Биологическая жизнь – это постоянная борьба за существование, противостояние смерти. Человек существует, то есть он жив. Он вступает в борьбу за жизнь уже во время этой жизни, потому что уверен, что она когда-нибудь завершится, что он всячески старается отдалить. Жизнь (по крайней мере, своя собственная) входит одним из наиважнейших элементов в сумму приоритетов практически любого человека. Каждый стремится максимально продолжить свою жизнь и победить, преодолеть смерть. Символика жизни в искусстве тесно переплетается с символикой смерти (по принципу противопоставления и дополнения, а иногда и отождествления); эта разноаспектная связь находит отражение в универсальном мифологическом комплексе «смерть – плодородие – жизнь». Таинство вегетации требует смерти зерна, чтобы дать ему новое рождение, тем более чудесное, что оно происходит посредством необыкновенного умножения. Человеческая жизнь соотносится с растительной, и весь космический цикл воспринимается как бесконечное повторение ритма рождения, смерти и возрождения, тайна которого явлена в цикле вегетации. Таким образом, в большинстве архаических культур закрепляется представление о периодическом обновлении мира, следующим за его распадом. Средоточием мифологических представлений о непрерывной последовательности смены жизни и смерти является образ умирающего и воскресающего бога [133, с.125]. С другой

стороны, еще одним аспектом мифологической концепции жизни было представление о том, что боги плодородия истощали свою плоть, жертвовали ей, чтобы обеспечить изобилие в мире людей, в связи с этим их надлежало поддерживать кровью, в особенности юной (по этой причине им нередко приносили в жертву первенцев) [Там же, с.125].

М.В. Гаврилова говорит о тождественности жизни человека и растения в мифопоэтической традиции, которая закрепилась во внутренней форме слов, например: *плод, рост, расти, подрастать, подросток, отпрыск, возраст, расцвет, расцветать, цветущий, созревание, созреть, зрелость, увядать* и др. [40].

Сегодня понятие жизни несколько изменилось, и подтверждение этому можно найти, прежде всего, в различных лексикографических изданиях.

«Советский энциклопедический словарь» дает следующее определение понятия «жизнь»: «Жизнь – одна из форм существования материи, которая закономерно возникает при определенных условиях в процессе своего развития. Организмы отличаются от безжизненных объектов обменом веществ, раздражимостью, способностью к размножению, росту, развитию, активной регуляции своего состава и функций, к разнообразным формам движения, способностью к приспособлению к среде и т.п.» [135]. В данном толковании прослеживается единственный семантический признак концепта «жизнь»: ‘форма существования материи’.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержатся такие определения существительного жизнь: 1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого. 3. Время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период. 4. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях. 5. Реальная действительность. 6. Оживление, проявление деятельности, энергии [109]. Как видим, здесь фиксируются такие признаки

концепта «жизнь», как ‘форма существования материи’, ‘деятельность’, ‘время, срок’, ‘нечто реальное’.

Согласно «Краткому философскому словарю», «жизнь – это особая форма существования, характеризуемая целостностью и способностью к самоорганизации. Жизнь есть специфический способ разрешения противоречий внешнего и внутреннего, части и целого, конечного и бесконечного» [79, с. 113].

Наиболее полное и широкое определение жизни дано в «Словаре русского языка»: 1. Особая форма движения материи. 2. Физиологическое состояние человека, животного, растения. 3. Полнота проявления духовных и физических сил. 4. Период существования кого-либо. 5. Образ существования кого-либо. 6. Деятельность общества и человека. 7. Окружающая нас реальная действительность. 8. Оживление, возбуждение [131].

В «Русском толковом словаре» лексема «жизнь» трактуется так: 1. Форма существования материи. 2. Физиологическое существование человека, животного. 3. Деятельность человека и общества. 4. Реальная действительность. 5. Оживление, проявление энергии [96].

Итак, к словарным признакам концепта «жизнь» относятся: ‘форма существования материи’, ‘нечто реальное’, ‘время, срок’, ‘деятельность’, ‘образ жизни’, ‘активность’.

Некоторые исследователи, как, например, Н.Д. Арутюнова, в качестве наиболее близкого синонима к понятию «жизнь» предлагают «судьбу». Она пишет: «Только понятие судьбы, подобно жизни, допускает «растягивание» в линию, на которой можно разместить события. <...> Жизнь мыслима только в паре с судьбой, но не в паре с другими синонимами...» [13, с. 630]. Исследователь делает попытку разделить понятие жизни на два. «Понятию жизни как судьбы, пути которой таинственны и неисповедимы, противопоставит концепт жизни как пути, ведущего к пункту назначения. Как и судьба, путь представляет жизнь как целостное, хотя и делимое на этапы, образование, но, в отличие от судьбы, человек начинает свой жизненный путь не в момент

рождения, а в момент первой развилки и первого выбора. Судьба снимает с человека ответственность за прожитую жизнь, путь, напротив, ее возлагает. Если на судьбу часто жалуются, пеня ей за свои неудачи, то на путь сетовать не пристало. Если свою судьбу имеет каждый человек – праведный и грешный, великий и скромный, то в терминах пути принято говорить о жизни людей науки и искусства, исторических фигур и всех тех, кто идет к значительной и позитивной цели» [Там же, с. 631]. Видим, что, в понимании Н.Д. Арутюновой, концепт «жизнь» распадается на два основных семантических признака: ‘жизнь как судьба, нечто не зависящее от человека’ и ‘жизнь как сознательный выбор пути’.

Е.А. Пименов и М.В. Пименова, исследуя способы объективации в русском языке концепта «жизнь», приходят к следующим выводам:

- одной из продуктивных концептуальных метафор выступает «жизнь – живое существо»;
- для жизни не актуальны признаки ‘рождения’, но чрезвычайно разнообразны признаки ‘смерти’;
- жизнь в русской ЯКМ объективируется витальными признаками ‘дыхание’, ‘питание’, ‘развитие’, ‘голос’, особое место в ряду витальных признаков занимает ‘возраст’: жизнь бывает молодой и старой;
- самым частотным среди витальных является признак ‘движения жизни’, движение – основное свойство жизни, оно символически связано с идеями пути и труда;
- дорога жизни символически представляет судьбу – путь, с которого не свернешь (в противовес мнению Н.Д. Арутюновой, которая понятия путь-судьба противопоставляет друг другу);
- жизнь концептуализируется посредством соматических признаков: у жизни «есть» тело, она «наделена» органами восприятия, т. е. ей присущи перцептивные признаки;
- жизнь обладает человеческими качествами [114].

Кроме того, исследователи рассматривают антропоморфные признаки жизни: жизнь-родственник, жизнь-хозяйка, жизнь-воин, жизнь-палач, жизнь-учитель, жизнь-даритель, жизнь-обманщик [Там же].

А.А. Осипова полагает: «Концепт «Жизнь» является основополагающим для метафизического понимания бытия носителями любой культуры. В силу того, что этот концепт востребован на протяжении длительного периода существования национальной КМ, его можно назвать базовым» [111, с. 16].

По Л.Е. Балашову, «в жизни есть свои минимумы и максимумы. Минимальная жизнь – это наличие двух фаз жизненного цикла: обмена веществ и размножения. Своего максимума жизнь достигает с появлением человека. Над двумя фазами жизненного цикла надстраивается психика и культура. У живых организмов и существ жизнь – биологическая форма. У человека – биосоциальная форма» [16, с. 21].

Смерть же выступает как образ изменения наличного состояния бытия, изменения форм и процессов, а также освобождения от чего-либо. В некоторых европейских языках имя бога подземного мира указывает на богатство; бог мертвых традиционно представляется владельцем несметных сокровищ [133, с. 390].

Чтобы проследить понимание смерти на протяжении последнего столетия, обратимся также к различным лексикографическим источникам, трактующим лексему *смерть*. Например, «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова толкует смерть следующим образом: «Смерть – прекращение жизни, гибель и распад организма» [150].

Согласно «Советскому энциклопедическому словарю», «смерть – прекращение существования жизнедеятельности организма, его гибель. У одноклеточных организмов (напр., простейших) естественная смерть особи проявляется в форме деления, которое приводит к прекращению существования данной особи и возникновению вместо неё двух новых. Смерть теплокровных животных и человека связана с прекращением прежде всего

дыхания и кровообращения. Отличают два основных этапа смерти: клиническая смерть и следующая после неё биологическая смерть, – необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях» [135, с. 724]. В данной словарной дефиниции, как и в предыдущей, отображен единственный признак концепта «смерть»: ‘прекращение существования’. Обратим внимание, что данное издание толкует понятие смерти, как и понятие жизни, только с биологической стороны.

В «Толковом словаре русского языка» содержатся такие значения существительного *смерть*: 1. Прекращение жизнедеятельности организма. 2. Конец, полное прекращение какой-либо деятельности. 3. Очень, в высшей степени, очень много, ужас [109]. Таким образом, в толковом словаре реализуются такие признаки концепта «смерть», как ‘прекращение существования’ и ‘высшая степень чего-либо’, из которых совпадает с признаками концепта, отраженных в других словарях, только ‘прекращение существования’.

Согласно «Краткому философскому словарю», «смерть – завершающий момент существования живого существа. Для человека выступает как определяющий момент его мировоззрения. Переживание смерти – важный компонент любой социо-культурной системы, сопровождает исторический процесс становления личности» [79, с. 352]. В данном контексте заметна реализация сразу двух семантических признаков концепта «смерть». С одной стороны, это физиологическое понимание: ‘прекращение существования’, с другой стороны ‘нечто временное’, то есть переход в другую форму существования, «переживание смерти». Из отраженных в данной дефиниции семантических признаков концепта «смерть» совпадает с признаками, реализованных в других словарях, только ‘прекращение существования’.

Как и в случае с лексемой «жизнь», наиболее обширное определение смерти дает «Словарь русского языка»: 1. Прекращение жизнедеятельности организма, гибель. 2. Прекращение существования человека, животного. 3. Плохо, нехорошо; горе, беда. 4. Очень, чрезвычайно [131].

Более современный «Русский толковый словарь» толкует лексему «смерть» как «прекращение жизни» [96]. Очевидно значительное сокращение семантических признаков по сравнению с предыдущим источником. Однако комплексные данные толковых словарей дают возможность выделить такие словарные признаки концепта «смерть»: ‘прекращение существования’, ‘высшая степень чего-либо’, ‘нечто ужасное’.

Н.Н. Рогалевич, изучив место смерти в культурах разных народов, приходит к выводу, что смерть в большинстве случаев сравнивается с стареющей или молодой луной, с ночью, сном, с землей, принимающей в себя все материальное, со свойством невидимости, с белым, черным и зеленым цветами [133].

В мифах различных народов смерть олицетворяет результат грехопадения первых людей, наказание человечеству. Широко известно изображение смерти в виде старухи или скелета с косой, которая дает возможность выйти из одностороннего понимания смерти как прекращения биологического существования. Ведь скошенный колос дает рождение множеству новых. В «Словаре символов и знаков» сказано, человек вынужден убивать, для того, чтобы продолжать жить, следовательно, смерть является необходимостью жизни. Смерть, по мнению Н.Н. Рогалевича, – важный участник постоянного возрождения природы [Там же, с. 390].

В античной культуре появляется понятие «мороса» (греч. Moros - доля, судьба, смерть), которое определяет смерть как меру существования отдельного человека, судьбу; в русском языке это передается созвучием слов «смерть» и «смерить». Смерть может рассматриваться как свершение, исполнение судьбы: только прошедший земной путь до конца считается избывшим свой удел. Человек смертен, и именно временная ограниченность его жизни придает специфику его существованию как завершеному целому.

Представления о смерти во многих культурах носят дуалистический характер. Смерть понимается и как будущее возрождение. Надежда воскреснуть после земной смерти воплотилась в образе воскресающего бога,

встречающемся в различных религиях. В христианстве такие идеи нашли развитие в концепции искупительной смерти Иисуса Христа, который умер, чтобы воскресли к жизни другие.

Образ смерти активно использовался и в мистической традиции. Во многих культурах смерть являет собой символ отказа от индивидуальности и постижения абсолюта. «Человеку присуще влечение к разрушению и саморазрушению (проявляющееся преимущественно, хотя и неисключительно, в форме войны), его искушает тонкое очарование смерти. Ее присутствие обостряет восприятие жизни: так древние египтяне водружали в пиршественных залах скелет, который должен был напоминать о неизбежности смерти и стимулировать наслаждениями, радостями сего мира» [133, с. 392].

Дж. Купер в «Энциклопедия символов» также дает представление о смерти как о временном явлении: «Смерть для живущих на земле предшествует духовному возрождению <...>. Смерть также является заменой одного способа существования на другой, воссоединением тела с землей, а души с духом» [84, с. 306]. В «Энциклопедии символов» Г. Бидерманна описываются следующие символы и эмблемы смерти в различных культурах: корабли, дельфины (которые перевозили души умерших в иной мир), песочные часы, плакучая ива, скелет, коса (серп), ангел смерти Израил (Азраил) и т.д. [21]. Символами смерти в древнегреческой мифологии стали река забвения Лета (отсюда до сих пор бытующее в ряде языков выражение *кануть в Лету*), перевозчик с одного берега на другой, от жизни к смерти, Харон.

Согласно «Словарю символов и знаков», к символам смерти относятся скелет, могила, череп, фигура, укутанная в черный плащ (как, например, греческий бог Танатос). В европейской традиции смерть ассоциируется с черным цветом, в восточной – с белым. Смерть изображалась и в виде фигуры, которая бьет в барабан или танцует. Более привлекательным символом была

женщина в черной накидке или мусульманский Исафил – ангел Судного дня [133].

Коса или серп являются также символами времени: атрибутами римского бога Сатурна и индийского бога времени Махакалы. Кроме того, серп – символ луны, с которой ассоциируются нарастание и убывание жизненных циклов [60].

Рассмотрим отношение к жизни и смерти в различных культурах. Поскольку характерные черты национальной культуры во многом определяются религией, исповедуемой каким-либо народом (сюда входят и нравственные и этические нормы, и некоторые направления искусства, и даже значимые для народа даты и праздники), важно проследить место таких базовых понятий, как жизнь и смерть, в первую очередь, в религии. Это необходимо и потому, что вероисповедание человека во многом определяет его отношение к этим явлениям.

Верующий человек посредством религии удовлетворяет свои потребности в поиске жизненных координат, абсолютных нравственных ценностей, моральных ориентиров и обобщённых способы взаимодействия с собой и другими. Религия является способом самопонимания и самостроительства, способствует формированию цельного образа мира, в котором главную роль играют представление о добре, духовные ценности; верующим свойственно более ровное, спокойное отношение к смерти.

Христианство – одна из трех основных мировых религий. Смысл жизни для христиан оправдан, потому что мир и законы существования созданы Богом, а поэтому несут в себе справедливость и определённость. Более того, христиане считают, что жизнь, прожитая праведно, то есть по библейским нормам, обеспечивает путь в лучший из миров, в рай. Безусловно, в христианстве присутствуют и представления об аде, месте, нахождение в котором связывается с ужасными мучениями и страданиями. Считается, что после смерти человека его душа отправляется туда, если ее земная жизнь сопровождалась грехом, не соответствовала библейским нормам [22].

Христианство даёт шанс избавления от мучений после смерти, вселяет веру в вечную жизнь, но лишь после прохождения пути духовного и личного самосовершенствования согласно библейским заповедям. Таким образом, присутствует ценностно-ориентированная, смысловая определённости человека на жизненном пути и в обществе. А.В. Петровский считает, что непонятное, неизведанное человеком обычно воспринимается как “плохое”, “страшное”. Именно такой и является смерть. Поэтому для христиан смерть более “добрая”, “справедливая”, чем для людей, которые придерживаются атеистических взглядов. Само отношение к жизни определено отношением к другим людям, так как личность, по мнению психологов, существует только во взаимодействии с обществом, развивая и проявляя различные свои свойства во взаимодействии с окружающими, постоянно находясь в процессе открытого (прямого, от человека к человеку) или закрытого (обеспеченного, например, книгами) постижения этих миров [113].

Совершенно иную картину можно наблюдать в культуре стран Ислама. М. Морев считает, что в мусульманской традиции жизнь как таковая не имеет большой ценности, и как следствие, разрешена кровная месть, то есть убийство человека. В то же время законы Ислама гласят о запрете самоубийства даже если его совершает преступник. Жизнь дана Аллахом, и только в Его власти забрать её. Согласно нормам мусульман, запрещено оказывать помощь тонущему человеку, так как он находится во власти Бога. Бог постоянно включен в действительность, без Его участия ничего не происходит, Он влияет на реальность всегда и постоянно.

М. Морев, изучая Коран, в особенности части, касающиеся вопросов жизни и смерти, делает следующие выводы о мусульманском мировоззрении: жизнь человеку дана Аллахом; он же вправе забрать её в любое время, абсолютно не считаясь с желанием человека; человек не имеет права самовольно прервать свою жизнь, но ему позволено сделать это со своим врагом, это считается за честь, за доблесть; жизнь необходимо прожить достойно, чтобы попасть в рай; честь важнее, чем жизнь; загробная жизнь

вечна, и именно она является конечной целью всех, кто жил ранее и живет в настоящее время; жизнь даётся только раз [105].

Исследователь даже приходит к заключению, что проблемы жизни и смерти в мусульманской культуре в принципе не существует, а наличествует только частное отношение к этим понятиям.

Теперь необходимо сказать и о материалистическом, то есть атеистическом, взгляде на эти понятия.

Исходя из определения материализма как философского учения, «по которому материя является единственным основанием всего существующего, также и явлений духовного порядка» [164, с. 394], следует, что материализм противопоставляет себя любому религиозному учению, так как отрицает идею создания Богом всего живого. Основная идея христианского мировоззрения относительно жизни и смерти – в вечной жизни после смерти, если человек на земле жил праведно. В атеистическом учении для человека существует три пути к бессмертию. Приведем их так, как они представлены С.В. Хмельницким.

1. Первый путь – принятие мысли, которая находит доказательство в науке, о том, что полное разрушение даже самой элементарной частицы невозможно, в мире действуют законы, по которым сохраняются вещества, энергия, информация, организация сложных систем. Поэтому частицы нашего “я” после смерти войдут в вечный круговорот бытия и в этом смысле будут бессмертными.

2. Второй путь – это обретение бессмертия в делах, в плодах материального и духовного производства. Для этого, прежде всего, необходима уверенность в бессмертии человечества и его космическом предназначении.

3. Третий путь, как правило, выбирают люди, область деятельности которых ограничивается рамками их дома и ближайшего окружения. Не задумываясь о вопросах бессмертия души, многие люди просто плывут в потоке жизни, ощущая себя его частицей [156].

С.В. Хмельницкий считает, что подлинная победа человека над смертью – это, прежде всего, победа над страхом смерти именно через её осознание, через нахождение её смысла. Победа над смертью – это не побег от нее, а признание её необходимости и смысла, и лишь тогда страх смерти перестает угнетать и пугать человека; только в этом случае человек обретает свободу. Таким образом, победа над смертью – душевное состояние человека, в котором он возвышается над ней, своими поступками и внутренним миром, доказывая свою важность, так обеспечивая себе вечную жизнь в своих отношениях с миром [156].

Независимо от аспекта изучения все исследователи вопроса жизни и смерти сходятся в том, что эти понятия являются базовыми как для отдельного человека, так и для больших групп людей, в том числе социальных и этнических. Кроме того, эти понятия играют заметную роль практически во всех национальных культурах и религиях, а также в реконструкции ЯКМ.

Анализ репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в речи представителей разных полов позволяет полнее раскрыть содержание указанных концептов.

По мнению В.Н. Телия, концепт «рассеян» в содержании лексических единиц, фразеологизмов, пословиц и поговорок, в системе устойчивых сравнений, фиксирующих образы-эталоны, свойственные данному языку [144]. Л.Ю. Буянова рассматривает концепт как вербально-дериватологическое единство [26]. В соответствии с этим мы в своем дальнейшем исследовании также не будем ограничиваться изучением только «заглавных» лексем, т.е. *жизнь* и *смерть*, но включим в него все производные, содержащие в себе семы жизни и смерти, относящиеся не только к именам существительным, но также и к другим частям речи. Это, в частности, лексемы *жить*, *поживать*, *прожить*, *проживать*, *пережить*, *живой*, *живо*, *живее*, *оживиться*, *оживить*, *воскрешение* и т.п. А также лексемы *умереть*, *угробить*, *убийство*, *скончаться*, *погубить*, *издохнуть*, *зачахнуть*, *пришибить*, *(у)давить*, *удавиться*, *погибель*, *не жить*, *неживой*, *мертвый*, *мертвец* и т.п.

1.2. Структура антиномичных концептов «жизнь» и «смерть»

Концепты «жизнь» и «смерть» отличаются общезначимостью не только для представителей какой-то определенной культуры, но и для всего человечества. Это, в числе прочего, подтверждается и тем, что слова «жизнь» и «смерть», а также однокоренные им слова часто используются для обозначения каких-либо явлений, напрямую не связанных с реалиями жизни и смерти. Концепты «жизнь» и «смерть» несут в себе зачастую взаимосвязанные понятия, так как смерть – это логический конец жизни, а жизнь человека в большинстве своем требует смерти других живых существ. Противоположность данных концептов сводится к принципу «свет и темнота» (темнота – это не самостоятельное явление, а просто отсутствие света), то есть смерть – это отсутствие жизни. Следовательно, жизнь и смерть – взаимоисключающие, противоположные, антиномичные понятия. Поэтому, прежде чем изучить их структуру, дадим общую характеристику такому языковому явлению, как антиномия.

Понятие антиномии возникло в античности. В древнегреческой философии в смысле антиномии обычно использовался термин «апория»; тогда же были сформулированы некоторые антиномии, относимые ныне к семантическим. Много внимания этому уделяли схоластические логики [152].

И. Кант использовал понятие антиномии в попытках оправдания основного положения своей философии. Согласно ему, рассудок не может выйти за рамки эмоционального опыта и постичь «вещи в себе». По учению Канта, такие попытки приводят разум к противоречиям, потому что они делают возможным как утверждение (тезис), так и отрицание (антитезис) каждой из следующих «антиномий чистого разума»: 1. Мир конечен – мир бесконечен. 2. Каждая сложная субстанция состоит из простых частей – не существует ничего простого. 3. В мире существует свобода – в мире не существует свободы, но господствует только причинность. Существует первопричина мира (бог) – не существует первопричины мира [Там же].

Термин *антиномия* предложил в 1613 немецкий философ Р. Гоклениус, но парадоксальный характер мышления был установлен ещё античными философами. Различаются антиномии, которые являются своеобразной логической моделью противоречий реальности, и антиномичные суждения — парадоксы, которые зависят от определенного уровня развития знания, в том числе от противоречий в системе исходных понятий. Нахождение парадоксов — один из основных источников развития познания (к примеру, теория относительности появилась в результате нахождения противоречий в некоторых исходных положениях классической физики). В диалектическом материализме понятие антиномии не имеет самостоятельного значения, так как подчинено категории «противоречие» [См.: 15].

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона термин *антиномия* трактует как «противоречие между противоположными положениями, одинаково строго доказуемыми» [164].

В Толковом словаре русского языка дается следующее определение антиномии: это «противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых доказуемо логическим путем» [109, с. 23].

Л.А. Новиков определяет антиномию как наиболее значимое и свойственное всем носителям языка максимальное противопоставление слов, зафиксированное в нормах литературного словоупотребления [107]. Аналогичных взглядов придерживается и Н.В. Баско [17].

Антиномии не появляются в результате личностной ошибки, но связаны с диалектичностью процесса постижения мира. Противоречивое мышление связано с идеями христианства, в котором непостижимость основных положений часто излагаются в форме антиномий [147].

Антиномии подразделяются на логические и семантические. Логическая антиномия — это философская категория, которую иногда называют парадоксом или противоречием.

Парадоксом считается «умозаключение, утверждение, не соответствующее общепринятому мнению» [164, с. 452]. В основе парадокса

обычно лежит парадоксальное высказывание. По мнению Б.Т. Ганеева, парадоксальное высказывание является поликоммуникативной единицей, способной возникать в речи на различных иерархических уровнях: на уровне слова, словосочетания, предложения, сверхфразового единства. Ученый также считает, что на уровне каждого парадоксального высказывания существует парадоксальность, которая определяется следующими моментами: а) противоречием; б) грамматической правильностью; в) единством объекта характеристики [42].

Кроме того, по М.В. Ляпон, парадокс обладает двойной смысловой энергией: он является и продуктом мысли, и сильно действующим средством, способным активизировать мышление. Парадоксы нуждаются в мотивации двух видов: 1) смысловой: интерпретация логической аномалии, сдвига, нарушения конвенций, действующих в рамках логики здравого смысла; 2) психологической: понимание специфики афористического мышления; определение авторского выбора правил смысловой игры; поиск ключа к индивидуальной стилистике авторского остроумия [99].

Под противоречием же понимается «положение, при котором одно (высказывание, мысль, поступок) исключает другое, не совместимое с ним» [109]. По А.Н. Аверьянову, присутствие противоречий и противоречивость – это черты, характерные для функционирующего объекта, возникающие благодаря выделению подсистем одной системы и их гармоничному или противоречивому взаимодействию [1]. Б.Т. Ганеев полагает, что к появлению противоречия приводит появление нового языкового явления или приложения языковой единицы к нестандартной ситуации. Таким образом, экзистенциальная суть противоречия заключается в появлении нового в старом. «Противоречие – это новое в старом, а недоумение, вызванное новой языковой ситуацией, – это уже начало противоречия» [42, с. 76]. Согласно И.А. Наличниковой, противоречие встречается как в речевой, так и в коммуникативной деятельности, и именно оно является одним из признаков парадоксальности речи, особенно афоризмов [106].

Что же касается семантической антиномии, в лингвистике она часто заменяется понятием антонимии, трактуемой как «семантическая противопоставленность, противоположность» [120, с. 26]. Эта лингвистическая категория легла в основу антитезы – стилистической фигуры, служащей «для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов» [Там же, с. 26]. Другая стилистическая фигура, также построенная на семантической антонимии, оксюморон, состоит «в соединении двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключаящих одно другое» [Там же, с. 241]. Очевидно, что семантическая сторона термина, как и любого другого слова, отражает непосредственно его содержание.

Словарь-справочник лингвистических терминов определяет семантику как смысловую сторону, «значение всех отдельных языковых единиц: морфем, слов, словосочетаний, а также грамматических форм» [Там же, с. 376]. В лингвистическом энциклопедическом словаре дается более масштабное толкование термина *семантика*: 1) всё содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением); 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию [92].

Семантические признаки, или семы, — более мелкие и более универсальные, чем слово, семантические единицы [120].

Ч. Осгуд определяет семантические признаки как опосредствующие компоненты, двойственные, противоречивые по своей природе и в общем случае обладающие изменяющейся интенсивностью между нулем (нейтральность, отсутствие некоторого признака в кодовой цепочке) и максимальным показателем того или иного признака. При этом исследователь отмечает возникновение семантических признаков из опыта, их становления как наиболее обобщенного вида знания о мире и необходимость эмоционально-оценочного отношения к носителям признаков [См.: 54]. То есть одно слово или понятие может иметь несколько семантических

признаков, содержание которых зависит от того, какой смысл человек вкладывает в лексему в каком-либо контексте.

Совокупность слов и выражений, образующих тематический ряд и покрывающих определенную область значений, принято называть *семантическим полем*. Например, семантическое поле времени: *год, месяц, неделя, день, час, длительность, скоро, давно* и т.д. [120]. Данные слова объединены семантическим признаком «время».

Отметим, что концепт также выражается в языке лексическими единицами одного семантического поля, которые и образуют его поле, состоящее из ядра и периферии. Е.В. Галдин под *полем концепта* понимает сумму разнообразных по значению тематических групп и лексико-семантических вариантов [41].

Концепт можно назвать основной лингвокультурной категорией. Как любая единица языка, концепт имеет свою структуру. В то же время независимо от аспекта изучения практически все исследователи отмечают многосложность и неоднородность структуры концепта не только как единицы языка, но и как мыслительного конструкта. Обобщенно структуру концепта можно представить в виде круга, состоящего из ядра и периферии. Ядро концепта – основное понятие, семы, зафиксированные в словарных статьях, периферия – те коннотативные и ассоциативные приращения, которые привносятся культурой и реализуются при определенном наборе слов-репрезентантов. К явлениям культуры в рамках нашего исследования относим произведения словесности, как фольклорные (пословицы, поговорки), так и авторские (афоризмы, художественные тексты).

По определению Ю.С. Степанова, структура концепта включает в себя «все составляющие понятия, и, кроме того, в структуру концепта входит все, что делает его фактом культуры – исходная форма; сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки и т.д.» [138, с. 40]. Касаясь вопроса о структуре концепта, С.Г. Воркачев и Н.В. Дорофеева указывают, что концепт, помимо понятийной составляющей, содержит

компоненты, связанные с ментальностью носителей языка или менталитетом национальной языковой личности [35]. Н.Б. Грушина также считает, что в концепт входит «комплекс коннотативных приращений, реализуемый в определенном наборе слов-репрезентантов» [48, с. 6].

Существуют две основные линии исследования лингвокультурных концептов:

1. Концепт имеет полевою структуру, которая включает ядро (лексема, дающая имя концепту) и периферию (отдельные семантические признаки концепта). Для конструирования номинативного поля концепта может использоваться ключевое слово и его однокоренные слова, синонимы, пословицы и поговорки, фразеологизмы, субъективные и словарные дефиниции, публицистические тексты, сравнения, ассоциативное поле, свободные словосочетания, художественные тексты и их совокупности.

2. Концепт характеризуется трехслойной структурой, в которую входит внутренняя форма, зафиксированная во внешней, вербальной форме, основные и дополнительные признаки [139].

З.Д. Попова и И.А. Стернин представляют структуру концепта в виде круга, который имеет ядро и периферию. Исследователи считают, что ядро концепта состоит из основного понятия, сем, зафиксированных в словарных дефинициях, а его периферия – из тех семантических признаков, которые привносит культура [118]. Того же мнения придерживается и В.А. Маслова, которая полагает, что словарные толкования той или иной лексемы содержат в себе большие возможности в раскрытии содержания концепта, в определении особенностей его языкового содержания [101].

Н.Н. Болдырев полагает, что в основе ядра концепта лежат конкретно-образные характеристики, являющиеся результатом эмоционального восприятия мира. Абстрактные признаки, по мнению исследователя, являются вторичными по отношению к более конкретным, которые фиксируют специальные знания о предметах и явлениях, полученные в итоге теоретического познания. Взаиморасположение этих признаков носит

индивидуальных характер, так как зависит от условий становления концепта в сознании каждого отдельного человека. По Н.Н. Болдыреву, структура концепта подобна снежному кому: «Объем концепта увеличивается за счет новых концептуальных характеристик, обволакивается новыми слоями» [23, с. 29-30].

По мнению И.Б. Русаковой, в структуру лингвокультурного концепта также входит образная составляющая, связанная со способом постижения реальности, который исторически предшествует понятийному. В отличие от понятийной составляющей, она не всегда поддается рефлексии. Итогом образного познания является наглядно-ментальное представление [121].

В концепт могут входить метафоры, сравнения, символы, которые, как и концепт, являются когнитивными образованиями и выражаются посредством языка. Из них наиболее ранним и простым по строению является сравнение как особенность мышления, которая способствует освоению человеком окружающего мира. Сравнения порождают метафоры, а метафоры переходят в символы, более масштабные образования. Символ иногда становится формой выражения концепта, если последний приобретает особую значимость в определенной культуре [161].

Л.В. Адонина считает, что основными компонентами концепта являются: 1) образный компонент, состоящий из перцептивного и когнитивного образов, в равной степени отражающих образные характеристики концептуализируемого предмета или явления; 2) информационно-понятийная составляющая, включающая наиболее значимые признаки предмета или явления; 3) интерпретационное поле, в которое входят оценочная, утилитарная, энциклопедическая, социально-культурная, регулятивная и паремиологическая зоны [3].

В основном признаке, в «активном» слое концепт существует для всех носителей данного языка как средство их общения и взаимопонимания. Являясь средством коммуникации, концепт в этом «слое» включается, кроме духовной культуры, в структуры общения и ментальные категоризации,

которые связаны именно с общением. Во второстепенных, «пассивных» признаках концепт актуален только для некоторых социальных групп. Так, например, «23 февраля» — праздник для военных, в особенности старшего поколения; «8 марта» — исторически для представительниц феминистского движения и т.д. Притом во всех таких случаях репрезентируются «исторические», «пассивные» признаки концепта в основном во время общения людей внутри данной группы, между собой, а не вовне, с представителями других групп. Что касается этимологического признака, или внутренней формы слова, то она открывается лишь ее научном исследовании. Но это не значит, что для носителей данного языка этого слоя вовсе не существует. Он существует для них, но опосредованно, как основа для появления остальных слоев значений [3].

А.А. Лепеньшева представляет классификацию оснований, по которым единицы лексико-семантического поля концепта следует относить к ядру или периферии. Среди них:

- 1) частотность употребления в тексте;
- 2) специфика строения и содержания дефиниции к лексеме-репрезентанту как системе значений этой лексемы [91].

Для настоящего исследования наиболее актуальным является подход к изучению концепта, предложенный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Акцент сделан на полевой структуре концептов «жизнь» и «смерть» с выделением ядра и периферии каждого из заявленных концептов по первому основанию: наиболее частотные семантические признаки приближены к ядру, наименее частотные составляют ближнюю и дальнюю периферии концепта.

А.А. Лепеньшева выделяет основные методы ограничения лексики, репрезентирующей концепт:

- 1) нахождение синонимов к лексеме, именующей концепт;
- 2) выделение всех вероятных лексем-ассоциаций к лексеме, именующей изучаемый концепт;

3) выбор лексем, в дефинициях которых находятся маркеры исследуемого концепта [91].

По мнению И.В. Кирилловой, для выявления ядра концепта можно использовать лексикографические данные [73].

При выборке лексического материала для анализа нами в той или иной степени используются все представленные методы, так как мы не ограничиваемся только анализом лексем, репрезентирующих имена заявленных концептов. Анализу подлежат и все производные, содержащие в себе семы жизни и смерти, относящиеся не только к именам существительным, но также и к другим частям речи.

Представляется, что лингвистический анализ разноструктурных языковых единиц может дать не одну общую, а разные структуры рассматриваемых концептов.

Так, например, диссертационная работа Н.А. Новиковой посвящена рассмотрению культурных концептов «Жизнь» и «Смерть» и динамики изменения их семантического объема от словаря до дискурса. Автор проводит подробный анализ представленности указанных концептов в различных лексикографических изданиях, в корпусе русских фразеологизмов, паремий и афоризмов, прослеживает динамику смысловой наполненности концептов «Жизнь» и «Смерть». Кроме этого, Н.А. Новикова проводит социолингвистический эксперимент. Исследователь приходит к выводу, что изучаемые концепты меняют свой семантический объем в зависимости от типа дискурса и языкового опыта личности и подвергаются метафоризации, которая обусловлена развитием культуры общества. Также автор результатами своей работы подтверждает, что жизнь и смерть – понятия, тесно взаимосвязанные, пересекающиеся, взаимопроникающие друг в друга [108].

Структуру антиномичных концептов «жизнь» и «смерть» предлагает В.В. Тарасенко в своем диссертационном исследовании, созданном на материале фразеологизмов. При детальном рассмотрении семантических признаков, выявленных исследователем, становится очевидным, что ядро и

периферия концептов «жизнь» и «смерть» организованы по принципу положительное (ядро) – отрицательное (периферия) [144].

Кроме того, В.В. Тарасенко был поставлен эксперимент, в результате которого выяснилось, что в строении концепта «жизнь» возможно выделить образную составляющую (перцептивный и когнитивный образы). Как показал эксперимент, информационный элемент не представлен, интерпретационное поле можно считать обширным за счет вхождения в его состав оценочных ассоциаций. В структуре концепта «смерть» также ярко представлена образная составная часть. В отличие от концепта «жизнь», информационное содержание наличествует, но носит общий характер. Интерпретационное поле содержит оценочные ассоциации, которые связаны с чувственным восприятием смерти как явления. В структуре концепта «жизнь» в русском языке ядерным элементом является образ (10,6 %). Наиболее значимой в интерпретационном поле оказывается оценочная составляющая (12 %). Ядерный компонент концепта «смерть» – образ (он составляет 16,5 % реакций). Значительной является оценочная зона: около 10 %. Кроме того, на основе данных, полученных в результате исследования, выявлены межъязыковые и внутриязыковые признаки концептов [Там же].

Особенности вербализации концептов «жизнь» и «смерть» лексемами и фразеологическими единицами проанализированы в диссертационной работе Т.Н. Лоскутовой, которая моделирует семантическое поле каждого концепта, выделяя семантические признаки, составляющие ядерную и приядерную зоны и периферию. Критерием для их выделения послужила смысловая наполненность семантической группы и то, насколько объемной является та или иная семантическая группа. Кроме того, ученый отмечает, что переход от ядра к периферии происходит постепенно, граница между ними размыта [97]. В данном исследовании мы четко будем определять ядро концепта, которое включает в себя словарные признаки концептов. Что касается приядерной зоны и периферии, ближней и дальней, здесь мы будем придерживаться мнения Т.Н. Лоскутовой о нечеткости границ между ними.

Диссертационное исследование М.В. Гавриловой посвящено репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста». Автор приходит к выводу, что оппозиция «жизнь-смерть» является неделимым единством, так как включает в себя понятия, которые циклично сменяют друг друга. Кроме того, М.В. Гаврилова полагает, что в текстах Ю. Буйды концепты «жизнь» и «смерть» репрезентируются как посредством лексем, относящихся к растительному миру, так и при помощи архаического комплекса «свадьба-похороны», который актуализирует семантику оборачиваемости жизни и смерти [40].

А.А. Осипова изучила место и структуру концептов «жизнь» и «смерть» в творчестве В.П. Астафьева. Исследователь говорит о том, что «на всех уровнях функционирования вербализаторов концепта «жизнь» (ядро, околядерная, периферийная зоны) выражается не только его противопоставление, но и четкая взаимосвязанность с полярным концептом «Смерть» [111, с. 67].

Очевидно, что концепты «жизнь» и «смерть», их особенности и структура на сегодняшний день в значительной степени уже изучены. Наше исследование в определенной мере продолжает данную работу – за счет того, что мы выявляем гендерные различия в структуре данных концептов и специфику их бытования в языке русской художественной литературы разных жанров. Это позволит более точно и полно судить об их семантике и аксиологии в русской ЯКМ.

1.3. Лингвокультурологическая специфика гендерных исследований

В лингвистических работах последних десятилетий объектом научного рассмотрения все чаще становятся гендерные исследования, предметом которых являются социальные, культурные, языковые факторы, которые обуславливают не только отношение социума к представителям разного пола, но и речевые характеристики носителей языка в связи с их половой

принадлежностью, а также стереотипные представления о типично мужских и женских качествах [110].

По мнению А.В. Белянина, термин «гендер» – это транслитерация английского слова, обозначающего грамматический род, мужской или женский. Смысл такого разделения терминов заключается в том, чтобы отделить социальные значения «мужественности» и «женственности» от биологических половых различий [19].

В современной науке по отношению к полу и гендеру сформировались две позиции: либо различать эти понятия, либо синонимизировать. Рассмотрим обе.

Помимо физиологических различий, между людьми существует разделение их форм деятельности, социальных ролей, наблюдаются различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Понятие гендера, исследуемое в разных областях науки, описывается по-разному. С.Л. Бем полагает, что «гендер — совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [20, с. 28]. Аналогичных взглядов относительно вопроса гендера придерживаются, например, Н.М. Габриэлян [39], И.В. Зыкова [58], Л.А. Сошникова [137].

Наиболее актуальным для данного исследования определением понятия «гендер» можно назвать толкование А.В. Кириллиной, которая считает, что гендер – это «элемент современной научной модели человека, отражающей социокультурные аспекты пола, фиксируемые языком» [69].

Гендерные стереотипы, по мнению А.В. Кириллиной, – это культурно и социально обусловленные представления о качествах, атрибутах и нормах поведения мужчин и женщин и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация закрепляется в языке, непосредственно связывается с выражением оценки и влияет на установление ожиданий от человека определенного типа поведения в связи с его половой принадлежностью. Гендерные стереотипы в коллективном общественном сознании прочно

закреплены и меняются медленно. Согласно устоявшемуся мнению, женщины в обществе имеют меньшую ценность, чем мужчины [70].

М. Киммел считает, что «мы приобретаем гендерную идентичность в процессе нашей социализации и в результате оказываемся социализированными так, за то, чтобы мужчины действовали по-мужски, а женщины по-женски. Наша идентичность фиксирована, постоянна и является неотъемлемой частью нашей личности. Мы уже не можем перестать быть мужчинами или женщинами, как не можем перестать быть людьми» [67, с. 167].

В реальном мире гендерный фактор обуславливает и обосновывает единство и борьбу противоположностей. В европейской культуре и философии к характерным чертам мужского начала относили ясность, логическую упорядоченность, стойкость, замкнутость формы, конкретность и действенность. Женскому началу, считалось, свойственны неясность, импульсивность, активность, открытость формы, образность, наблюдательность. «Женское» обязательно соотносилось с материнством, очагом, слабостью, земледелием; «мужское», напротив, – с силой, защитой, охотой. Две культуры – женская и мужская, два менталитета были изначально противопоставлены друг другу [130, с. 141].

К.С. Волошина и О.Г. Савельева указывают, что гендер – один из способов социального деления, который в сочетании с такими социально-демографическими факторами, как национальность, раса, возраст, социальная принадлежность, организует систему социальной иерархии [28]. Кроме того, целесообразно утверждать, что гендерная характеристика, наряду с этнической принадлежностью, является статусом, которым человек наделяется еще при рождении, в отличие от таких факторов формирования языковой личности, как, например, профессия или должность [18].

Э. Шорэ предлагает расширить проблематику гендерных исследований, поскольку они, «как и феминистское литературоведение, в силу постановки проблемы нарушают узкие рамки филологии, поэтому невозможно

представить их себе без междисциплинарных подходов. Должны быть приняты во внимание историческая наука, социология, философия, психология, экономика, педагогика, лингвистика и ряд других наук» [163, с.101].

В лингвистике изучение гендерного аспекта весьма значимо, так как его специфика позволяет лингвистам рассмотреть в подробностях женскую или мужскую КМ и, таким образом, полнее понять реально существующие модели поведения мужчин и женщин, а также особенности мужских и женских речевых стратегий и тактик [90].

Что же касается места гендера в культурологии, то, согласно Словарю гендерных терминов, осмысление гендера как культурного символа связано с тем, что пол человека имеет не только социальное, но и культурно-символическое осмысление. Физиологическая половая дифференциация представлена и зафиксирована в культуре через символы мужского и женского начала. Это выражается в том, что многие понятия и явления, не связанные с полом, так или иначе ассоциируются с «мужским/маскулинным» или «женским/феминным» началом. Таким образом, возникает символический смысл «женского» и «мужского», при этом «мужское» приравнивается к Богу, свету, творчеству, силе, рациональности, активности и т.д., и, соответственно, бог, творчество, сила и прочее олицетворяют маскулинность, мужское начало. «Женское» ассоциируется с антиномичными понятиями и явлениями: тьмой, природой, подчинением, слабостью, пустотой, хаосом, беспомощностью, пассивностью и т.д., которые, в свою очередь, символизируют феминность, женское начало [38].

Поскольку человек предстает в двух ролях – мужчина и женщина, постольку противопоставление «мужской-женский» – основополагающее для человеческой культуры. Как пишет В.А. Маслова, в антропоморфной модели Вселенной женщина приравнивалась к Бездне, хотя и считалась первоисточником всего живого в Мироздании, по представлениям язычников. Женщина также является и символом нижнего мира, зла, греховности, всего

земного, тленного. В древности в обществах, где условия выживания и труда были очень трудными, особых гендерных различий историки не отмечают. Когда женщины доверили мужчинам пасти скот, те стали кормильцами. Последующее «половое» разделение труда дало мужчине возможность закрепиться в истории как абсолютной личности. Именно мужская деятельность покорила природу и женщину. Мужчина признал женщину хоть и половиной, но второй, дополнительной, его «другим Я». Следовательно, гендерное неравенство вошло в культуру одновременно с социальным прогрессом [101].

Явление гендера значительно повлияло на специфику человеческого сознания, языка и мышления. Гендерная обусловленность сознания и мышления выражается в различном мировосприятии мужчин и женщин, желаниях первых в большинстве своем познать и покорить мир либо понять и переделать его, а последних – прочувствовать и найти отклик на свои чувства, накладывается на различные ЯКМ [24]. В некоторых языках гендер оказывается еще и важной категорией процесса наименования предметов, явлений, лиц. Так происходит, например, в английском языке, где, по мнению Е.С. Гриценко, «при отсутствии формально-грамматических признаков рода оппозиция мужское/женское пронизывает концептуальную метафорическую структуру языка» [47, с. 13].

Современные мужчины и женщины также имеют множество качественных различий. Е.П. Ильин, например, проанализировав ряд экспериментов по определению мужчинами и женщинами своих личностных качеств, приходит к выводу, что с точки зрения их привлекательности явное преимущество остается за женщинами. Мужчина, несмотря на ряд достоинств, имеет огромное количество недостатков, таких как агрессивность, грубость, заносчивость, жестокость, лень, неотесанность. Женщина, напротив, предстает гуманной, демократичной, спокойной, покорной, отзывчивой [59].

Интерес отечественных ученых к гендерной проблематике зачастую объясняется открытостью общества, которая наступила в постсоветской

России, а также влиянием идей феминизма, «нового женского движения» в США [72]. Центром развития идей феминизма становятся своеобразные «кружки по повышению самосознания», где на основе психоаналитической традиции принято ссылаться на личный опыт и частные истории, пересматриваются привычные стереотипы осмысления и оценки различных ситуаций. В частности, из практики таких объединений появляются отдельные образовательные программы для женщин и, наконец, дисциплина о женщинах, обязательная в США для изучения студентами всех социальных специальностей. Начиная с 90-х годов – во многом противоречащая ей учебная и исследовательская дисциплина – гендерные исследования, уже вышла из-под прямого влияния представительниц феминистского движения [78]. Феминистская лингвистика, возникшая на рубеже 60-70-х годов XX века в США и Германии, подвергла язык критике за его андроцентричность, т.е. направленность именно на мужчину, а не на человека в целом. Язык обвинялся в сексизме, то есть половой дискриминации, которой подвергаются женщины и которая выражается в языке преобладанием мужских форм, вторичностью и объектностью женщин, преобладанием негативных оценок в обозначениях женщин, совпадением во многих языках понятий «человек» и «мужчина» и т. п. [68]. К. Тафель приводит факты, свидетельствующие об андроцентричности русского языка, это, например, склонность переносить обозначение пола лица с морфологических на согласовательные элементы. Кроме того, автор говорит, что сексизм заключен не в языке, а в сознании людей [169]. Феминистки также считали, что пол является определяющим фактором общения. Феминистская лингвистика открыто заявляла о своей политической ангажированности и намерении вскрыть следы патриархата и сексизм языка и через реформу языка преодолеть их. За основу бралась гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа, согласно которой, мышление структурируется и направляется языком, поэтому сознание человека в значительной мере определяется особенностями

языка. Феминистская лингвистика предлагала множество рекомендаций по реформированию языка [68].

Что касается исторических корней такого социального явления, как феминизм, то, по мнению Е.Л. Алябьевой, у ранних его истоков стояли французские прециозницы. Прециозность исследователь определяет как «сложное социальное и лингвистическое явление, характеризующееся утонченностью межличностных отношений, в том числе и отношений между мужчиной и женщиной» [9, с. 16]. Прециозность как благовоспитанный бунт против тирании мужчин зарождалась в светских салонах, где главную роль играли женщины. Они создали правила галантного поведения в обществе и свой метаязык, понятный лишь узкому кругу. Тем самым прециозницы защищали свою среду от проникновения представителя чуждых им социальных слоев и брали на себя изначально мужские функции, что можно расценивать как подмену гендерных ролей [Там же].

Опираясь на теорию Т. Парсонса о гендерных ролях, И.С. Куприянова считает, что роли, мужчин и женщин в современном мире взаимодополняют друг друга. Женщине отводится роль матери, хранительницы семьи, а мужчине, напротив – добытчика, кормильца [85]. По этим причинам к представителям разных полов общество предъявляет различные требования, которые могут варьироваться в зависимости от этнических особенностей. Например, Р.С. Аликаев и С.К. Башиева говорят о наличии в кавказском социуме такой гендерной нормы, как невинность, чистота девушки при вступлении в брак, так как честь является ключевым понятием в ценностном мире народов Кавказа [8].

Гендерные исследования хотя и имеют пересечения с феминистской лингвистикой, развиваются в менее жестком методологическом контексте. Но тот факт, что в отечественной науке они формируют самостоятельное направление, заставляет критически подойти к интерпретации литературы, распространенной в нашей стране. Российские гендерные исследования не

вырастали из идей феминизма, но они все более активно осваиваются именно сегодня [53].

Е.И. Трофимова считает понятие феминизма одним из базовых для гендерных исследований. Она определяет его на двух уровнях: как «широкое общественное движение за права женщин, имеющее длительный исторический опыт» и как «комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, анализирующих ситуацию в обществе» [146, с. 178-179].

В самом общем плане изучение гендера в лингвистике касается следующих проблем.

1. Язык и отражение в нем пола. Целью этого подхода является описание и объяснение представления в языке людей разного пола (исследуются прежде всего номинативная система, лексика, синтаксис, категория рода), оценки, приписываемые мужчинам и женщинам и то, в каких семантических областях они отчетливее отражены.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются классические тактики и стратегии, типичный выбор лексических единиц для каждого пола, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения конкретных синтаксических конструкций и т. д. [72].

В научном мире пока нет единой идеи изучения гендера в речевой коммуникации. Одним из наиболее значимых исследований в этой области стал труд Деборы Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге» [170]. Автор проводит анализ коммуникативных неудач в общении лиц разного пола и объясняет их различными требованиями, которые выдвигает общество по отношению к людям в зависимости от их половой принадлежности, а также особенностями социализации в детском и подростковом возрасте, когда общение осуществляется в основном в однополых группах. В результате воздействия этих факторов у мужчин и женщин формируются разные мотивы поведения, стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин направлено на достижение и закрепление

независимости и высокого положения. От женщин общество ждет лояльности, мягкости, сговорчивости, эмоциональности. Эти различия ведут, по мнению Д. Таннен, к различным целям общения и в толковании высказываний. Одни и те же выражения могут пониматься с позиции статуса или с позиции поддержания взаимосвязи, согласия и помощи. При произнесении одинаковых фраз мужчины и женщины могут иметь разные мотивы и по-иному осмыслять слова собеседника. Помимо этого, в любой культуре есть устоявшиеся правила и ритуалы общения, различные для мужчин и женщин. В связи с этим Д. Таннен говорит о гендерлекте — социально и культурно обусловленной специфике общения мужчин и женщин [См: 72].

Г.Е. Крейдлин считает, что «гендер и гендерные роли участников диалога играют заметную роль среди параметров, определяющих характер протекания, структуру и содержание диалога» [87].

Данные о гендерных особенностях речевого поведения очень разнородны. На это еще в 1974 году указали психологи Е. Маккоби и С. Джеклин, которые провели анализ практически всех имевшихся на тот момент экспериментальных трудов по различиям в речи женщин и мужчин. Исследователи полагают, что гендерная специфика должна рассматриваться в сочетании со статусом, уровнем образования, социальной группой, а также с учетом ситуации в обществе, которая беспрестанно изменяется [167].

Появление гендерных исследований в отечественном языкознании датируется обычно серединой 90-х годов XX века. Именно в это время в российской научной литературе впервые упоминается термин «гендер», и читателям нашей страны становятся доступны работы зарубежных авторов по этой проблематике [72].

А. Першай, рассматривая взгляды на вопрос гендера в странах бывшего СССР, увидел влияние на них трудов зарубежных исследователей гендера. Ученый пишет, что «лингвисты, занимающиеся вопросами гендера на территориях бывшего СССР, получили уже готовый пакет феминистских языковых теорий, прочтя одновременно «Язык и место женщины» Робин

Лакофф, «Язык, сделанный мужчиной» Дейл Спендер и «Ты меня не понимаешь» Деборы Таннен, в результате чего три разные модели исследования гендера в языке (женской дефицитности, мужского превосходства и разницы гендерных культур), плавно сменившие друг друга на Западе, явились здесь в виде единой идеологии» [112, с. 240-241]. По мнению исследователя, это искусственное объединение изначально спорящих теорий привело к игнорированию противоречий, ставших толчком к созданию этих трудов [Там же].

Обращаясь к истокам гендерных исследований, условно можно подразделить их на следующие направления: 1) психолингвистическое; 2) социолингвистическое; 3) изучение наименований лиц женского и мужского пола и связанных с ними проблем референции; 4) коммуникативно-дискурсивное; 5) лингвокультурологическое.

Психолингвистические и социолингвистические исследования посвящены изучению специфики письменных и устных текстов, принадлежащих мужчинам и женщинам, влияния половозрастных особенностей говорящего на процесс общения, особенности осмысления и интерпретации речи, воздействие фактора пола на речевое поведение мужчин и женщин [72].

В рамках первого направления Е.А. Земской, М.А. Китайгородской и Н.Н. Розановой было изучено общение в семьях московской интеллигенции. Исследователи пришли к следующим выводам. В разговоре мужчины переключаются с одной темы на другую тяжелее, проявляя своеобразную «психологическую глухоту» — увлекаясь обсуждаемой темой, могут не реагировать на реплики, не связанные с ней. Женщины чаще ссылаются на свой личный опыт или опыт близких. В мужской речи отмечаются также терминологичность, склонность к точности наименований, большое влияние профессии, более значительная, по сравнению с женской, тенденция к употреблению экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. К характерным чертам женской речи

исследователи относят преувеличенную эмоциональность и более частое использование междометий типа *ой!* Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотносятся с разными фрагментами КМ: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин) – в первую очередь позитивной оценки. Мужчины чаще дают негативную оценку, включают бранную лексику и инвективы. Исследователи подчеркивают, что эти выводы являются результатом первоначальных наблюдений и требуют дальнейшей разработки [56].

Данные, полученные Е.А. Земской, М.А. Китайгородской и Н.Н. Розановой, указывают на отсутствие в русском языке четких неодолимых границ мужской и женской речи. Указанные исследователями особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления, поскольку «нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу» [Там же].

Кроме того, лингвисты активно исследуют особенности письменной речи мужчин и женщин. Например, Т.В. Гомон делает вывод, что для мужской письменной речи характерны следующие особенности: использование тюремного и армейского жаргона, вводных слов, особенно имеющих значение уверенности: *очевидно, несомненно, конечно*; употребление множества абстрактных существительных; при передаче душевного состояния или оценки предмета или явления использование слов с наименьшей эмоциональной окраской; однообразие лексики при передаче эмоций; сочетание официально и эмоционально окрашенной лексики при обращении к родным и близким; употребление газетно-публицистических штампов; использование обценных слов как вводных и их однообразие, преобладание нецензурных ругательств и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных; несоответствие знаков препинания эмоциональному напряжению речи [44].

Женская письменная речь, как правило, включает в себя большое количество вводных слов, обстоятельств, определений, местоименных подлежащих и дополнений, а также вводных слов, которые выражают низкую степень уверенности (*наверное*); тенденцию к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (*испытывал чувство гадливости и брезгливости*); использование стилистически нейтральных слов и выражений, эвфемизмов (*нецензурно выразился* вместо *матерился*); использование оценочных высказываний с указательными словами вместо названия имени человека (*эта сволочь*); большую выразительность и экспрессию речи при описании эмоций. Эти особенности использования бранной лексики указывают, по мнению ученых, на то, что ей придается буквальный смысл, отсутствует стертость значения, характерная для речи мужчин. Инвективы, как правило, касаются биофизиологических характеристик женщины: возраст, внешность, сексуальность; в ругательствах довольно часто встречаются зоонимы (*тетеря глухая*); преобладают инвективы-существительные и глаголы в пассивном залоге (*его напоят самогоном*); высокочастотным является также употребление конструкций «наречие + наречие» (*слишком безжалостно*), простых и сложносочиненных предложений, двойное отрицание, частое использование знаков препинания, высокая экспрессивная окраска речи [44].

Исследуя проблему речевого поведения мужчин и женщин, к интересным выводам пришел А. Пиз:

- мужчины чаще всего не могут правильно строить свою речь, в отличие от женщин, которые могут, любят говорить и нуждаются в этом;

- мужчины часто беседуют сами с собой, в уме, решая проблемы, и начинают говорить, когда уже готовы сообщить окончательное решение; женщины, напротив, размышляют вслух;

- женщины гораздо более многословны, нежели мужчины; кроме того, женщины в речи используют различные междометия, звукоподражания, жесты, ужимки и т.д.;

- у мужчин предложения короче, чем у женщин, и структурно оформлены;

- в разговоре женщины многоплановы, и если они ведут сразу несколько линий, мужчина теряет нить;

- мужчины говорят прямо, женщины, наоборот, намеками [168].

Гендерные различия в мышлении выражаются в якобы присущей мужчинам краткости и емкости суждений, ясности изложения и четкости формулировок. Что касается женщин, то их высказывания отличаются нелогичностью, размытостью и нечеткостью, им свойственны многообразность, усложненность, многословие, сбивчивость [24].

Исследования В.И. Курбатова показывают, что «мужчина больше любит говорить о своих успехах, а женщина – о своих неудачах. Поэтому, наверно, женщине больше свойственно сопереживание, милосердие и другие тонкие нюансы человеческих взаимоотношений. Мужчина же очень часто ведет себя, как слон в посудной лавке <...> В его рассуждениях зачастую доминируют право силы, самолюбование победителя, торжество удачливого игрока, эгоизм владельца и собственника» [86, с. 89].

Проведя ассоциативное исследование, А.С. Яровая и Т.С. Кондратьева делают выводы, что женская речь обнаруживает «высокую концентрацию эмоционально-оценочной лексики, мужская речь стилистически нейтральна, мужчины чаще употребляют сленговые (бранные) слова и выражения, нелитературную и ненормативную лексику» [166, с. 83].

Видим, что большинство исследователей выявляют схожие черты речевого поведения представителей разных полов: женская эмоциональность, мягкость и многословность и мужская лаконичность, сдержанность, но несмотря на это и некоторая агрессивность.

Стереотипы женского поведения, в том числе речевого, описали О.Ф. Автохутдинова и Л.В. Енина, которые различают два стереотипа русской женщины: 1) традиционный образ, скромная, незаметная женщина, которой не

пристало хвалить себя; 2) стервозные женщины, разрушающие традиционные представления [2].

При характеристике первого стереотипа ученые ссылаются на исследование Т.А. Воронцовой, которая полагает, что русской женщине свойственная скрытая самопрезентация, и причины тому — культурно-исторические. Отсутствие куртуазной традиции, или культа прекрасной дамы, привело к тому, что этикетная ситуация комплимента оказалась неразвитой и в речевом отношении неразработанной — именно поэтому русская женщина часто ошибочно понимает комплимент как признак мужского интереса, а не как вежливое поведение. И собственная женская презентация необычна: для самооценки выбираются лексические и синтаксические средства с негативной эмоциональной окраской — эмоциональной или ментальной (*дура я, глупая, растеряша*). При этом предполагается, что ответная реплика должна содержать позитивную эмоциональную оценку (очевидно, чтобы оказать словесную поддержку женщине, которая не уверена в себе либо просто кокетничает, напрашивается на комплимент). Признаками заниженной самооценки являются существительные с экспрессивно-сниженными суффиксами -ушк-(а), -ох-(а), -к-(а) (*устроила постирушку, у меня много готовки, приготовила жареху*); наречия степени, слова категории состояния, прилагательные, в семантике которых есть сема малозначительности, маловажности (*немного прибрала, слегка принарядилась*) и т.д. Чаще такие конструкции используются в разговорах на темы быта и домашней работы, которая в обществе обычно оценивается как непрестижная, когда женщина ждет, что ее усилия, тем не менее, будут оценены по достоинству. Употребляются также стереотипы с отрицательной самооценкой (*в моем возрасте, ужасно выгляжу*). Целью такого рода провокации является получение решительных возражений от собеседника [Цит. по: 2].

Что касается второго стереотипа, то исследователи утверждают, что эта модель поведения, в том числе речевого, имеет больше общего с мужской, в основе которой заложена борьба, конкуренция, потребность доминировать и

принцип «цель оправдывает средства». Такие женщины, как правило, самостоятельны, много работают, несколько ожесточены [2].

К гендерным различиям в речи относятся и особенности реализации эмоциональных реакций. А.В. Анищенко утверждает, что высокая представленность положительных, нейтральных и негативных эмоций не только создает общий эмоциональный тон речевого контекста, но и подчеркивает их участие в формировании стереотипа женственности. Ограничение эмоциональных реакций или их невербальное выражение создает нейтральный тон речевого контекста и участвует в формировании стереотипа мужественности [10].

Проявление эмоций в речи представителей разных полов исследовала также А.Н. Погребнова, которая сделала вывод о том, что наиболее развитым и реализованным в индивидуальном опыте носителей русского языка является представление о счастье, за ним следуют грусть, гнев и страх. Женщин отличает большая лексическая продуктивность, что, по мнению психологов, говорит о большем удельном весе в субъективном опыте индивида тех или иных эмоций. В среднем для русских женщин характерно более глубокое понимание и более широкое словесное выражение своего эмоционального опыта, чем для мужчин [117].

Г.Е. Крейдлин делает вывод о том, что для женщин характерны как излишняя говорливость, болтливость, так и молчание. Кроме того, исследователь считает, что «в коммуникативном поведении женщины экспрессии и переживаний в среднем больше, чем у мужчины. Женщина чаще, чем мужчина плачет, срывается на крик, но она также чаще и громче смеется. Женщины чаще, чем мужчины, склонны прощать другим их поступки и употреблять примирительные жесты» [87, с. 29].

А.В. Кирилина, рассматривая гендерные аспекты массовой коммуникации, делает выводы о том, что для лиц любого пола характерно весьма частое употребление лексем, обозначающих родственные отношения, что указывает на значимость семьи. Иногда мужчины противопоставляются

женщинам в связи с чертами характера личности. При этом не зафиксировано приписывания мужчинам большей ценности. Наоборот, в некоторых случаях даже утверждается преимущество женщины. Существует также параллелизм в проявлении в языке мужских и женских качеств. Он, в частности, относится к экспрессивности и четкому проявлению качеств личности. Это прослеживается в прессе 1990-х годов, направленной на поляризацию феминных и маскулинных гендерных стереотипов и их соотнесение с физиологической сферой [69].

О.Т. Йокояма считает, что в речи носителей русского языка отмечается склонность не к постоянному использованию гендерных различий, а скорее к использованию их в зависимости от условий. Поэтому гендерные различия, по мнению исследователя, представляются подобными функциональному стилю [61].

Как полагает М.А. Каратышова, гендерный аспект языковой личности необходимо понимать как совокупную характеристику, которая включает в себя как индивидуально-биологические, так и коллективно-социальные факторы. Социальные установки доминируют над фактором физиологического пола и в большей степени определяют специфику коммуникативного поведения мужчин и женщин. Стереотипы о нормах мужского и женского речевого поведения, существующие в обществе, накладывают отпечаток на процесс становления языковой личности и определяют особенности ее умственной организации, а следовательно, и особенности дискурсивных ходов, осуществляемых этой языковой личностью. В то же время использование «мужского» и «женского» стилей речевого поведения не всегда зависит от пола респондента. По этой причине целесообразно сказать о комплексе мужских и женских речевых стратегий и тактик, которые могут использовать коммуниканты обоих полов под влиянием различных факторов [65].

Вслед за М.А. Каратышовой и учеными, придерживающимися аналогичного мнения, в данном исследовании мы будем рассматривать понятия «пол» и «гендер» как синонимичные.

В области психолингвистических исследований наиболее ярко проявляется полемика по вопросу о доминировании природного или социального в изучении связи языка и пола. Многие психолингвисты принимают в качестве рабочей гипотезу функциональной асимметрии мозга, которая подчеркивает расхождение в специализации функций полушарий мужского и женского мозга [46].

Что касается третьего направления гендерных исследований, то нельзя не отметить, что интерес к способам наименования лиц разного пола и к категории рода имеет глубокие корни: соотношение грамматической категории «род» и экстралингвистической категории «пол» являлось объектом изучения таких разделов языкознания, как морфология, грамматика, лексикология. Словарный состав естественного языка, его система номинаций – один из наиболее важных объектов гендерных исследований. Множество работ посвящено наименованиям лиц, в частности, женского и мужского пола. Наиболее часто лингвистами упоминается труд Н.А. Янко-Триницкой, которая отмечает, что в дореволюционное время преимущественно употреблялись номинации лица с учетом пола (крестьянин/крестьянка), а в советский период общественный дискурс постепенно перешел к предпочтению форм мужского рода независимо от пола лица [165]. Вопрос пола и его отображения в языке изучает М.А. Кронгауз [88]. Категорию рода и ее соотношение с категорией пола системно освещает А.М. Шахмайкин [162]. В этих и других работах приводятся данные об именах существительных, используемых для номинации лиц мужского и женского пола, изучается их происхождение и время появления в языке в связи с явлениями синонимии и дублетности, влияние экстралингвистических факторов на развитие системы наименований лиц женского пола, история развития таких наименований, функции категории рода, процессы метафоризации во взаимосвязи с категорией рода.

Рассмотрение данных вопросов отличалось от взглядов представительниц феминистского движения политической нейтральностью, более существенным учетом внутриязыковых процессов. В то же время они не игнорируют и экстралингвистическую обусловленность появления ряда наименований, особенно лиц женского пола [72].

В рамках лингвокультурологического направления отечественными учеными ведется работа по изучению особенностей русских стандартов женственности и мужественности и их функциям в языке. Проводятся исследования специфики отображения русским языком таких культурных концептов, как «мужественность» и «женственность», и гендерной метафоры (перенесения всего комплекса черт, которые приписываются культурой мужчинам или женщинам, на предметы и явления, с полом не связанные), межкультурной коммуникации, а также сравнительные исследования на материале разных языков [145].

В рамках коммуникативно-дискурсивного направления изучается лингвистическое конструирование гендера в живом общении между людьми, в различных видах дискурса, речевого поведения мужчин и женщин с точки зрения теорий социальной идентичности, коммуникативной адаптации.

Большое количество и быстрая динамика изменения концептов мужественности и женственности позволяет манипулировать этими понятиями в текстах СМИ, например, в рекламных или политических [72].

Таковы основные течения в лингвистической гендерологии. Между этими тенденциями нет четких границ, что объясняется междисциплинарностью гендерных исследований. Однако, по мнению А.В. Кириллиной и М.В. Томской, заметна более четкая тенденция к рассмотрению языка и речи в гендерном аспекте, которая в дальнейшем может стать отдельной отраслью изучения гендера на материале как русского, так и других языков, которые ранее в этом аспекте не изучались [Там же].

В рамках данного исследования нас будет интересовать представленность концептов «жизнь» и «смерть» в речи мужчин и женщин, в

частности, разнополых персонажей художественных писателей-мужчин. Таким образом, мы рассмотрим гендерные стереотипы мужчин о женском видении этих явлений.

Итак, исследование гендерного аспекта в лингвистике и лингвокультурологии немаловажно, так как позволяет установить закономерности мужского и женского речевого поведения и выявить их сходство и различия, а следовательно, смоделировать женскую и мужскую ЯКМ. Это поможет преодолеть некоторые барьеры в общении, вызванные гендерными различиями коммуникантов. Кроме того, рассмотрение культурных концептов, в частности «жизнь» и «смерть», с точки зрения гендера помогает глубже проникнуть в женскую или мужскую КМ через представление человека об этих явлениях. И напротив, рассмотрение таких базовых для русской культуры концептов сквозь призму гендера должно значительно расширить наши представления об этих явлениях.

Выводы

Изучением взаимодействия человека с окружающим миром посредством языка занимается лингвокультурология. В современной науке пока нет ни однозначного определения задач лингвокультурологии, ни единого мнения относительно самостоятельности данной дисциплины.

Основной эвристической единицей лингвокультурологии принято считать концепт. Исследование научной проблемы концепта привело к выводу, что концепт – это не просто понятие, а фрагмент мира в сознании человека, сгусток культуры, ментальное образование. Многие исследователи рассматривают концепт как когнитивную категорию.

Термин «концепт» иногда соотносят с термином «понятие», поэтому важно проследить соотношение терминов «концепт» и «понятие». Мнения ученых об их корреляции можно условно разделить на две группы. В первую группу входят исследователи, которые считают, что концепт шире понятия и

что последнее может быть одной из составляющих или стадией развития концепта. Ко второй группе относятся ученые, которые принципиально различают данные категории.

На сегодняшний день в лингвистике существует два основных подхода к изучению концепта: когнитивный и лингвокультурологический.

При изучении концепта необходимо учитывать его динамичность, так как содержание того или иного концепта зависит от изменений в сознании всего общества. Концепт является, пожалуй, самым главным способом отображения КМ – некой модели реальности, существующей в сознании человека, совокупности знаний человека об этой реальности.

Для данного исследования актуально понятие «ЯКМ» – представления человека об окружающем мире, нашедшие отражение в языке. Реконструкция ЯКМ составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. В числе самых распространенных и актуальных способов реконструкции ЯКМ находится концептуальный анализ. Этот метод включает в себе процесс ментального перехода от слова к представлению в сознании человека, позволяет воспроизвести понимание автора о том или ином феномене действительности. Концепт скрывает в себе не только какой-либо конкретный предмет или явление, а целый ряд представлений о нем, репрезентированных в речи человека.

Чтобы глубже постичь содержание концептов «жизнь» и «смерть», которым посвящено данное исследование, необходимо определить роль этих понятий в жизни человека и, соответственно, в ЯКМ.

Вопрос, что собой представляет жизнь и смерть, был актуальным всегда. Со времен, когда человек начал мыслить, и до настоящего момента люди пытались ответить на него в любой форме: философии, мифа, религии, науки, искусства. Концепты «жизнь» и «смерть» – одни из ключевых концептов для русской ЯКМ. Скрытые в них понятия являются базовыми для сознания каждого человека в отдельности, независимо от его религиозных взглядов, социального положения, жизненной позиции, пола, возраста, рода занятий, и

играют заметную роль в национальных культурах и религиях, а также в реконструкции ЯКМ. Помимо этого, несмотря на свою противоположность, жизнь и смерть непосредственно связаны друг с другом, так как понятия, скрытые в них, часто вытекают одно из другого.

Независимо от аспекта изучения все исследователи вопроса жизни и смерти сходятся в том, что эти понятия являются базовыми как для отдельного человека, так и для больших групп людей, в том числе социальных и этнических. Кроме того, эти понятия играют заметную роль практически во всех национальных культурах и религиях, а также в реконструкции ЯКМ.

Анализ репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в речи представителей разных полов позволяет полнее раскрыть содержание указанных концептов.

«Жизнь» и «смерть» — антиномичные концепты. Несмотря на то, что понятия, скрытые в них, могут быть взаимосвязаны, они исключают друг друга и являются несовместимыми. Антиномия может быть логической (парадокс или противоречие) и семантической (антонимия, антитеза, оксюморон). Последняя имеет непосредственное отношение к концептам «жизнь» и «смерть», так как они вербализуются словами одного семантического поля и при анализе распадаются на семантические признаки, или семы.

Концепт выражается в языке словами единого семантического поля (куда могут также входить фразеологические единицы, поговорки), которые и образуют его ядро и периферию. Семантическим полем принято считать совокупность лексических единиц, объединенных одним семантическим признаком, например, времени, пространства, ментальных действий и т.д.

Существует два основных варианта структуры концепта: слоистая и ядерная. Мы придерживаемся представлений о ядерной структуре концептов, выделяя в них ядро (лексема, дающая имя концепту, и семантические признаки, зафиксированные в толковых словарях), приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферию (семантические признаки, выделенные нами

в ходе анализа языкового материала). Единицы лексико-семантического поля концепта могут относиться к ядру или периферии по двум основаниям: частота употребления в тексте или специфика структуры и содержания дефиниции к лексеме-репрезентанту как системе значений этой лексемы. Семантические признаки, не зафиксированные в лексикографических изданиях, распределялись нами в ту или иную зону по принципу частотности. Переход от ядра к приядерной зоне и периферии не является четким и происходит постепенно.

Существуют также методы ограничения лексики, репрезентирующей концепт: 1) выделение синонимов к лексеме-репрезентанту; 2) выделение всех вероятных лексем-ассоциаций к лексеме, репрезентирующей изучаемый концепт; 3) выделение лексем, в значениях которых находятся маркеры исследуемого концепта. Мы в своем исследовании не ограничиваемся изучением только «заглавных» лексем, но включим в него все производные, содержащие в себе семы жизни и смерти, относящиеся не только к именам существительным, но также и к другим частям речи.

Исследования в области структуры концептов «жизнь» и «смерть» показали, что их ядро и периферия организованы по схеме «положительное (ядро) – отрицательное (периферия)». Указанные концепты имеют различную структуру как в различных языках, так и в различных языковых единицах.

Рассмотрение культурных концептов, в частности «жизнь» и «смерть», в гендерном аспекте поможет глубже проникнуть в женскую или мужскую КМ через представление человека об этих явлениях. В свою очередь, изучение данных концептов в гендерном аспекте позволит шире взглянуть на их содержание.

Гендерным исследованиям в лингвистических работах последнего десятилетия уделяется все большее внимание. Изучение гендерного аспекта в языкознании дает возможность более глубокого рассмотрения женской или мужской ЯКМ и определить модели речевого поведения мужчин и женщин.

В самом общем плане изучение гендера в лингвистике касается двух проблем: 1) язык и отражение пола в нем; 2) речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин.

Условно можно выделить следующие направления гендерных исследований: 1) психолингвистическое; 2) социолингвистическое; 3) изучение наименований лиц женского и мужского пола и связанных с ними проблем референции; 4) коммуникативно-дискурсивное; 5) лингвокультурологическое. Психолингвистические и социолингвистические исследования посвящены изучению особенностей письменных и устных текстов, созданных мужчинами и женщинами, влиянию половозрастных особенностей респондента на процесс вербальной коммуникации, специфике восприятия речи, влиянию пола на поведение коммуникантов в ассоциативном эксперименте.

Множество работ посвящено номинации лиц женского и мужского пола. Словарный состав естественного языка, его система номинаций – это один из наиболее значимых объектов гендерных исследований. В ряде лингвистических работ представлены данные об именах существительных, служащих для обозначения лиц мужского и женского пола, изучаются их этимология и время появления в языке в связи с явлениями синонимии и дублетности, процессы метафоризации во взаимосвязи с категорией рода, влияние экстралингвистических факторов на развитие системы номинаций лиц женского пола, история развития таких номинаций, функции категории рода.

В рамках коммуникативно-дискурсивного направления ведется изучение лингвистического проектирования гендера в процессе живого общения людей в различных видах дискурса, речевого поведения мужчин и женщин с позиции теорий социальной идентичности, коммуникативной адаптации. Изучение мужской и женской речи позволяют сделать вывод о том, что главными чертами женского речевого поведения считаются многословность, эмоциональность, гуманность, а мужскими – сдержанность в проявлении

эмоций, лаконичность, некоторая агрессивность, в разговоре более трудное, в отличие от женщин, переключение с одной темы на другую.

В рамках лингвокультурологического направления отечественными учеными ведутся работы по изучению особенностей русских стандартов женственности и мужественности и их функционирования в языке.

Исследование концептов «жизнь» и «смерть» в речи женщин – персонажей художественных произведений писателей-мужчин позволяет определить гендерные стереотипы мужчин о месте указанных понятий в женской языковой картине мира.

Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗИРОВАННЫХ ПОНЯТИЙ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ»

2.1. Репрезентация концептов «жизнь» и «смерть» в пословицах и поговорках

Прежде чем приступить к анализу реализации данных концептов в русских пословицах и поговорках, познакомимся с трактовками терминов пословиц и поговорок авторами различных словарных изданий, чтобы прояснить, что представляют собой пословицы и поговорки в лингвистическом аспекте, какую роль играют в речи человека и, следовательно, в его сознании.

Как писал В.И. Даль, поговорка — это «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольную, не договаривает...» [181].

По наблюдениям В.М. Мокиенко, сегодня ученые дают поговорке множество определений – от однословной присказки до безобразного народного афоризма-изречения. Исследователь употребляет слово *поговорка* как синоним *фразеологизма*, следуя русской фольклористической традиции [104].

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой так определяет пословицы и поговорки: «Пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм» [109, с. 558]. «Поговорка – краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [Там же, с. 520].

Как правило, «пословица создается непосредственным народным творчеством, но иногда заимствуется из литературного произведения» [164, с. 477].

Многие пословицы появляются из каких-либо рассказов или сказок, содержание пословиц и поговорок обусловлено также жизненными ситуациями, приметами, обычаями, которые и ложатся в основу этих выражений. Народные пословицы и поговорки наделяют конкретные факты обобщающим характером и потому приобретают двойной смысл, прямой и переносный [62].

Хо Сон Тэ отмечает, что пословицы и поговорки отражают культурно-исторический народный опыт, который превратился в исторический запас смысла и рассматривается последующими поколениями как народная мудрость. Паремии, по мнению исследователя, расширяют лексикографическую картину обыденных представлений благодаря наличию живой внутренней формы, которая предопределяет их образность [157].

Отличие пословицы и поговорки, по выражению В.М. Мокиенко, состоит в законченности мысли. «Поговорка выражает понятие, пословица — суждение. Чаще всего это суждение имеет назидательный характер, выраженный образно» [104, с. 5].

Мы придерживаемся мнения тех ученых, которые не разделяют понятия пословицы и поговорки, объединяют их. В современной лингвистике понятие *пословица* заменил термин *паремия*. Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов под этим термином понимают «афоризмы народного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки» [6, с. 240]. И.В. Горбань определяет паремию как результат когнитивных процессов [45].

Приемы создания паремий дают возможность обобщить утверждение, поднять его до уровня метафоры, то есть превратить в типический эквивалент практически бесконечного количества ситуаций. К.А. Соболева говорит о «пословичном стиле», который существует вне времени: традиционность —

настолько неотъемлемая его черта, что сама мысль об «истоках» пословицы кажется в чем-то противоречивой [134].

Исследователь акцентирует внимание на том, что своей силой пословица обязана смысловому эффекту, который возникает в результате соединения лексической и синтаксической формы, призванного закрепить некое содержание; приемы, при помощи которых достигается это слияние: краткость предложения и частое сочетание неопределенно-личных форм и глагола в настоящем времени или повелительном наклонении; параллелизм; ассонанс, аллитерация, рифма и другие звуковые механизмы, делающие высказывание ритмически сжатым [Там же].

С целью изучения паремийной реализации концептов «жизнь» и «смерть» для выявления их роли в русской культуре обратимся к языковому материалу, представленному в книгах В.И. Даля «Пословицы русского народа» (1957), И.И. Иллюстрова «Сборник российских пословиц и поговорок» (1904), В.В. Волиной «Пословицы, поговорки, ребусы» (1998), В.Д. Сысоева и В.Г. Челок «Пословицы и поговорки» (2008), Н.В. Уварова «Энциклопедия народной мудрости» (2009).

Так как паремии есть отражение житейской мудрости, они относятся к наивной КМ, которая является фрагментом ЯКМ народа.

Следует отметить, что пословицы и поговорки, содержащие имена концептов «жизнь» и «смерть», лишены гендерной специфики, так как создавались они на протяжении длительного времени народом в целом, а не отдельными людьми. Кроме того, их употребление в одинаковой степени характерно для речи как мужчин, так и женщин. Поскольку пословицы и поговорки представляют собой целый пласт народного творчества и являются наиболее точной иллюстрацией национального менталитета, при изучении места в русской ЯКМ таких базовых понятий, как жизнь и смерть, мы не можем не опираться на паремийные данные.

Русские пословицы и поговорки интересующей нас тематики мы разделили на три основные группы:

- I. Со словами, содержащими семантику жизни;
- II. Со словами, содержащими семантику смерти;
- III. Смешанные, то есть упоминающие оба явления.

Рассмотрим каждую из этих групп.

В пословицах, содержащих концепт «жизнь», можно выделить следующие семантические признаки концепта:

- 1) жизнь, связанная с материальными ценностями;
- 2) образ жизни как репутация;
- 3) жизнь как нечто негативное;
- 4) жизнь как нечто позитивное;
- 5) характеристика образа жизни;
- 6) жизненные ценности;
- 7) жизнь как форма существования материи.

Среди всего корпуса пословиц находим совпадения с признаками понятия «жизнь», данными в толковых словарях: ‘форма существования материи’, ‘жизнь как нечто негативное’, ‘характеристика образа жизни’. Это говорит о том, что в словарях эти признаки зафиксированы именно на основе народной мудрости и опыта предыдущих поколений, т.е. так, как они отражены в паремиях.

Рассмотрим подробнее группы паремий, содержащих упомянутые выше признаки, с точки зрения ядерной структуры концепта. В методике выделения ядра концепта мы солидарны с В.А. Масловой, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. В.А. Маслова полагает, что ядро концепта – это словарные значения лексем, а периферия – различные составляющие лексем, ассоциации и коннотации [102, с. 30]. Аналогичных взглядов придерживаются З.Д. Попова и И.А. Стернин [118, с. 60]. С этой позиции структура концепта рассматривается учеными и в более поздних исследованиях, например, Р.Г. Погосян [116], И.Б. Русакова [121], В.В. Тарасенко [144], А.А. Лепенышева [91], О.А. Азарова и И.А. Кудряшов [4]. В соответствии с

этим пониманием мы ядром концепта «жизнь» считаем лексему «жизнь» и семантические признаки, отраженные в ее словарных дефинициях.

Семантические признаки концепта, которые мы выделили в ходе анализа пословиц и поговорок, по количественному признаку разместились в приядерной зоне и на периферии – ближней и дальней. Таким образом, в зоне ядра оказываются признаки:

- ‘форма существования материи’. Несмотря на то, что это словарный признак, эта группа является далеко не самой многочисленной [94, с. 119].

Пример:

Живуч, как клещ, работающ, как вол.

Данное выражение может рассматриваться и как устойчивое сочетание. Н.В. Уваров относит его к пословицам и поговоркам [207]. В данной поговорке косвенно выражен признак ‘жажда жизни’, т.к. описывается свойство человека, отчаянно цепляющегося за жизнь и побеждающего все препоны на своем пути. Еще примеры:

Живой думает о живом;

Жили люди до нас, будут жить и после нас.

Жизнь в последней пословице представлена явлением временным, непостоянным для каждого конкретного человека и как вечное, непрерывное в истории человечества. Таким образом, в этом контексте реализован и признак концепта «жизнь» ‘жизнь как срок’.

И воробей не живет без людей.

Этот пример демонстрирует невозможность одинокой жизни, изолированной, делает акцент на насущной необходимости для человека присутствия рядом других людей. Примерно тот же смысл выражен в пословице *один в поле не воин*.

Битая посуда два века живет.

Данная пословица говорит о том, что человеку, который перенес много бед и горя, жизнь кажется вдвое дольше. Другая трактовка выражения говорит о том, что со временем трудности многому учат человека, и он, приобретая

жизненный опыт, начинает иначе смотреть на вещи, вести другую жизнь. Таким образом, при первом толковании второстепенным признаком концепта «жизнь» в данной пословице является ‘срок’, при втором – ‘жизнь как процесс познания’.

- ‘характеристика образа жизни’:

*Какая **жизнь**, такие и песни;*

*Каково **живется**, таково и спится;*

В этих контекстах содержится мысль о том, что качество жизни неизбежно сказывается и на качестве маленьких радостей, таких как, например, сон или пение.

*Не **живем**, а дни провожаем.*

В этой поговорке также актуализированы семантические признаки концепта ‘скоротечность жизни’, ‘скука, бесцельность существования’.

Следующие примеры констатируют различные проблемы и трудности человеческого существования:

*Век **жить**, век ждать;*

***Жить** задним умом;*

***Живется** ни в сито, ни в решето.*

Из признаков, выделенных нами в ходе работы, наиболее частотным, и, как следствие, наиболее приближенным к ядру концепта «жизнь», в русских поговорках становится семантический признак ‘жизненные ценности’. В этой группе слова с семантикой жизни употребляются чаще всего в повелительном наклонении. Например:

***Живи** тихо – не увидишь лиха.*

В данных примерах спокойная и долгая жизнь связана с незаметным, тихим поведением. Такой же смысл носит и пословица *тише едешь – дальше будешь*, в которой концепт «жизнь» выражен иносказательно, имплицитно.

***Живи** всем своим умом да своим горбом.*

Здесь подчеркивается необходимость труда для благополучной жизни. В следующих примерах даются установки-поучения:

*И в бедах люди **живут**, а в неправде пропадают;*

*Говори по делу, **живи** по совести.*

Эти два примера подчеркивают важность моральных ценностей, таких как правда, совесть, честь, делающих жизнь лучше.

Ближнюю периферию концепта «жизнь» формируют несколько семантических признаков:

- 'жизнь, связанная с материальными ценностями'. Паремии этой группы имеют прямо противоположную семантику. Она из них – простая констатация факта, не содержит никакой оценки:

***Жить** на широкую ногу.*

Другая – оценочная: акцентируется ценность материального благополучия и его необходимость для хорошей жизни:

*О чем тому тужить, кому есть, чем **жить**.*

Противоположные по оценке пословицы и поговорки отмечают маловажность богатства для личного счастья человека, как, например, и в пословице «С милым и в шалаше рай», в которой концепт *жизнь* выражен имплицитно, т.е. с любимым человеком и в бедности жить хорошо:

- 'жизнь как нечто негативное, тяжкое':

*Без дела **жить** – только небо коптить.*

В последнем контексте весь негатив жизни заключается в безделье и бесполезности человека. Таким образом, здесь акцентирован и признак 'смысл жизни'.

***Живут** как кошка с собакой.*

Данный пример содержит признак 'характеристика образа жизни' и признак 'ценности жизни', т.к. указывает, что для счастливой жизни необходимо согласие.

- 'жизнь как нечто позитивное':

*Не в гору **живется**, а под гору.*

Данная пословица повествует о том, качество жизни человека выше не в первой половине жизни, в молодости, когда много дел, забот, а в зрелом

возрасте, когда достижения юности дают плоды, и жизнь идет «по накатанной». Жить в гору – это период молодости, а спускаться с горы (идти под гору) – значит жить уже во второй половине своей жизни, это зрелость и старость. Поэтому здесь косвенным признаком концепта «жизнь» можно считать ‘срок’.

На дальней периферии концепта «жизнь» в русских пословицах и поговорках разместился наименее частотный семантический признак ‘образ жизни как репутация’:

*Где **жить**, там и слыть;*

*Как **проживешь**, так и прослывешь.*

Данные две пословицы состоят из однокоренных слов, однако в первом контексте понятие репутации ограничено пространственными рамками, т.е., возможно, при перемене места жительства человек получает возможность создать новую репутацию.

Другие паремии, вербализующие семантические признаки концепта «жизнь», представлены в Приложении 1.

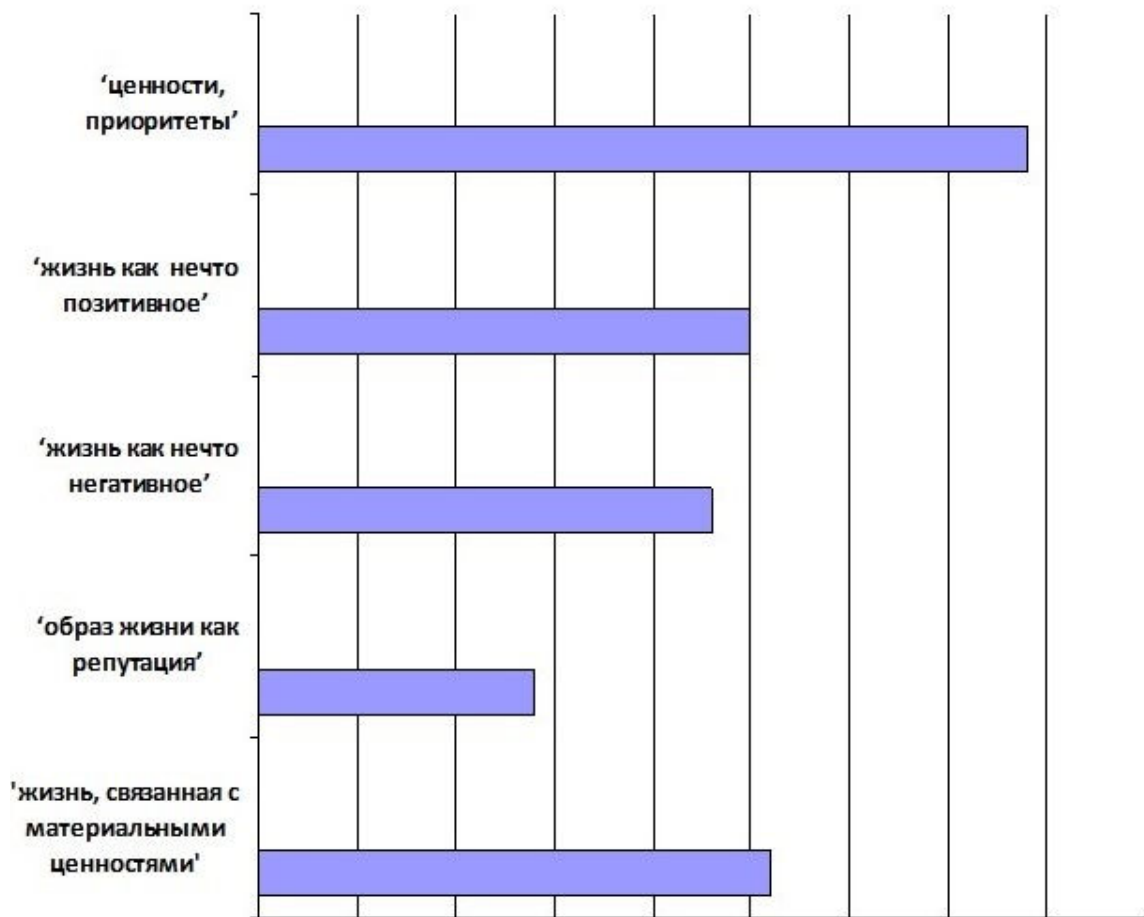
Как видим, в центре житейских представлений о жизни находятся духовные ценности, в то время как материальные отодвигаются народом на второй план. Интересно и то, что признак ‘образ жизни как репутация’ значительно удален от ядра, ведь мнение окружающих всегда имело большое значение в жизни русского человека. Что касается семантических признаков, отраженных в словарях и составляющих ядро концепта «жизнь», то из шести словарных признаков в корпусе русских пословиц и поговорок репрезентируется только два: ‘форма существования материи’, ‘характеристика образа жизни’. Отметим также, что признаки, выделенные нами, в большинстве случаев превосходят данный словарный признак в количественном отношении, что указывает на неполноту словарной дефиниции [94, с. 120]. Наглядно семантические признаки с их количественными характеристиками (процент от общего количества проанализированных контекстов с семантикой жизни) представлены в таблице

1 и на диаграмме 1. В этой и последующих таблицах указанные величины отражают процент от общего количества проанализированных нами языковых единиц.

Таблица 1. Репрезентация концепта «жизнь» в пословицах и поговорках

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика
1.	‘жизнь, связанная с материальными ценностями’	2,6%
2.	‘образ жизни как репутация’	1,4%
3.	‘жизнь как нечто негативное’	2,3%
4.	‘жизнь как нечто позитивное’	2,5%
5.	‘ценности, приоритеты’	3,9%
	ИТОГО	12,7%

Диаграмма 1. Представленность концепта «жизнь» в русских поговорках

В отличие от концепта «жизнь», концепт «смерть» не так широко выражен в русских пословицах и поговорках; их гораздо меньше, но семантические признаки концепта «смерть», реализованные в них, можно так же, как и в предыдущем случае, разделить на семь групп:

- 1) смерть как прекращение существования;
- 2) смерть как абсолютная сила;
- 3) смерть как синоним тишины и спокойствия.
- 4) причина смерти;
- 5) неизбежность смерти;
- 6) внезапность смерти;
- 7) смерть как избавление.

Обнаруживается несовпадение между признаками, выявленными нами, и признаками, отраженными в лексикографических изданиях. Наиболее важное различие состоит в том, что в пословицах отсутствует признак 'нечто ужасное', который считается характерным для русской культуры, что отмечено в словарях. Это, вероятно, указывает на то, что народная мудрость, житейский опыт, воспроизведенные в пословицах, подчеркивают неизбежность и обыденность смерти.

Итак, определим структуру концепта «смерть», опираясь на данные анализа русских паремий. Как и в концепте «жизнь», ядром считается лексема, дающая имя концепту, и признаки концепта, зафиксированные в словарях. Семантические признаки, выделенные нами, оказываются приближенными или удаленными относительно ядра по принципу частотности их реализации в русских пословицах и поговорках. Таким образом, в данном случае ядро концепта образует словарный признак 'прекращение существования', который, однако, в русских паремиях не является наиболее выраженным в количественном плане:

*Люди **мрут** – нам дорогу **трут**;*

*Двум **смертям** не бывать, а одной не миновать;*

*Один раз мать родила, один раз и **умирать**.*

Смерть в этих пословицах представляется обязательным событием для любого человека, так в этих примерах косвенно акцентуализирован признак ‘неизбежность смерти’.

Умер да лежит, некому потужить.

Эта пословица содержит намек на прошедшую жизнь умершего человека: одинокую либо неправильную, наполненную плохими поступками.

В приядерной зоне оказывается признак ‘неизбежность смерти’:

На смерть нет поруки.

В этом примере смерть предстает как явление не только неизбежное, но и непредсказуемое, неизвестное.

Ближнюю периферию образуют следующие семантические признаки:

- ‘внезапность смерти’:

Сегодня жив, а завтра жил.

Следует отметить, что в последнем контексте отсутствуют слова, принадлежащие к семантическому полю смерти, но при сравнении видо-временных форм глагола «жить» становится ясно, что речь идет именно о прекращении существования.

- ‘причина смерти’:

И от меда мухи мрут.

В этом примере можно увидеть намек на пресыщенность человека благами жизни, отрицательную оценку всего чрезмерного, даже хорошего.

- ‘смерть как избавление’:

И рад бы смерти, да где б ее взять?

В данном контексте смерть изображена как что-то желанное, ожидаемое. Такое видение свойственно людям, прожившим жизнь, полную трудностей и несчастий.

Дальнюю периферию концепта «смерть» в связи с низкой частотностью вербализации формируют следующие признаки:

- ‘абсолютная сила’:

Горбатого исправит могила, а глупого – дубина.

Этот контекст, помимо основного признака ‘абсолютная сила’, содержит параллельное сравнение могилы с дубиной, в котором последняя не подразумевает необходимость смерти для исправления недостатка.

- ‘смерть как символ спокойствия и тишины’.

Признак тишины, нашедший отражение в данной группе, нельзя назвать позитивным. Речь идет не об умиротворяющей тишине, а о, скорее, пугающей, нежелательной. Например:

В могилке, что в перинке: не просторно, да улежно.

Видим, что в данном контексте концепт «смерть» выражен через слово *могила*, которая более точно передает атмосферу успокоения. Отметим также, что концепт «смерть» вербализован лексемой *могила* во многих поговорках, принадлежащих к разным группам реализуемых семантических признаков, что позволяет заявлять, что данная лексема в значительной мере приближена к ядру концепта, хотя и не является однокоренной с лексемой *смерть*.

Остальные пословицы и поговорки, в которых репрезентируется концепт «смерть», представлены в Приложении 2.

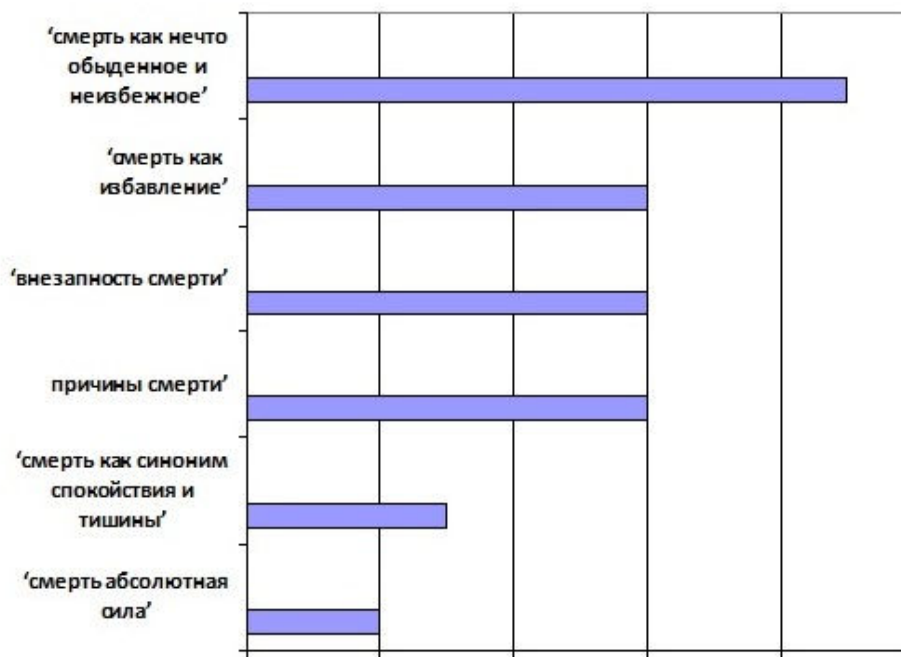
Проанализировав пословицы и поговорки с семантикой смерти, видим, что основной чертой смерти в представлении народа считается ее неизбежность, что подтверждает семантический признак ‘неизбежность смерти’, который находится в непосредственной близости к ядру. На ближней периферии оказался менее частотный признак ‘внезапность смерти’, что свидетельствует, вероятно, о том, что в русской ЯКМ человек фактически никогда не готов к смерти. Этому мнению противоречит признак ‘смерть как избавление’, также отнесенный к зоне ближней периферии, но менее выраженный количественно. Признак, закрепленный в толковых словарях, и здесь оказывается не самым частотным, что снова указывает на неполноту словарного определения, в данном случае лексики «смерть» [94].

Представим процентное соотношение признаков концепта «смерть», репрезентированных в поговорках, в таблице 2 и диаграмме 2.

Таблица 2. Репрезентация концепта «смерть» в пословицах
и поговорках

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика
1.	‘смерть абсолютная сила’	1%
2.	‘смерть как синоним спокойствия и тишины’	1,5%
3.	‘причины смерти’	3%
4.	‘внезапность смерти’	3%
5.	‘смерть как избавление’	3%
6.	‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’	4,5%
	ИТОГО	16%

Диаграмма 2. Частотность вербализации концепта «смерть» в русских
паремиях

Кроме того, в большом числе пословиц и поговорок заметна взаимосвязь жизни и смерти. Эти контексты можно объединить в отдельную, смешанную группу: **паремии, в которых представлены одновременно**

лексемы «жизнь» и «смерть». Такие пословицы мы разделили на три группы:

- сравнение жизни и смерти:

*Кто **жить** не умел, того и **помирать** не выучишь;*

***Жил** собакой, **околел** псом;*

*Как **живем**, так и **умираем**;*

*Эта **жизнь** хуже **смерти**.*

В первых трех примерах жизнь и смерть не просто сопоставляются, а выступают как явления сходные в своих качествах, в последнем примере в результате сравнения заметна разница между ними.

- противопоставление жизни и смерти:

***Жить** грустно, а **умирать** тошно;*

Не на живот рождаемся, а на смерть.

Очевидно, что в этих пословицах превалируют негативные эмоции, отрицательная оценка как жизни, так и смерти. В других же заключается подбадривание, заключающееся в том, что не следует портить жизнь мыслями о неизбежности ее конечности:

***Живи** не тужи: **помрешь** – не заплачешь;*

***Смерти** бояться – на свете не **жить**.*

- скоротечность жизни:

*Промеж **жизни** и **смерти** и блошка не проскочит;*

***Родился** мал, вырос пьян, **помер** стар – и света не видал;*

Жил-был, пожил, да и ножки съежил.

Заметим, что в двух последних примерах один из концептов выражен имплицитно: в одном из них концепт «жизнь» выражен лексемой *родился* и *вырос*, в другом концепт «смерть» – словосочетанием *ножки съежил*.

Таким образом, семантические поля концептов «жизнь» и «смерть» имеют зону пересечения; это еще раз подтверждает, что мы имеем дело с явлениями, близкими друг другу [94, с. 122].

Итак, между словарными признаками концептов «жизнь» и «смерть» и признаками, выявленными нами при семантическом анализе русских паремий, обнаруживается всего по одному совпадению, причем в обоих случаях ядерный (словарный) признак акцентуализируется реже, чем признаки, выделенные нами в ходе анализа, следовательно, толковые словари не полностью отражают значение данных понятий. Зато в пословицах со значением жизни вербализованы такие признаки, как ‘жизненные ценности, советы, как лучше провести жизнь’, ‘характеристика образа жизни’, ‘нечто негативное’, ‘жизнь, связанная с материальными ценностями’, ‘нечто позитивное’ и ‘образ жизни как репутация’. Немаловажно также отметить, что последний из упомянутых признаков акцентирован только в пословицах и поговорках [94].

Из словарных признаков концепта «смерть» в русских паремиях не проявляются такие признаки, как ‘степень чего-либо’ и ‘смерть как нечто ужасное’, однако репрезентируются признаки ‘причина смерти’, ‘смерть как избавление’, ‘смерть как абсолютная сила’, ‘внезапность смерти’, и ‘смерть как синоним тишины и спокойствия’, которые не закреплены в изученных нами словарных изданиях.

Кроме того, можно выделить в отдельную группу пословицы и поговорки, в которых вербализован признак непосредственной связи жизни и смерти. В некоторых паремиях могут сочетаться разные признаки концептов «жизнь» и «смерть», но не тождественно, чаще всего один из признаков становится доминантным для данного контекста.

2.2. Гендерная специфика реализации концептов «жизнь» и «смерть» в афоризмах и крылатых словах

Как справедливо указывает М.В. Ляпон, афористическое мышление открывает то, что находится в корне. Афоризм представляет собой плод ума,

который склонен к опровержению, настроен на поиск уязвимых мест шаблонной логики, на подрыв авторитета здравого смысла [99].

Афоризмом, отмечает К.М. Тангир, принято считать оригинальную законченную мысль, изречённую в лаконичной, запоминающейся текстовой форме. В афоризме, по мнению исследователя, достигается высочайшая концентрация мысли и того контекста, в котором она выражена человеком [143]. Кроме того, К.М. Тангир говорит о том, что афоризму присуща когнитивность, так как он рассматривается как тип малоформатного текста, высказывания, т.е. дискурс [Там же].

По словам Л.Я. Гинзбург, за остротой стоит психологическая реальность, а именно, – удовольствие от игры со смыслом, момент освобождения «от гнета критического разума» [43, с. 231].

Как пишет А.В. Королькова, «афоризм – это высказывание вполне устойчивой формы и представляет собой единое неделимое целое. В их состав нельзя ввести какие-либо компоненты, как нельзя произвольно извлечь из них что-либо, не изменив при этом смысла фразы, т.к. афоризм представляет собой суждение» [77, с. 10]. По мнению исследователя, цельность афоризмам придает весьма широкое использование при их создании разнообразных средств художественной выразительности [Там же].

Несмотря на то, что афоризм, в отличие от пословицы, – авторское высказывание, он также является средоточием опыта и мудрости, но одного человека, а не группы лиц или целого поколения. Поэтому немаловажно рассмотреть реализацию концептов «жизнь» и «смерть» и в афоризмах. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, афоризмы могут изучаться не только как самостоятельные языковые единицы, но и как средство объективации того или иного концепта [118].

Так как отношение человека к жизни и смерти определяет его нравственные ценности, духовное состояние и жизненные цели, то в литературном языке жизнь-смерть является комплементарной оппозицией [27]. Понятие жизни и смерти, их взаимосвязь и взаимозависимость в

осмыслении бытия играет особую роль. В афоризмах, упоминающих эти явления, отмечается важность жизненных ценностей и представлений [43].

Поскольку отношение человека к жизни и смерти зависит от нескольких факторов, в том числе нередко от его пола, рассмотрим афоризмы и крылатые слова, исходя из гендерных признаков: сначала – принадлежащие женщинам, затем – мужчинам.

Итак, сначала представим гендерные особенности содержания концепта «жизнь» на основе анализа выбранных афоризмов. Из словарных, то есть ядерных, признаков в женских афоризмах вербализуются следующие:

- ‘жизнь как срок’. Например:

*Я всю **жизнь** боюсь глупых. Особенно баб. Никогда не знаешь, как с ними разговаривать, не скатываясь на их уровень* (Ф. Раневская);

*Я всю **жизнь** сопротивляюсь* (М. Плисецкая).

Слова «всю жизнь» имеют семантику абсолютности, т.е. «всегда», «без исключений».

*Достойных мужчин всегда значительно больше, чем можно успеть полюбить за одну **жизнь**, и женщина преуменьшает это количество из-за страха романа* (М. Арбатова);

*В **жизни** мужчины есть два периода, когда он совершенно не понимает женщину: до свадьбы и после* (Я. Ипхорская).

Отметим, что хотя последний афоризм и принадлежит женщине, в нем говорится о периодах мужской жизни. Это, вероятно, обусловлено естественным интересом к противоположному полу, к особенностям его мировоззрения и мышления. Высказывание представляет собой попытку объяснить специфику отношений между полами. Имплицитно в нем содержится негативная оценка мужчин, осуждение их неумения и нежелания понять женщин.

- ‘форма существования материи’:

*Трудно **жить** завтрашним днем с сегодняшним гардеробом*
(Т. Клейман).

Данный афоризм с включенной в него фразеологической единицей «жить завтрашним днем» выражает мысль о необходимости для современной женщины иметь хороший внешний вид, в частности одежды, для уверенности в себе. Поэтому можно сказать, что здесь реализован и признак ‘ценности жизни’.

*Прошлое, как бы оно ни отдалялось, **живет** внутри*
(Л. Гурченко).

Это выражение означает, что человеку свойственно помнить значительные события прошедшей жизни, как бы давно они ни происходили. Таким образом, жизнь в этом примере выступает контекстуальным синонимом памяти.

*То, что не женятся круглые сутки, вовсе не значит, что на самом деле **живут** поодиночке* (М. Арбатова).

В данном контексте второстепенным признаком является ‘характеристика образа жизни’, т.к. речь идет о жизни в законном браке и о сожительстве.

- ‘нечто реальное’. В эту группу объединены контексты, в которых жизнь понимается как действительность, чаще всего противопоставленная воображаемому миру. Парадоксальность этих примеров в том, что в понимании женщин реальная жизнь более иллюзорна и тяжела, менее привлекательна, чем выдуманная жизнь, чем актерская игра. Например:

*Я **живу** в придуманных мирах, играю придуманных людей и считаю эту **жизнь** настоящей* (Т. Доронина);

*Я на сцене себя увереннее чувствую, чем в **жизни**, где приходится слишком много играть* (К. Новикова).

‘характеристика образа жизни’:

*Подобно монахине, она [артистка] не в праве вести **жизнь**, желанную для большинства женщин* (А. Павлова).

И хотя здесь характеристика заключена не в самой лексеме «жизнь», а в ее контекстном окружении (что допустимо для выявления смысла концепта), мы понимаем, что в данном контексте охарактеризован образ жизни артистки, актрисы, которая при самом выборе профессии лишает себя жизни обычной женщины, поскольку она мешает данному ремеслу.

*Артист должен знать все о любви и научиться **жить** без нее*
(А. Павлова).

В этом примере содержится тот же смысл, что и в предыдущем, но отказ касается всех артистов, не только женщин. Причем речь идет именно о любви, в отличие от предыдущего контекста, где не названы конкретные ценности, без которых должен обходиться артист.

*В «треугольнике» возможна только двойная **жизнь***
(В. Блоньская).

***Жить** по уму не каждому по средствам* (Т. Клейман);

*У меня хватило ума глупо **прожить** жизнь* (Ф. Раневская).

Данные примеры насыщены такими приемами выразительности, как антиномия и игра слов (в двух первых из них употребляются и обыгрываются фразеологические единицы «двойная жизнь» и «жить по уму»), что подчеркивает противоречивость многих вещей и самой жизни в целом.

- ‘жизнь как синоним активности’. К этой группе относятся афоризмы, в которых слова с семантикой жизни заключают в себе определение чего-либо энергичного, напористого. Например:

*Мы не знали, что стихи такие **живучие*** (А. Ахматова).

Помимо признака активности здесь реализуется коннотация длительности существования, жизненной стойкости.

*Ничто так не **оживляет** беседу, как уход нескольких лиц*
(В. Блоньская).

Тут автор высказывания упоминает о том, что людям свойственно такое неэтичное действие, как обсуждение отсутствующих знакомых.

Семантические признаки концепта «жизнь», выделенные нами в ходе анализа афоризмов, принадлежащим женщинам, в зависимости от частотности употребления распределились следующим образом. В околядерной зоне оказываются признаки:

- 'жизнь как нечто негативное'. В контекстах этой группы жизнь изображается как что-то неприятное, трудное, тягостное:

*Благоприятные условия? Их для художника нет. **Жизнь** сама неблагоприятное условие* (М. Цветаева).

- 'ценности жизни'. В контекстах этой группы жизнь представлена в связи с какими-либо жизненными приоритетами, наиболее важными для человека вещами. Например:

*Величайшее несчастье женщины – мужчина ее **жизни***
(М. Нуровская).

В последнем примере реализуются одновременно признаки 'ценности жизни' и 'антиценности': мужчина, в частности, постоянный, сопровождающий женщину (хотя бы в ее мыслях, представлениях, желаниях) всю ее сознательную жизнь, муж, несомненно, является одним из главных приоритетов каждой нормальной женщины, предметом ее устремлений. Однако зачастую получается, что именно этот «идеал» и «смысл жизни женщины», к которому она стремится всеми силами, долго добивается, на поверку оказывается наделенным многими недостатками и пороками, не умеет выстраивать или портит взаимоотношения, изменяет ей и т.п., становится своего рода «чемоданом без ручки», который и нести тяжело, и бросить жалко. Счастье оборачивается несчастьем.

В ближнюю периферию концепта «жизнь» входят признаки:

- 'жизнь как процесс познания':

*Не все в **жизни** надо читать, не обо всем иметь свое мнение, можно не стыдиться чего-то не знать* (Н. Берберова).

В этом примере семантика абсолютности смягчается за счет четырех отрицательных частиц «не».

- 'смысл жизни'.

Жизнь нужно прожить так, чтобы тебя помнили и сволочи
(Ф. Раневская).

Смысл жизни в данном примере заключается в том, что после себя необходимо оставить заметный след, не прожить жизнь без пользы, а также уметь отомстить за обиды, нанесенные плохими людьми.

Дальнюю периферию концепта «жизнь» в женских афоризмах составили признаки:

- 'быстротечность жизни'. В афоризмах, реализующих данный признак концепта, подчеркивается не просто конечность жизни, а скорость, с которой она проходит. Имплицитно подчеркиваются жизненные приоритеты, ценности, которые человек не успевает осознать из-за краткости своего существования. Например:

В диалоге с жизнью важен не её вопрос, а наш ответ
(М. Цветаева).

В этом примере также косвенно реализован такой признак жизни, как 'нечто, не зависящее от человека'.

- 'жительство':

Я не собираюсь становиться домохозяйкой. Муж сам стирает. И потом он живет с мамой (Г. Старовойтова).

В мужских афоризмах практические те же семантические признаки распределились по-иному. Из словарных признаков здесь представлены:

- 'жизнь как время, срок':

Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, при жизни нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы
(Петр I).

В данном примере словосочетание «при жизни нашей» в сочетании со словами «когда-нибудь» имеет значение «не очень скоро, но в обозримом будущем».

*Как ей не быть умной, возясь всю **жизнь** с такими дураками*
(В.О. Ключевский).

В этом контексте жизнь, напротив, выступает как явление продолжительное, т.к. слова «всю жизнь» означают «всегда».

*Вся **жизнь** человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась*
(А.И. Герцен).

Этот пример иллюстрирует жизнь как вечность, т.к. берется во внимание жизнь не какого-то одного человека, а всей земной цивилизации в целом.

*И пьющие **доживают** до ста двадцати лет. Но разве это **жизнь**?* (Д. Рудый).

В данном примере находит также отражение и такой признак концепта «жизнь», как ‘жизненные приоритеты’.

- ‘форма существования материи’:

*Много людей **живет** не живя, но только собираясь жить*
(В.Г. Белинский).

Данный афоризм содержит намек на кратковременность человеческой жизни, которую люди зачастую не осознают, так и не успев сделать ничего из того, что могли бы. Таким образом, реализуется второстепенный признак ‘скоротечность жизни’.

*Для привязанности нет срока: всегда можно любить, пока сердце **живо*** (Н.М. Карамзин).

В этом контексте, напротив, жизнь предстает как длительный процесс, поэтому здесь второстепенным признаком является ‘жизнь как вечность’.

*Право **жить** и быть счастливым – пустой призрак для человека, не имеющего средств к тому* (Н.Г. Чернышевский).

В последнем примере косвенно выражается признак ‘жизнь, связанная с материальными ценностями’.

- ‘нечто реальное’. Например:

*Моралисты говорят об эгоизме, как о дурной привычке, не спрашивая, может ли человек быть человеком, утратив **живое** чувство личности (А.И. Герцен).*

- ‘характеристика образа жизни’:

*Частная **жизнь**, не знающая ничего за порогом своего дома, как бы она ни устроилась, бедна (А.И. Герцен);*

*Зависимость **жизни** семейной делает человека более нравственным (А.С. Пушкин).*

В двух последних высказываниях косвенно реализуется признак ‘ценности жизни’, т.к. в первом из афоризмов отмечается необходимость общества других людей, для полноценной жизни человека, а во втором – важность семьи.

*Кто не любит хлопот, должен научиться просто и убого **жить** (Г.С. Сковорода).*

Данный контекст описывает такой образ жизни, при котором человеку нужно самому заботиться о своем благосостоянии. Так выражаются мысли о пользе труда и о том, что трудности неизбежны, но бояться их – недостойно настоящего человека.

- ‘жизнь как синоним активности’:

*Без стремления к бесконечному нет **жизни**, нет развития, нет прогресса (В.Г. Белинский);*

*Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет **жизни** (В.Г. Белинский).*

В обоих примерах преимущество активной жизненной позиции выражено «от противного», с помощью конструкций, содержащих отрицание этой активности. Здесь же говорится и о ценностных приоритетах, к которым должен стремиться любой человек.

К приядерной зоне по количественной характеристике отнесены следующие признаки:

- 'ценности жизни'. В примерах этой группы главными составляющими счастливой жизни выступают ум, честность, любовь и гармоничные отношения с окружающими людьми. Например:

*Человек, отделяющий себя от других людей, лишает себя счастья, потому что чем больше он отделяет себя, тем хуже его **жизнь*** (Л.Н. Толстой).

- 'смысл жизни':

*Человек всю **жизнь** не **живет**, а сочиняет себя, самосочиняется* (Ф.М. Достоевский).

В этом высказывании смысл жизни заключается в саморазвитии и самосовершенствовании человека на протяжении всей жизни.

Ближнюю периферию концепта «жизнь» в мужских афоризмах образуют признаки:

- 'жизнь как сознательный выбор пути'. Причины такого выбора в афоризмах представлены противоречиво:

*Дружба должна быть прочною штукаю, способною пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают свое **жизненное** путешествие дельные и порядочные люди* (А.И. Герцен).

В данном примере подчеркивается значимость крепкой дружбы для правильного выбора пути, поэтому можно утверждать, что этот афоризм содержит и такой признак, как 'ценности жизни'.

- 'жизнь как нечто негативное':

*Русская **жизнь** и грязна, и слаба, но как-то мила* (В.В. Розанов).

Данный контекст представляет жизнь, ограниченную национальными рамками, т.к. речь идет о жизни именно русского человека. Поэтому этот афоризм можно считать весьма характерным для русской ЯКМ.

- 'жизнь как процесс познания':

*Если бы мне иметь сто **жизней**, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня* (В.Я. Брюсов).

В данном контексте жизнь предстает не только как действие, в результате которого человек познает мир, но и как средство этого познания.

Дальнюю периферию концепта «жизнь» в мужских афоризмах составили признаки:

- ‘жизнь как драгоценность’:

*Первая и несомненная обязанность человека есть участие в борьбе с природой за свою **жизнь** и **жизнь** других людей* (Л.Н. Толстой).

В этом примере ценность жизни отдельного человека усиливается за счет его альтруизма, заботы не только о себе, но и об окружающих.

- ‘жизнь как нечто позитивное’:

*<...> счастливыми кажутся нам наши минувшие годы, когда мы могли **жить** лучше, чем **жило**, и **жило** лучше, чем **живется** в минуту воспоминаний* (В.О. Ключевский).

В данном высказывании вся радость жизни сосредоточена на воспоминаниях о прошлом, а не на сегодняшнем дне. Вероятно, это обусловлено тем, что человек склонен не ценить то, что имеет в данный период жизни.

Итак, подведем итог рассмотрению концепта «жизнь», вербализованного в афоризмах, с точки зрения его гендерных особенностей.

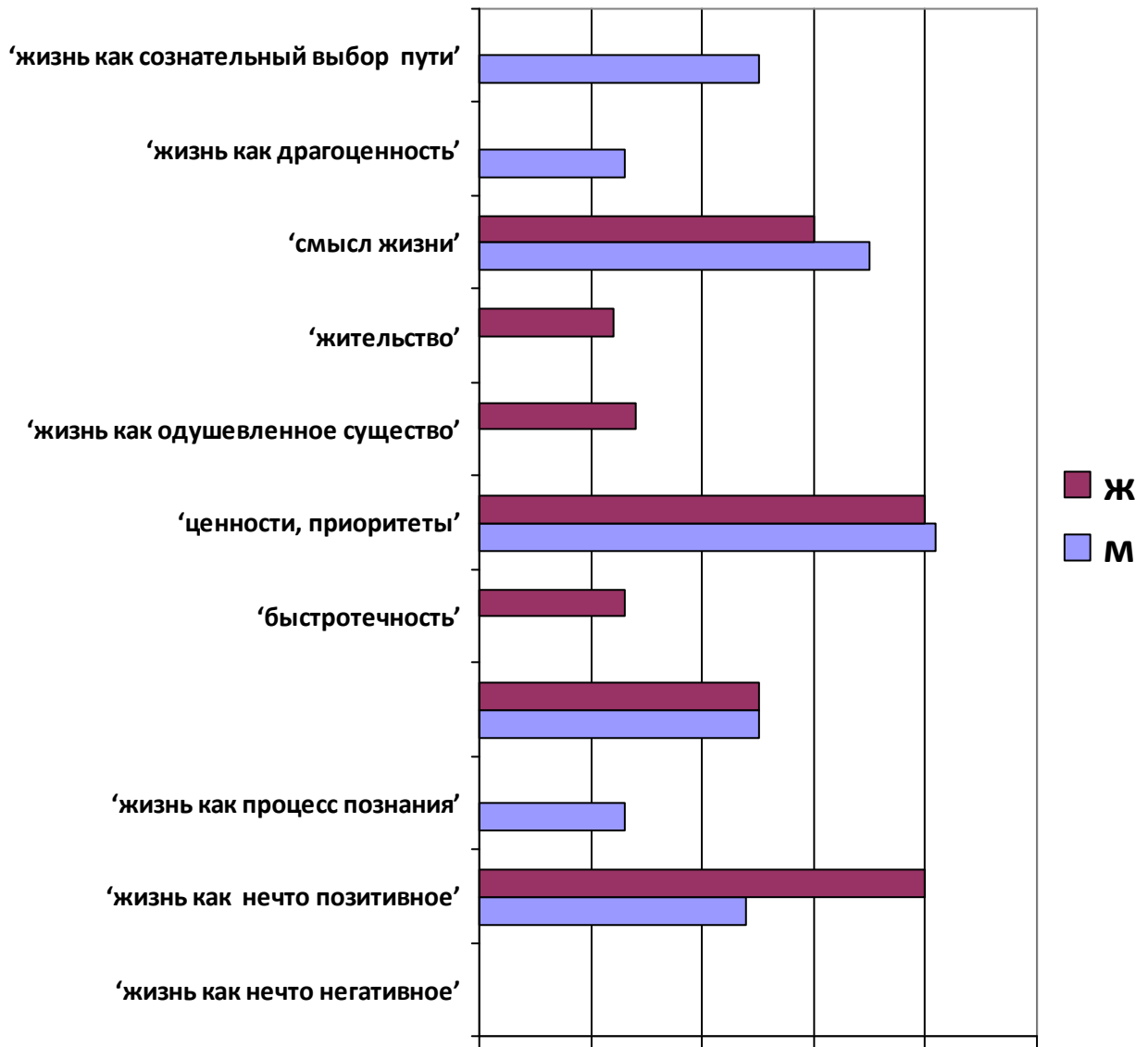
Словарный признак ‘характеристика образа жизни’ в афоризмах, принадлежащих женщинам, реализован в наибольшем количестве контекстов, в то время как в мужских афоризмах группа контекстов, реализующих его, является не такой многочисленной, но к ядру по количественной характеристике наиболее приближен признак ‘смысл жизни’. Это указывает на то, что в рассуждениях о жизни мужчины предстают более глубокомысленными, целеустремленными, нежели женщины, обнаруживающие в этом вопросе некоторую поверхностность. Набор

признаков, образующий ближнюю и дальнюю периферию, в целом схож, за исключением некоторых признаков, характерных для афоризмов представителей только одного из полов. Для женщин этими признаками стали ‘быстротечность’, ‘жизнь как одушевленное существо’ и ‘жительство’, а для мужчин – ‘жизнь как сознательный выбор пути’, ‘жизнь как драгоценность’ и ‘жизнь как нечто позитивное’. Это указывает на то, что мужская жизненная позиция более активна, мужчина не наблюдает за жизнью, а делает ее сам. Кроме того, мужчины в афоризмах обнаруживают больший оптимизм, чем женщины. Любопытно то, что признак, наиболее приближенный к ядру в мужском варианте, оказывается периферийным в женских афоризмах и наоборот. Это свидетельствует о серьезных гендерных различиях в представлении о жизни, а следовательно, и в жизненных позициях. Что касается реализации словарных признаков концепта «жизнь» в афоризмах, то и в мужских, и в женских афоризмах объективируются практически все словарные признаки, кроме признака ‘деятельность’. Но ни один из них не является наиболее выраженным в количественном плане. Результаты анализа реализации концепта «жизнь» в афоризмах в гендерном аспекте можно увидеть в таблице 3 и в диаграмме 3.

Таблица 3. Гендерная специфика репрезентации концепта «жизнь» в афоризмах и крылатых словах

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика	
		М	Ж
1.	‘жизнь как нечто негативное’	2,4%	4%
2.	‘жизнь как нечто позитивное’	1,3%	-
3.	‘жизнь как процесс познания’	2,5%	2,5%
4.	‘быстротечность’	-	1,3%
5.	‘ценности, приоритеты’	4,1%	4%
6.	‘жизнь как одушевленное существо’	-	1,4%
7.	‘жительство’	-	1,2%
8.	‘смысл жизни’	3,5%	3%
9.	‘жизнь как драгоценность’	1,3%	-
10.	‘жизнь как сознательный выбор пути’	2,5%	-
	ИТОГО	17,6%	17,4%

Диаграмма 3. Гендерная специфика репрезентации концепта
«жизнь» в афоризмах

Теперь перейдем к анализу гендерных особенностей реализации концепта «смерть» в афоризмах. В отличие от «жизни», концепт «смерть» не так часто находит отражение в «женских» высказываниях. Видимо, женщинам в их размышлениях и рассуждениях присуще чаще говорить о жизни, чем о смерти. Это, вероятно, указывает на их оптимизм и жизнелюбие, что обусловлено, в том числе, и биологически – женщина дает жизнь поколениям. Поэтому в структуре концепта «смерть» выделяется только ядро, околядерная зона и периферия без деления последней на ближнюю и дальнюю.

Итак, из семантических признаков, зафиксированных в толковых словарях, а значит, относимых нами к ядру концепта, в корпусе женских афоризмов репрезентирован только один:

- ‘прекращение существования’:

*Судьбу от рождения до **смерти** каждый человек ткёт нить за нитью, как паук свою пряжу (Е. Блаватская);*

*Если бы мне **отрезали голову**, только тогда я не смогла бы **допеть спектакль** (Г. Вишневская).*

Здесь концепт «смерть» реализован имплицитно в словах «отрезали голову». Так же имплицитно представлены жизненные приоритеты знаменитой певицы: любовь к профессии, ответственность, обязательность, самоотверженность, выносливость, умение отрешаться от жизненных трудностей и невзгод ради служения музыке. Отметим, что данная группа контекстов не является самой многочисленной.

В приядерной зоне по принципу частотности находится признак ‘причины смерти’. Обычно в афоризмах эта причина выражена метафорой. Например:

*Мы не от старости **умрем** – от зависти умрем (Г. Гофф).*

В данном контексте имплицитно выражен признак ‘смерть как степень’, мера человеческой зависти.

Периферию концепта «смерть» составили следующие признаки:

- ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’. В этой группе содержатся афоризмы, в которых представлена точка зрения о том, что смерть есть нечто, не внушающее страх, обычное, неудивительное. Например:

*Лично я не боюсь **смерти**, а скорее бессмертия (Р. Литвинова).*

В данном примере смерть противопоставляется вечной земной жизни и выбирается как более желанное.

- ‘смерть как избавление’:

*Я не умею выразить, но мне кажется, что, когда я умру, я
стряхну с себя все лишнее, всю тяжесть – и легко, легко станет,
– и улечу куда-то (С. Толстая).*

Смерть в данном контексте приносит освобождение, облегчение от земных забот, тягот жизни, хотя и не является долгожданным средством спасения от чего-либо.

Другие примеры женских афоризмов, репрезентирующих концепт «смерть», можно увидеть в Приложении 5.

В афоризмах, принадлежащих мужчинам, концепт «смерть» вербализован более разнообразно. И если ряды семантических признаков концепта «жизнь» в женских высказываниях весьма схожи с набором признаков в мужских, то ряды признаков концепта «смерть» с гендерной точки зрения более различны между собой.

Итак, ядерные признаки концепта «смерть» репрезентируются следующим образом:

- ‘смерть как степень’:

*Слово бьет иногда **насмерть** (А. Грин);*

*Самый простой и доступный способ **смертельно** обидеть человека – перевернуть его отчество дважды подряд (М. Звонарев);*

*Человеку... довольно иногда созданного им самим признака, чтобы решить дело в любую сторону, а затем – легче **умереть**, чем признаться в ошибке (А. Грин).*

Если в первых двух примерах смерть выступает как средство измерения интенсивности того или иного действия, то в последнем контексте – как средство сравнения, благодаря которому поясняется, насколько трудно бывает признать свою неправоту. В них же говорится о важности нравственности, этикета в отношениях между людьми.

- ‘прекращение существования’:

Смерть наступает для нас не только тогда, когда мы умираем, но и тогда уже, когда умирают наши близкие (Н.А. Бердяев);

Меняются приемы творчества, но никогда не может умереть или устареть душа, вложенная в создание искусства (В.Я. Брюсов).

Как видим, смерть здесь – понятие относительное, метафорическое; она может наступать ранее физиологического умирания или же, напротив, отменяется вовсе. В семантике последнего примера прослеживается коннотация «бессмертие».

Ни один из словарных признаков концепта «смерть» не является наиболее частотным в мужских афоризмах.

Семантический признак ‘смерть как нечто обыденное’ находится в околядерной зоне. Приведем примеры:

Не бойся смерти, тогда наверно победишь (А.В. Суворов).

В данном афоризме также имплицитно содержится признак концепта жизнь ‘жизненные приоритеты’, так как в нем говорится о значимости для успеха человека в жизни таких качеств, как отвага и самоотверженность.

Ближняя периферия концепта выражена признаком ‘смерть как абсолютная сила’:

Мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь (Даниил Заточник).

Это высказывание представляет смерть безусловным явлением, необратимым процессом, который к тому же ни от чего не зависит. Эта абсолютность как бы переносится на глупость человеческую как на явление совершенно безнадежное, неисправимое, как сама смерть.

Дальняя периферия несколько шире, к ней относятся следующие признаки:

- ‘причины смерти’:

Бог скорее простит удавившегося, чем погибшего ради тщеславия (Иван Грозный).

Как известно, самоубийство — один из страшных грехов, осуждаемых христианством, православной церковью — настолько, что самоубийца запрещено было отпевать в церкви и хоронить в пределах кладбища. В данном высказывании великий русский царь делает акцент на том, что гордыня — один из семи смертных грехов — является еще более тяжким преступлением, нежели сознательное лишение себя жизни.

- ‘смерть как одушевленное существо’:

Смерть – величайший математик, ибо безошибочно решает все задачи (В.О. Ключевский).

В этом высказывании имеет место метафора. Под решением задач понимается то, что смерть как абсолютная сила часто принимается как выход из затруднительных ситуаций, избавление от проблем.

- ‘смерть как нечто позитивное’:

Когда в наших сердцах бледнеют воспоминания, смерть заставляет их вновь расцвести в своих руках (Ф.И. Тютчев).

Здесь смерть выступает стимулом деятельности и чувств, своего рода их катализатором.

Другие примеры афоризмов, принадлежащих мужчинам и репрезентирующих концепт «смерть», находятся в Приложении 6.

Кроме того, в афоризмах, принадлежащих мужчинам, имеют место и смешанные афоризмы, т.е. упоминающие и жизнь, и смерть. Афоризмы, составляющие эту группу, строятся на сопоставлении понятий жизни и смерти, на их сравнении. Приведем примеры:

Как бывает жить ни тошно, умирать еще тошней (И.А. Крылов).

Этот контекст, несмотря на лексемы противоположных значений, реализует признак концепта «жизнь» ‘жажда жизни’, т.к. смерть предстает событием крайне нежелательным, даже если жизнь не несет радости.

Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней готовиться (Козьма Прутков).

В данном примере реализованы признаки концепта «жизнь» ‘жизнь как срок’ и концепта «смерть» ‘смерть как прекращение существования’.

Люди умирают для того, чтобы жило человечество
(В.Г. Белинский);

Самое умное в жизни – все-таки смерть, ибо только она исправляет все ошибки и глупости жизни (В.О. Ключевский).

Эти два примера раскрывают смысл смерти, ее пользу, поэтому доминантным в них является признак концепта «смерть» ‘смерть как нечто позитивное’.

Человек умирает, и душа его, не подвластная разрушению, ускользает и живет иной жизнью (В.Я. Брюсов);

Жизнь – вечность, смерть – лишь миг (М.Ю. Лермонтов).

В последних примерах смерть предстает как краткое мгновение, как смена формы существования, а жизнь – как вечный процесс. Поэтому здесь реализованы признаки ‘смерть как нечто обыденное, неизбежное’ и ‘жизнь как вечность’.

Сравнивая гендерные особенности реализации концепта «смерть» в афоризмах, отметим, что мужчинам, как и женщинам, более свойственны рассуждения о жизни, нежели о смерти, и что общими для речи мужчин и женщин являются лишь три признака: ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное, ‘смерть как прекращение существования’ и ‘причины смерти’, например, самоубийство, качество жизни, какая-либо трагедия. Причем снова признак, наиболее приближенный к ядру концепта в мужских афоризмах, оказывается периферийным в женских и наоборот. Этот факт говорит о том,

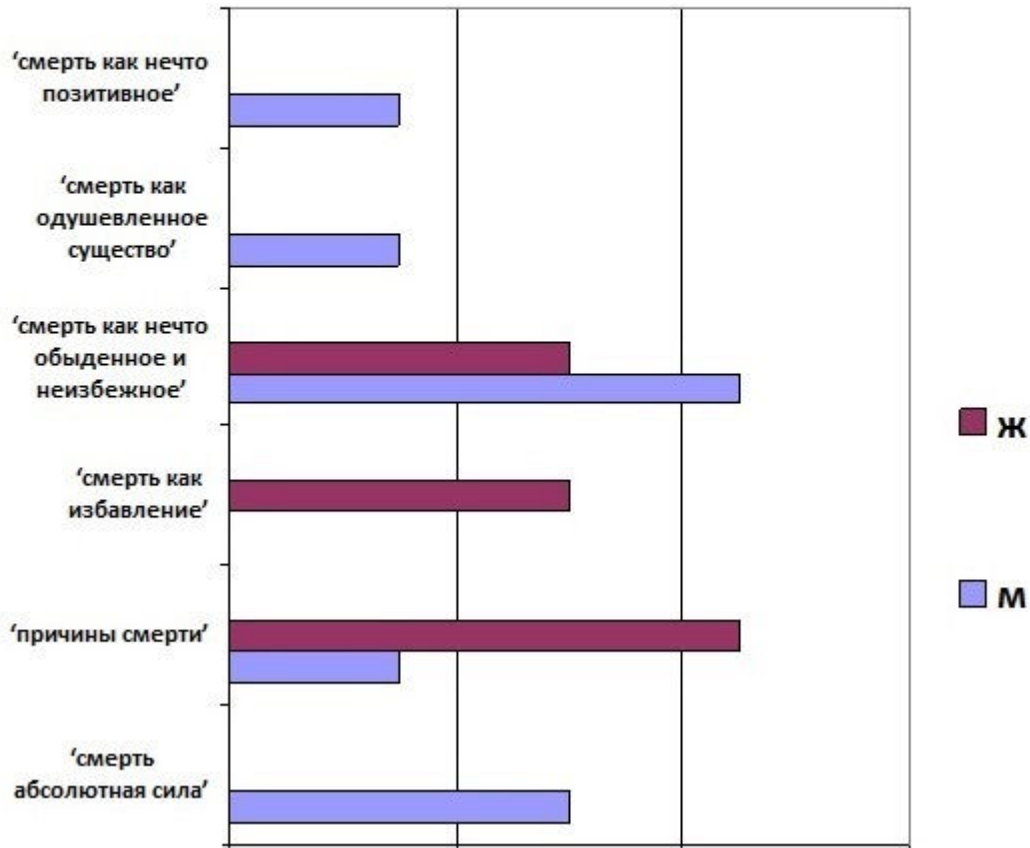
что отношение к смерти у представителей разных полов также весьма различно.

Обратимся к материалам, представленным в таблице 4 и диаграмме 4, в которых представлена гендерная специфика реализации концепта «смерть» в афоризмах.

Таблица 4. Гендерная специфика репрезентации концепта «смерть» в афоризмах и крылатых словах

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика	
		М	Ж
1.	‘смерть абсолютная сила’	3%	-
2.	‘причины смерти’	1,5%	4,5%
3.	‘смерть как избавление’		3%
4.	‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’	4,5%	3%
5.	‘смерть как одушевленное существо’	1,5%	-
6.	‘смерть как нечто позитивное’	1,5%	-
	ИТОГО	12%	10,5%

Диаграмма 4. Гендерная специфика репрезентации концепта «смерть» в афоризмах

Видим, что исключительно маскулинными признаками концепта «смерть» можно назвать 'смерть как абсолютная сила', 'смерть как одушевленное существо' и 'смерть как нечто позитивное'. Заметим, что околядерный признак 'смерть как нечто обыденное и неизбежное' несет в себе противоположную смысловую нагрузку и отражает довольно нейтральное отношение мужчин к смерти. К сугубо феминным отнесен лишь признак 'смерть как избавление'. Такое распределение семантических признаков указывает на некоторую пессимистичность женских взглядов.

Что касается реализации словарных признаков концепта «смерть» в афоризмах, отметим, что в обеих гендерных группах реализован признак 'смерть как прекращение существования', но только у женщин этот признак оказывается наиболее выраженным в количественном плане. Кроме того, в

мужских афоризмах объективируется словарный признак ‘смерть как степень’, являющийся, помимо этого, характерным для мужских высказываний.

2.3. Гендерные особенности реализации концептов «жизнь» и «смерть» в языке реалистических произведений русской литературы

Выборка контекстов русских литературных произведений периода середины XIX – середины XX веков, репрезентирующих концепты «жизнь» и «смерть», производилась из произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.А. Островского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, А.И. Куприна, В.Г. Короленко, М.А. Булгакова, Б. Лавренева, М.А. Шолохова. Анализ репрезентации указанных концептов начнем с представленности в художественных текстах концепта «жизнь».

При изучении выбранных контекстов нами были выделены группы семантических признаков концепта «жизнь», реализованных в речи персонажей мужского и женского пола, которые по количественному признаку составили околядерную зону, ближнюю и дальнюю периферию. Ядром концепта будут считаться признаки, репрезентированные в словарных дефинициях лексемы «жизнь». Начнем с обзора мужских представлений о жизни.

Из словарных признаков в речи персонажей-мужчин представлены следующие:

- ‘жизнь как срок’. Контексты этой группы можно условно разделить на две подгруппы:

а) неопределенный, как правило, долгий срок:

Всю жизнь буду тебе благодарен [190, с. 111, Говоруха-Отрок];

Я запомнил бы, унес бы это воспоминание в темноту всей остальной жизни... [187, с. 167, Петр];

Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутного, сердито воющего ветра, а главное – всю жизнь один, один... [203, с. 12, автор];

Я этой стерве ни в жизнь не поверил бы [198, с. 71, купец].

Отметим, что в последнем примере признак ‘жизнь как срок’ реализуется посредством просторечного выражения *ни в жизнь*, означающего *никогда в жизни*, что дает право отнести данный контекст именно к этой группе.

б) конкретный отрезок времени, как то:

*На что вот я – старик, **шестьдесят второй год живу**, а их [предрассудков] не имею [201, с. 481, старик Базаров];*

Важно, что словарный признак ‘жизнь как срок’ – наиболее многочисленный из всех репрезентированных в речи мужчин в русских реалистических произведениях, чего нельзя сказать о следующих ядерных признаках, которые выражены относительно небольшим количеством контекстов.

- ‘нечто реальное’. В этой группе слова с семантикой жизни употребляются в связи с названиями некоторых ментальных действий (помнить, представлять, впечатления и т.д.). Например:

*По временам, когда мгновения счастья вставали перед ним **живые** и яркие <...> [187, с. 164, автор];*

*И опять **живой** рокот, все ярче и сильнее, сверкающий и подвижный, счастливый и светлый [Там же, с. 189, автор];*

*Мистер <...> пил по вечерам слишком много и слишком много любовался "**живыми** картинами" в некоторых притонах [174, с. 43, автор];*

*Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно [крепостное право] еще вполне **живо** [Там же, с. 15, автор].*

- ‘форма существования материи’:

*Почему же он раньше позволял тебе **жить**, а только теперь надумался?* [189, с. 154, автор];

*<...> захочу ли я хоть на волос стеснять твою **жизнь**, твои привычки?* [201, с. 390, Аркадий];

В данных контекстах лексема *жить* означает не просто существование, а спокойную, свободную жизнь. Поэтому в качестве второстепенного здесь реализуется признак ‘лишение полноты жизни’.

- ‘характеристика образа жизни’:

*Такое **жизье**, что как поутру встал, так и за вытье...* [177, с. 902, Бубнов];

***Жить** стало туго, нанялся я в пастухи, а потом забрали меня на службу* [205, с. 19, Фома];

*Была когда-то и у меня человеческая, хорошая **жизнь*** [190, с. 116, Говоруха-Отрок].

В этих примерах четко реализуются также признаки ‘жизнь как нечто негативное’ и ‘жизнь как нечто позитивное’ соответственно.

*Эта феска и небрежно повязанный галстучек намекали на свободу деревенской **жизни*** <...> [201, с. 392, автор];

*<...> были мы просто молоды и **жили**, как свойственно молодости, учились и веселились* [200, с. 4, Иван Васильевич];

*<...> она, сирота, вероятно несущая в себе зародыши преступности, была воспитана в интеллигентной дворянской семье и могла бы **жить** честным трудом* <...> [199, с. 66, товарищ прокурора];

*Поездка в Киев была отложена на год, вся семья **жила** надеждами и планами Петра* [187, с. 183, автор].

Отметим, что во многих контекстах сложно выделить только один признак. Чаще всего их два: один доминирующий, другой второстепенный. Причем в подавляющем количестве контекстов второстепенным признаком становится ‘ценности жизни’. Это, вероятно, вызвано тем, что без многих

вещей, нравственных, материальных или физических, жизнь часто теряет свою значимость и смысл.

- 'жизнь как синоним активности'. Видимо, здесь можно проследить противопоставление жизни как активности и смерти как пассивности. То есть жизнь – значит стремление, действие, скорость. Этот признак концепта «жизнь» может проявляться не только в самой лексеме «жизнь», но и в однокоренных словах. Например:

*Несколько дней промелькнули очень **живо*** [187, с. 146, автор];

***Живей**, что ль, поворачивайся там, Маслова, говорю!* [198, с. 8, надзиратель];

*Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет **жизни**...* [174, с. 16, автор].

*Василий Иванович **оживился** немного* [201, с. 530, автор].

Семантические признаки концепта «жизнь», выделенные нами в ходе анализа, по количественному признаку распределились следующим образом (примеры контекстов см. в Приложении 7). Наиболее многочисленным, а значит, наиболее близким к ядру концепта является признак 'жизненные ценности'. Приведем пример:

*<...> к вопросу «**зачем жить?**» - он прибавлял: «**зачем жить слепому?**»* [В.Г. Короленко. «Слепой музыкант» 187, с. 166, автор].

В ближнюю периферию вошли следующие признаки:

- 'жительство'. В этой группе слова со значением жизни употребляются только в связи с местонахождением, то есть с конкретным адресом проживания. Например:

*В городе Ливерпуле **жил** богатый человек* [190, с. 112, Говоруха-Отрок];

- 'жизнь как судьба, не зависящая от человека'. В контекстах этой группы часто встречаются жалобы на судьбу, т.к. ею невозможно управлять и остается принимать ее такой, какая она есть. Примеры иллюстрируют

отношение к жизни как к одушевленному существу, имеющему некую власть над человеком, причем эта власть имеет отрицательную оценку.

Ему казалось, что он рыцарь, выбитый из седла жизнью и поверженный в прах [187, с. 326, автор].

- ‘жизнь как нечто негативное’. Приведем пример:

*Отобрали у господ землю и имения, но их затошнило от поганого **жизья**, нащетинились и прут на нас, на мужиков и рабочих войной...* [205, с. 21, Фома];

Семантические признаки, которые репрезентируются в наименьшем количестве контекстов, составили дальнюю периферию концепта «жизнь»:

- ‘вечность’. Например:

*Но <...> те сладостные первые мгновения, отчего бы не жить им **вечной, неумирающей жизнью*** [201, с. 420, Николай Петрович].

В этом примере можно наблюдать противопоставление вечной жизни и мгновенности, краткости и конечности.

- ‘этап, период’. В контекстах этой группы жизнь изображена как определенная ступень, шаг к каким-либо изменениям.

*Да вспомни его воспитание, время, в которое он **жил** <...>* [201, с. 401, Аркадий].

- ‘жизнь как нечто позитивное’:

*Как холодно, росисто и как хорошо **жить** на свете!* [174, с. 17, автор];

- ‘жизнь как сознательный выбор пути’. Н.Д. Арутюнова считает, что понятие «жизнь» объединяет в себе понятия *судьба* и *путь* с той разницей, что *судьба* от человека не зависит (эта группа контекстов рассмотрена выше), а *путь* – это сознательный выбор человека. Это подтверждает тот факт, что обычно все жалобы человека – на *судьбу*, в то время как на *путь* жаловаться не принято [12]. Приведем пример:

Они глухи на страстные порывы грешной жизни и идут по грустному пути долга так же покойно, как и по пути самого яркого личного счастья [187, с. 114, автор];

- 'жизнь как процесс познания':

Максиму пришлось останавливаться с чувством благоговения перед таинственными процессами жизни [187, с. 115, автор].

Далее рассмотрим семантические признаки, зафиксированные в речи персонажей-женщин в текстах авторов-мужчин. В репликах литературных персонажей женского пола реализуется заметно меньше семантических признаков.

Из ядерных признаков в женской речи, как и в мужской, наиболее частотным является признак 'жизнь как срок':

Видать, всю жизнь у маменьки под юбкой сидел [190, с. 102, Марютка];

Жизнь твоя будет долгая [189, с. 132, Мануйлиха];

<...> вы молоды – вся жизнь перед вами [201, с. 456, Одинцова].

Если в первом примере жизнь изображается как нечто, уже прошедшее, то в двух последних – как еще только предстоящие события.

Замуж бабе выйти – все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала – на всю жизнь памятно... [177, с. 907, Квашня];

<...> я с тобою, друг мой сердечный, извини меня, - живая не расстанусь [191, с. 8, Катерина Львовна];

Я и обедала одна, потом целый час играла, под музыку у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто [174, с. 56, Оля Мещерская].

Кроме этого, в речи персонажей-женщин репрезентирован еще ряд словарных признаков:

- 'форма существования материи':

*Я вам когда-нибудь расскажу свою **жизнь**...* [201, с. 452, Одинцова];

*Как **поживаете**, как дела ваши?* [192, с. 42, Огудалова-мать].

Интересно, что Одинцова говорит о жизни как о длинной цепочке событий, а Огудалова, в отличие от нее, упоминает жизнь как что-то сиюминутное, происходящее в данный момент.

*- А ты, Аксинья... того, - говорила, идучи впереди ее, молодая хозяйка, - мальчик-то твой у тебя **жив**?* [191, с. 4, Катерина Львовна];

*[Анна] **Жива** еще?* [177, с. 917, Василиса].

В данных контекстах о жизни говорится как о физиологическом существовании организма.

- 'характеристика образа жизни'. В контекстах данной группы наблюдается определительная взаимосвязь слов со значением жизни с их словесным окружением. Приведем примеры:

*«Машенька, уедем на постельке валяться, **жить** тихонько», - передразнила она* [190, с. 118, Марютка];

*Ну да потому, что ведь ты на мне женишься и, значит, **жизнь** наша будет одинаковая* [187, Эвелина, с. 136];

*Ну, уж я знаю, как я тебя и купцом сделаю и **жить** с тобой совсем как следует стану* [191, с. 9, Катерина Львовна];

*Небось без няньки **жить** не можешь?* [190 с. 109, Марютка].

В последнем контексте акцентирован также признак 'жизненные ценности', так как отмечается неприемлемость жизни без должного ухода и заботы.

Наиболее репрезентированным из вновь выделенных нами признаков, а потому отнесенных к приядерной зоне, стал признак 'жизнь как нечто негативное':

*А ведь так **жить** холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать* [192, с. 86, Лариса Огудалова].

В последнем фрагменте негативная оценка жизни вызвана потерей жизненных ценностей, в особенности любви. По этой причине в этом примере также репрезентирован и признак ‘жизненные ценности’.

В женской речи ряд признаков, по принципу частотности образующих ближнюю периферию концепта «жизнь», выглядит следующим образом:

- ‘жизненные ценности’. Эта группа включает контексты, в которых представления о жизни соседствуют с понятием ценности, но только не собственно жизни, а вещей, которые, по мнению людей, делают эту жизнь более приятной. Например:

*Ну-ну, хитрости! Без хитростей на свете не **проживешь***
[192, с. 34, Огудалова-мать].

В данном примере зафиксирована важность в жизни таких качеств, как изобретательность, смекалка, лукавство, изворотливость, обман.

- ‘жительство’:

*И чего... зачем я **живу** здесь... с вами?* [177, с. 941, Настя];

В этом примере представлены размышления не только над целью проживания в определенном месте, но и над смыслом своей жизни вообще.

Наименее выраженным в количественном отношении и поэтому находящимся на дальней периферии концепта «жизнь» является признак ‘жажда жизни’. К этой группе контекстов, репрезентирующих данный признак, отнесены такие, в которых выражено сознание радости, необходимости просто жить, которое приходит чаще всего в конце жизни. Например:

*Ну... еще немножко... **пожить бы**... немножко!* [177, с. 914, Анна];

Заметим, что в этом контексте желание жить возникает у человека лишь перед самой смертью. Можно сделать вывод, что для человека не типично

ценить жизнь, а характерной чертой является осознание ее полноты и разнообразия только на пороге смерти.

Примеры контекстов речи женщин-персонажей реалистических произведений, репрезентирующих семантические признаки концепта «жизнь», см. в Приложении 8.

При рассмотрении гендерной специфики распределения этих признаков становится очевидной их количественная разница: в мужской речи концепт «жизнь» включает в себя 11 признаков, а в женской – только 5, что напрямую указывает на то, что мужской взгляд на жизнь гораздо более широк и глобален, а женские представления, напротив, не настолько многогранны, более локальны.

Что касается непосредственно сходства и различий в репрезентируемых признаках концепта «жизнь», то главное сходство состоит в том, что ядерный признак ‘жизнь как срок’ в обеих гендерных группах оказался наиболее выраженным количественно. В размещении признаков, выделенных нами в ходе анализа, в околоядерной зоне и на периферии наблюдается та же особенность, что и при анализе афоризмов.

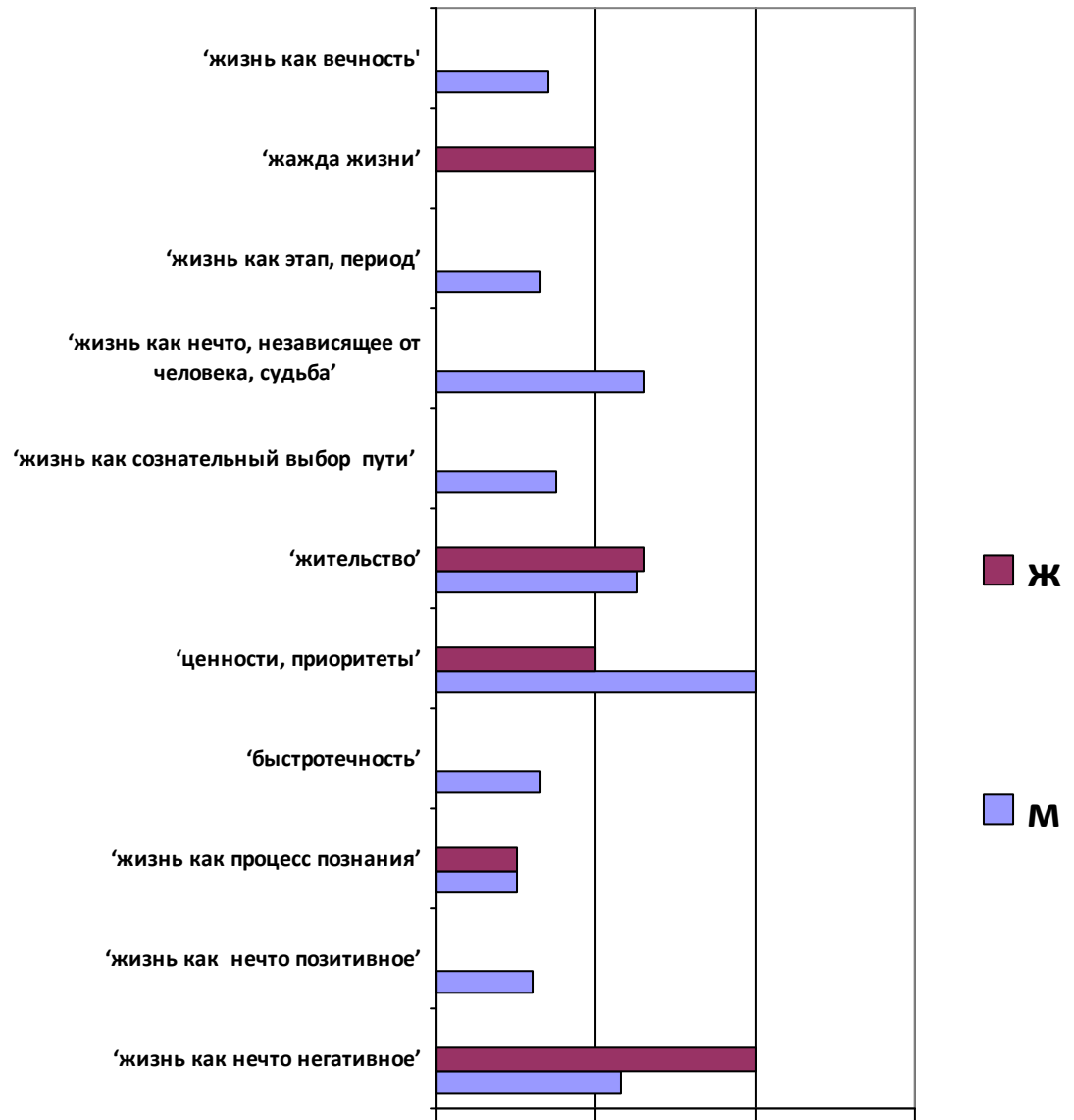
Кроме того, в ходе исследования нами было обнаружено, что в женской речи не репрезентируются некоторые из признаков концепта «жизнь», которые можно найти в мужской речи. К ним относятся: ‘жизнь как вечность’, ‘жизнь как нечто, не зависящее от человека’, ‘жизнь как процесс познания’, ‘нечто реальное’, ‘жизнь, как нечто позитивное’, ‘жизнь как период, этап’, ‘жизнь как сознательный выбор пути’. Исходя из этого, можно утверждать, что женщины снова предстают менее оптимистичными и менее активными в жизненной позиции. Кроме того, им более свойственны ментальные действия, что несколько отгораживает их от окружающей реальности. Однако в женской речи присутствует такой признак концепта «жизнь», как ‘жажда жизни’, который не присущ мужской речи, что в какой-то степени опровергает мнение о женской пассивности в жизни. Более наглядно количественные характеристики семантических признаков концепта жизнь, выявленные при

анализе речи персонажей реалистических произведений мужского и женского пола, представлены в таблице 5 и на диаграмме 5.

Таблица 5. Гендерная специфика репрезентации концепта «жизнь» в реалистических произведениях

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика	
		м	ж
1.	‘жизнь как нечто негативное’	2,3%	4%
2.	‘жизнь как нечто позитивное’	1,2%	-
3.	‘жизнь как процесс познания’	1%	1%
4.	‘быстротечность’	1,3%	-
5.	‘ценности, приоритеты’	4%	2%
6.	‘жительство’	2,5%	2,6%
7.	‘жизнь как сознательный выбор пути’	1,5%	-
8.	‘жизнь как нечто, независящее от человека, судьба’	2,6%	-
9.	‘жизнь как этап, период’	1,3%	-
10.	‘жажда жизни’	-	2%
11.	‘жизнь как вечность’	1,4%	-
	ИТОГО	19,1%	11,6%

Диаграмма 5. Гендерная специфика репрезентации концепта «жизнь» в реалистических произведениях

Исходя из данных, приведенных выше, становится очевидным, что в отличие от концепта «жизнь» концепт «смерть» представлен меньшим количеством выявленных признаков в речи мужчин и немного большим количеством в речи женщин.

Рассмотрим подробнее особенности репрезентации концепта «смерть» в высказываниях персонажей мужского пола. Словарные, то есть ядерные признаки, репрезентированы в речи мужчин следующим образом:

- 'смерть как прекращение существования':

Стало быть, если чувства мои уничтожены, если тело мое умрет, существования никакого уж не может быть? [198, с. 27, Левин];

Сизое, уже мертвое лицо постепенно стыло, хриплое клокотанье, вырывавшееся из открытого рта, освещенного отблеском золота, слабело [174, с. 67, автор];

И что же вы думаете, панычу: с тех самых пор стало у молодницы дитя болеть. Болело, болело, да и совсем умерло [189, с. 125, Ярмола];

Слышь, – не кричи! Тут – женщина помирает... уж губы у нее землей обметало... не мешай! [177, с. 915, Лука].

В последнем примере смерть выступает не только как абсолютный конец жизни, но и как событие значимое, требующее внимания и уважительного отношения.

Отметим, что группа контекстов, репрезентирующих данный признак, является самой многочисленной, чего нельзя сказать о группе, представляющей другой словарный признак, насчитывающей весьма небольшое количество языковых единиц:

- ‘смерть как степень’. К этой группе относятся контексты, в которых смерть представляется как мера каких-либо действий или эмоций, как абсолютное прекращение существования.

Однажды тебя совсем убьют... до смерти... [177, с. 893, Актер»].

В данном контексте, помимо основного, реализуются признаки ‘причина смерти’ и ‘убийство’.

<...> после того, как Борменталь и профессор вышли из смотровой, ее [Зину] до смерти напугал Иван Арнольдович [173, с. 448, автор].

В этом примере, как почти во всех аналогичных выражениях с лексемой «смерть», сочетание *до смерти* употребляется метафорически – в значении «очень сильно».

- ‘смерть как нечто ужасное’:

*Ты меня **от смерти** спасла, а это незабвенно* [190, с. 117, Говоруха-Отрок];

*<...> так как люди и до сих пор еще больше всего дивятся и ни за что не хотят верить **смерти*** [174, с.69, автор];

Выделенные нами семантические признаки распределены в приядерной зоне и на периферии прямо пропорционально их количественной характеристике (примеры контекстов см. в Приложении 9). Таким образом, наиболее приближенным к ядру оказывается признак ‘убийство’. Причем у этого признака можно выделить различные смысловые оттенки:

- убийство – ерунда:

***За убийство** в драке – только тюрьма* [177, с. 945, Сатин].

- подстрекательство к убийству:

*Она меня подговаривала мужа **убить**... подговаривала...*
[177, с. 939, Пепел].

- причина убийства:

***А убил** – из-за бабы?* [177, с. 936, Лука].

- угроза убийства:

Тохта!** Если ружье есть – кладь наземь. Без тамашы, а то всех **угроблю [190, с. 83, Евсюков].

- убийство как побуждение к действию:

***Абрам!** Иди... **Василиса Наташку убивает**... иди!* [177, с. 908, Костылев].

Отметим, что многочисленность каждой группы чаще всего напрямую зависит от степени нейтральности употребления в контекстах слов с семантикой жизни и смерти. Чем нейтральнее признак и более приближен к

признакам, закрепленным в словарях, тем большее количество контекстов насчитывает группа.

Ближнюю периферию концепта «смерть» составили признаки:

- ‘смерть как срок, предел’:

Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь... [177, с. 896, Клещ];

Данный контекст, помимо концепта «смерть», реализует и признак концепта «жизнь» ‘жизнь, связанная с материальными ценностями’, так как смерть еще не наступила, и описываются такие качества человека, как меркантильность и корысть.

- ‘смерть как абсолютная сила’:

А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли [177, с. 895, Бубнов].

Видим, что этом контексте косвенным признаком концепта «смерть» является ‘смерть как синоним спокойствия и тишины’.

- ‘смерть как одушевленное существо’. В этой группе можно обнаружить такой прием, как антропоморфизм, то есть смерти приписываются качества, действия живого существа, человека. Приведем пример:

Смерть Оли Мецкерской пленила её [класную даму] новой мечтой [174, 58, автор].

- ‘причины смерти’:

Жена твоя зачахла от твоего злодейства... [177, с. 896, Костылев].

В данном примере упомянутая причина смерти больше моральная, чем физическая. Более того, назван и предполагаемый виновник смерти – муж умершей.

Дальняя периферия концепта «смерть» представлена не менее разнообразно. К ней относятся следующие семантические признаки:

- ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’:

*Один конец – **подыхать!*** [190 с. 80, солдат].

- ‘своя смерть как избавление’:

Ты с радостью помирай, без тревоги... Смерть, я те говорю, она нам – как мать малым детям... [177, с. 914, Лука].

- ‘чужая смерть как избавление’:

Вот погоди... умрет жена... [177, с. 899, Клещ].

- ‘пожелание смерти кому-либо’:

Погибели на вас нет... на проклятых... чтоб вас всех передумала хвороба... [187, с. 154, слепой звонарь].

Таким образом распределились семантические признаки концепта «смерть» в речи мужчин. Несколько иная картина в женских высказываниях, приписываемых авторами мужского пола женщинам.

Из ядерных признаков концепта «смерть» у женщин, как и у мужчин, наиболее частотным является признак ‘смерть как прекращение существования’.

Помираю, вот... [177, с. 909, Анна];

Никогда вы не женитесь, так холостым и умрете [188, с. 141, Олеся];

Ты помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь [198, с. 16, Долли];

Помрет ведь... Что я Евсюкову скажу? [190, с. 105, Марютка].

В последнем примере, кроме самого факта смерти, как в первом контексте, озвучена обеспокоенность последствиями гибели, которые не менее значимы.

Кроме того, в речи персонажей-женщин репрезентируется и словарный признак ‘смерть как степень’, однако данная группа является сравнительно малочисленной, как и в речи персонажей-мужчин. В ней собраны примеры, изображающие смерть как точку отсчета, меру некоторых вещей, например, неприятностей, ненависти и т.д.:

Нехорошо выходит этой трефовой даме, хуже смерти
[189, с. 141, Олеся];

*Когда же меня-то будет любить хоть кто-нибудь?
Доведете вы меня до погибели?!* [192, с. 39, Лариса Огудалова];

Ты вон заездил жену-то до полусмерти... [177, с. 892,
Квашня].

В последнем примере скрыто выражен концепт «жизнь», точнее – его признак ‘жизненные ценности’. Другими словами, героиня говорит о том, что без любви и взаимности она не желает жить и хочет умереть.

-‘смерть как нечто ужасное’:

*Знаешь... мало знать, ты – понимай. Ведь умирать-то
страшно...* [177, с. 900, Наташа];

А пуще всего боялась – помрешь ты с голоду [190, с. 108,
Марютка];

*Я как поглядела на него, так и пошевелиться не могу; вижу,
сидит Яков, а лицо у него мертвое, зеленое...* [189, с. 142, Олеся];

*Страшно мне вдруг делается, будто он неживой передо
мною стоит* [Там же, с. 142, Олеся].

Важно отметить, что в каждом из приведенных контекстов заметны признаки разговорного стиля и просторечные элементы, что, вероятно, свидетельствует о том, что видение смерти как чего-то ужасного, страшного, характерно в первую очередь для простых женщин из народа. Можно предположить, что женщинам более образованным такая точка зрения не свойственна, так как в контекстах с сугубо литературной речью она не встречалась [57].

Из вновь выделенных признаков наиболее частотным и потому наиболее приближенным к ядру становится признак ‘смерть как избавление’. Контексты, репрезентирующие данный признак, можно условно разделить на две подгруппы:

а) ‘своя смерть как избавление’:

*Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня **убил** кто-нибудь... Как хорошо **умереть**... пока еще упрекнуть себя не в чем* [192, с. 84, Лариса Огудалова];

В этом примере смерть изображена не только как избавление от мучений, но и как нечто очень желанное. Мысль о смерти фактически принимает форму просьбы.

б) 'чужая смерть как избавление':

*Ведь вот хорошо, что она **умерла**... а жалко...* [177, с. 922, Наташа].

Ближняя периферия иллюстрирует несколько противоречивые представления женщин о смерти. К ней относятся признаки:

- 'смерть как нечто нереальное, воображаемое'. Эту группу сформировали контексты, представляющие смерть объектом ментальных действий, таких, как, например, *думать, представлять, размышлять*. Например:

*А то... вообразу себе, что завтра я... скоропостижно **помру**... <...> Летом хорошо **воображать про смерть**...* [177, с. 926, Наташа].

В данном контексте смерть предстает даже чем-то приятным, а не просто плодом воображения.

- 'убийство'. Осмысление женщинами этого признака далеко не так широко, как мужчинами. Женщина воспринимает убийство как факт, преступление, но практически не придает значения причинам, подтолкнувшим человека к этому поступку. Приведем примеры:

*Если только пойдет на это дело... либо ему, либо мне **не жить**, а уж ты со мной будешь* [191, с. 9, Катерина Львовна].

Здесь предупреждение о возможном убийстве выражено скрыто, через сочетание «не жить», которое выдает уверенность героини в прекращении жизни человека.

Дальняя периферия концепта «смерть» образована семантическим признаком ‘пожелание смерти кому-либо’:

*Вот... еще не жена я тебе, а уж хочешь **убить*** [177, с. 932, Наташа].

В данном фрагменте, кроме указанного признака, ясно проиллюстрировано исторически сложившийся в России статус замужней женщины в семье, так как видна непосредственная связь между замужеством и возможностью физической расправы.

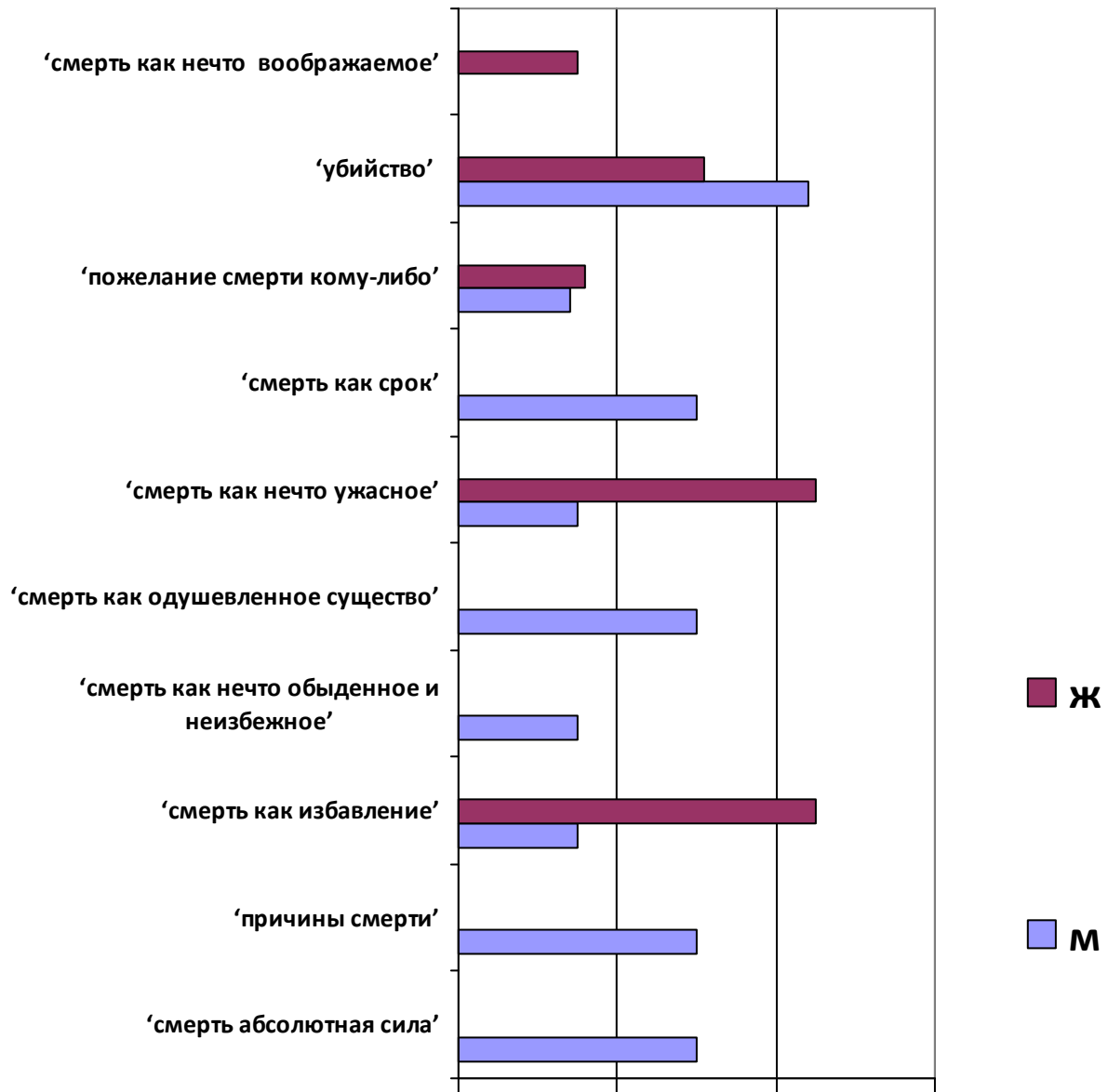
Примеры контекстов речи женщин-персонажей, репрезентирующих семантические признаки концепта «смерть», см. в Приложении 10.

Подведем итог анализа гендерных особенностей репрезентации концепта «смерть» в речи литературных персонажей. Рассмотрим таблицу 6 и диаграмму 6.

Таблица 6. Гендерная специфика репрезентации концепта «смерть» в реалистических произведениях

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика	
		М	Ж
1.	‘смерть абсолютная сила’	3%	-
2.	‘причины смерти’	3%	-
3.	‘смерть как избавление’	1,5%	4,5%
4.	‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’	1,5%	-
5.	‘смерть как одушевленное существо’	3%	-
6.	‘смерть как нечто ужасное’	1,5%	4,5%
7.	‘смерть как срок’	3%	-
8.	‘пожелание смерти кому-либо’	1,4%	1,6%
9.	‘убийство’	4,4%	3,1%
10.	‘смерть как нечто воображаемое’	-	1,5%
	ИТОГО	19,8%	15,2

Диаграмма 6. Гендерная специфика репрезентации концепта «смерть» в реалистических произведениях

Очевидно, что, как и в случае с концептом «жизнь», мужское понимание смерти намного разнообразнее и многостороннее, нежели женское. Об этом свидетельствует тот факт, что в мужской речи выделено 9 семантических признаков концепта «смерть», а в женской речи – только 5.

Отметим, что основным сходством между гендерными группами является то, что в обоих случаях ядерный признак ‘смерть как прекращение существования’ становится наиболее выраженным в количественном плане, а ядерный признак ‘смерть как степень’, напротив, представлен гораздо

меньшим числом языковых единиц. Приядерная зона концепта «смерть» в мужском и женском вариантах характеризуется разными семантическими признаками, что свидетельствует о существенных различиях в представлениях об этом явлении. Признаки ‘смерть как избавление’ из ближней периферии у женщин уходят в дальнюю периферию у мужчин, наряду с признаками ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’, ‘чужая смерть как избавление’. Это указывает на то, что для типично русского мужского характера не привычно желать смерти ближнему, мужчина чаще проявляет стойкость и выдержанность в неожиданных, сложных жизненных ситуациях, таких, как, например, чья-либо смерть. Кроме того, здесь находит отражение гендерный стереотип, будто мужчина ничего не боится, смерти в том числе, потому что бояться смерти для мужчин считается некоторым проявлением слабости. Женщины же могут как панически бояться смерти, так и считать ее избавлением для себя. Кроме того, женщинам свойственно желать кому-либо смерти, в чем они противопоставлены мужчинам.

Что касается исключительно маскулинных и феминных признаков концепта «смерть», то у женщин он только один: ‘смерть как нечто воображаемое’. Для мужчин характерными стали признаки: ‘смерть как срок, предел’, ‘смерть как абсолютная сила’, ‘смерть как одушевленное существо’, ‘причины смерти’ и ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’. Все это подтверждает стереотипы о том, что женщины – существа скорее ментального склада, больше отрешены от реальности, чем мужчины, и чаще живут в своем внутреннем мире, ориентируются на свои собственные представления о жизни и смерти.

2.4. Реализация концептов «жизнь» и «смерть» в языке фантастических произведений русских писателей

Главное отличие произведений фантастики от реалистической прозы в иллюзорности, вымышленности описываемых событий, реальность

своеобразно преломляется в тексте фантастического произведения, и вследствие этого КМ как некая модель действительности также изменяется. Невзирая на это, фантастическое произведение представляет собой плод ментальных действий человека, а следовательно, тоже является фрагментом ЯКМ. Поэтому важно проследить репрезентацию концептов «жизнь» и «смерть» в текстах произведений фантастики [94].

Выборка контекстов интересующей нас тематики производилась из произведений таких русских писателей, как А. Апухтин, А. Беляев, М.А. Булгаков, П. Драверт, И.А. Ефремов, А.И. Куприн, А.Н. Толстой. Все контексты различаются прежде всего по гендерному признаку.

Начнем с анализа репрезентации концепта «жизнь». Рассмотрим контексты, принадлежащие мужчинам. Из ядерных признаков концепта здесь репрезентируются следующие:

- ‘жизнь как срок’:

Еще моя гипотеза: мозг Шарика в собачьем периоде его жизни накопил массу понятий [173, с. 410, Борменталь];

Мы не живем больше половины нормальной продолжительности жизни [184, с. 51, Юний Ант].

В этих контекстах жизнь является более или менее конкретным отрезком времени, в то время как в следующих примерах, напротив, представляется неопределенным сроком.

- Неужели вы в самом беле никогда не слышали о них [бриллиантах]?

- Ни разу в жизни [194, с. 389, Генри Диббль];

Только раз в жизни он [Сабуров] испытал подобное ощущение [194, с. 364, автор].

- ‘жизнь как форма существования материи’:

Вот пустынная область Галактики, бедная светом и жизнью окраина, где находится наша солнечная система и мы сейчас [184, с. 27, Эрг Ноор];

*Нигде ни **живого** существа, ни дерева – только одни-единственные черные маки [Там же, с. 18, автор];*

*Ему хотелось показать свое новое подводное жилище хоть одному **живому** существу [171, с. 36, автор].*

В последних двух примерах лексема с семантикой жизни тесно связана со словом «существо». Благодаря этому яснее всего реализуется признак «форма существования материи». Однако во всех этих примерах отмечается скорее отсутствие жизни в момент речи.

- ‘жизнь как синоним активности’:

*Круглый и **живой**, как мячик, с ясными детскими глазами, он [Сабуров] был везде – и всегда успевал делать самые разнообразные дела [194 с. 361, автор];*

*Невысокий, **живой** и горбоносый, он [Юний Ант] располагал к себе острым, внимательным взглядом темных, как вишни, глаз [184, с. 51, автор];*

*На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали **живее**, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились [170, с. 31, автор];*

*Он [Найдстон] **живо** спустился по сходне парохода, сел в дожидавшийся его на пристани кеб, сделал рукой в нашу сторону последний ласковый знак и, уже не оборачиваясь, скрылся из наших глаз [194, с. 394, Генри Диббль].*

Отметим, что в первых двух контекстах живость является постоянным качеством человека, а в последних двух – временным свойством внешности или действий.

- ‘характеристика образа жизни’. В контекстах, входящих в данную группу, заметный акцент делается на эпитеты, относящиеся к лексемам с семантикой жизни.

*Ему, бродяге, искателю жемчуга, этот запах напоминал о радостях привольной **жизни** и волнующих опасностях моря [171, с.37, автор];*

*Давно уже разрешилась загадка, дважды экипаж звездолета сменял трехмесячный сон на столь же длительную нормальную **жизнь** [184, с. 22, автор].*

Как видим, характеристика жизни не всегда бывает эмоциональной и красочной. Если в первом примере она довольно образна, то во втором – суха и являет собой простую констатацию фактов, скорее количественную характеристику, нежели качественную.

Реализован в наибольшем количестве контекстов и потому отнесен к приядерной зоне концепта «жизнь» семантический признак ‘жажда жизни’. Приведем пример:

*Он чувствует, - оно [тело] древнее, издревле поднявшееся пустым призраком, вопящее голосами всей вселенной – **жить, жить, жить** [197, с.18, Лось].*

В данном контексте признак ‘жажда жизни’ вербализуется благодаря лексическому повтору слова с семантикой жизни.

Ближнюю периферию концепта составили следующие семантические признаки:

- ‘жительство’. В контекстах данной группы понятие жизни неразрывно связано с местом проживания, которое играет определенную роль в жизни и судьбе человека:

*Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы **жить** возле дорогой могилы [170, с. 32, голова Доуэля].*

- ‘возвращение к жизни’. Этот признак является в высшей степени характерным для фантастической литературы, отличающимся от литературы реалистичной. Например:

*Казак обратился к Виктору за советом, не написать ли ему донесение в Ленск, что доктор занимается **воскрешением мертвых*** [194, с. 366, автор].

В данных контекстах признак «возвращение к жизни» выражен имплицитно в разных формах лексемы «воскрешение», которая имеет синонимичное значение.

Дальняя периферия представлена следующими признаками:

- ‘лишение полноты жизни’. Необходимо подчеркнуть, что в контекстах этой группы реализуется не признак «полнота жизни», а именно «лишение полноты жизни». Возможно, это обусловлено тем, что человек не задумывается о всех благах и удовольствиях жизни, пока не лишится их. Этот признак концепта «жизнь» является одним из тех, которые не совпадают со словарными признаками. Приведем пример:

*Что вы мне **жить** не даете?* [173, с. 415, Шариков];

- ‘жизнь как драгоценность’:

*Нет, его [Мвена Маса] гордое самоотречение – это просто самоуверенность незнания. Незнания самого себя, недооценка высоты насыщенной творчеством **жизни**, которой он жил, непонимание любви к Чаре* [184, с. 312, автор].

В данном примере второстепенным признаком является ‘ценности жизни’, т.к. в них говорится о тех вещах, только утратив которые, человек перестает чувствовать удовлетворенность жизнью, ощущать радость существования на земле.

- ‘жизнь как этап’:

*И несмотря на эту безотрадную картину, чем-то родным и хорошим повеяло на меня из далекой, протекшей там **жизни*** [194, с. 323, автор].

Примеры контекстов речи мужчин – персонажей фантастических произведений, репрезентирующих концепт «жизнь», см. в Приложении 11.

Теперь рассмотрим особенности реализации концепта «жизнь» в речи персонажей-женщин в текстах авторов-мужчин. Здесь обнаруживается менее разнообразная картина, чем у мужчин.

Группы контекстов, реализующих словарные признаки концепта «жизнь» в речи женщин, являются наиболее многочисленными:

- ‘характеристика образа жизни’:

*Они отводили им высокие, горные пастбища, где переселенцы могли **жить** первобытно и созерцательно [197, с. 23, Аэлита];*

*Если народность или племя состояло из небольшого числа людей, способных прокормиться охотой и сбором плодов, то эти свободные кочевники **жили** в постоянном страхе нападения и порабощения или истребления со стороны воинственных соседей [184, с. 132, Веда Конг];*

*Очень ярко изображена суровая и мужественная **жизнь**, бедность и неприхотливость народа... [Там же, с. 152, Миико].*

Интересно, что во всех трех примерах говорится о жизни не отдельного человека, а целой группы людей, племени, народа.

- ‘жизнь как форма существования материи’:

*Я малообразованна, но знаю, что голова не может **жить** без тела [170, с. 48, Брике];*

*Вы несчастный обрубок, в котором, на вашей горе, еще **живут** желания [Там же, с. 39, Мари].*

Видим, что в первом из примеров речь идет о жизни физической, а во втором – о духовной. В следующем же контексте *жизнь* является контекстуальным синонимом лексемы *цивилизация*:

*Через двести лет мы могли уже переговариваться при помощи переводных машин с планетными системами ближайших звезд, получать и передавать целые картины разнообразной **жизни** разных миров [184, с. 66, Веда Конг].*

- ‘жизнь как срок’:

Я знала, что в моей жизни произойдет это [197, с. 34, Аэлита];

Семнадцать лет – перелом жизни [184, с. 272, Эвда Наль];

Ныне человек воспитывается и учится всю жизнь, и восхождение общества идет быстро [Там же, с. 275, Эвда Наль].

Семантические признаки концепта «жизнь» распределились следующим образом (примеры контекстов см. в Приложении 12).

К приядерной зоне по принципу частотности нами отнесен признак ‘жизнь как нечто негативное’:

Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего [170, с. 39, Мари].

Этот пример косвенно реализует и признак ‘лишение полноты жизни’.

Ближнюю периферию концепта «жизнь» составил признак ‘жизнь как драгоценность’:

Конечно, каждый имеет право на жизнь, на нормальную человеческую жизнь, и Тома, и Брике [170, с. 60, Мари].

В данном контексте речь идет не только о жизни как о великом благе, но и о праве каждого существа на это благо по рождению, желание каждого жить. Кроме того, в этом отрывке косвенно реализуются такие признаки концепта, как ‘характеристика образа жизни’ и ‘жажда жизни’.

Дальнюю периферию образуют следующие семантические признаки:

- ‘жительство’. Практически во всех контекстах данной группы репрезентируется также и признак ‘форма существования материи’, так как жительство – это существование человека в определенном месте. Приведем пример:

На восточных плоскогорьях Азии жило желтолицое, с раскосыми глазами, сильное племя Учкуров [197, с. 24, Аэлита].

- ‘жизнь как вечность’:

Солнечный луч падает на землю, погибает и воскресает в плод земли: вот основной закон жизни [Там же, с. 28, Аэлита].

В данном отрывке, помимо основного признака, происходит также реализация признаков концепта «жизнь» ‘возвращение к жизни’ и концепта «смерть» ‘смерть как нечто временное’. Реализация обоих признаков является характерной для произведений русской фантастической литературы.

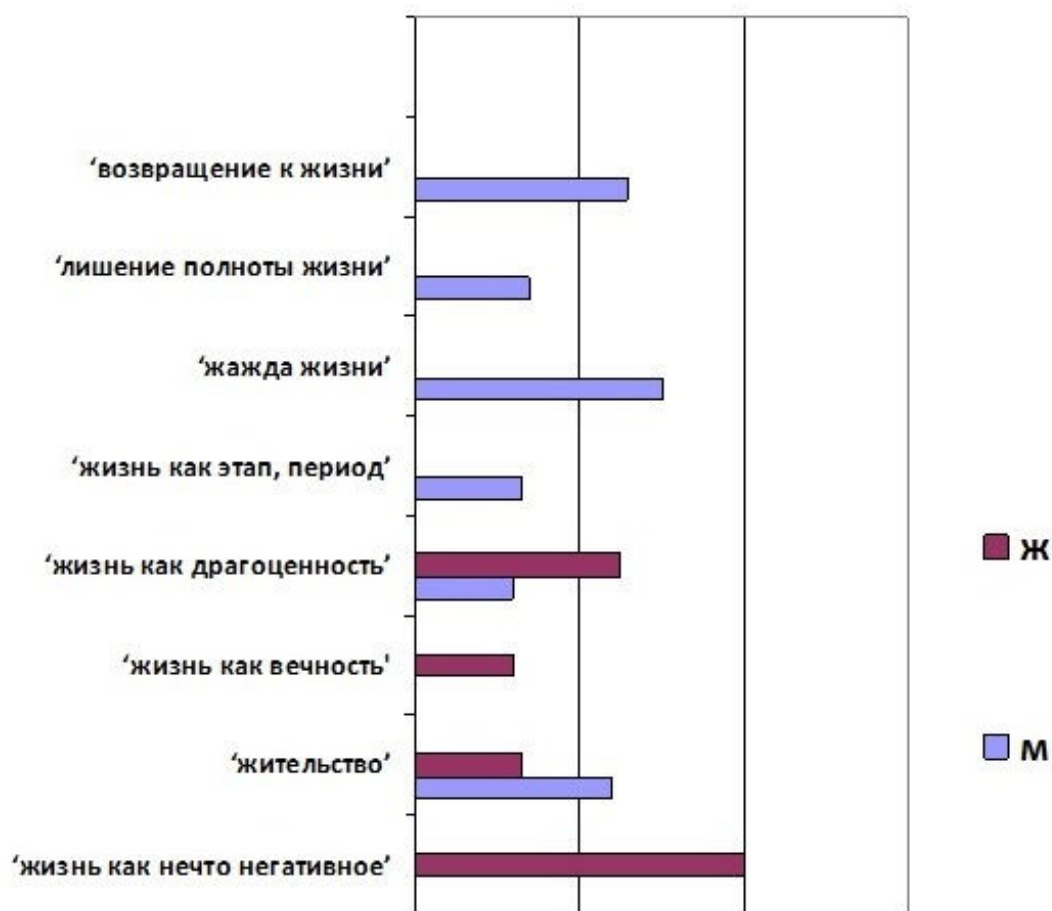
Видим, что признак, наиболее приближенный к зоне ядра, вследствие применения метода количественного анализа отодвигается на дальнюю периферию в речи мужчин, что говорит о диаметрально противоположных взглядах на жизнь мужчин и женщин. К сугубо маскулинным признакам относятся ‘жажда жизни’, ‘жизнь как синоним активности’, ‘жительство’, ‘возвращение к жизни’, ‘лишение полноты жизни’, ‘жизнь как этап, период’, что еще раз свидетельствует об активности мужской жизненной позиции, желании жить дольше. Феминные семантические признаки ‘жизнь как нечто негативное’ и ‘жизнь как вечность’ говорят об обратных качествах: это пессимизм и нелюбовь к жизни.

Более наглядно особенности распределения семантических признаков в приядерную зону и периферию концепта «жизнь» в языке фантастических произведений (в сравнении с его реализацией в поговорках, афоризмах, в языке реалистических художественных произведений) отражены в таблице 7 и на диаграмме 7.

Таблица 7. Гендерная специфика репрезентации концепта «жизнь» в текстах фантастических произведений

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика	
		М	Ж
1.	‘жизнь как нечто негативное’	-	4%
2.	‘жительство’	2,4%	1,3%
3.	‘жизнь как драгоценность’	1,2%	2,5%
4.	‘жизнь как этап, период’	1,3%	-
5.	‘жажда жизни’	3%	-
6.	‘лишение полноты жизни’	1,6%	-
7.	‘возвращение к жизни’	2,6%	-
8.	‘жизнь как вечность’	-	1,2%
	ИТОГО	12,1%	9%

Диаграмма 7. Гендерная специфика репрезентации концепта «жизнь» в текстах фантастических произведений

Рассмотрим подробнее особенности репрезентации концепта «смерть» в произведениях русских писателей-фантастов в гендерном аспекте. Начнем с мужской речи.

Ядро концепта сформировано только одним словарным признаком:

- 'смерть как нечто ужасное':

*Люди считали до сих пор ужасной **смерть*** [170, с. 26, Керн];

*Мы знаем **смертельную** опасность – вырождение Марса* [197, с. 36, Гор];

*Неужели эта красивая девушка **мертва**? Ихтиандр был так взволнован своей находкой, что у него впервые появилось враждебное чувство к океану* [171, с. 37, автор].

В последнем фрагменте, в отличие от первых двух, отсутствует экспрессивная окраска, связанная с ужасом, чем-то очень трагическим, страшным, но заметно большое нежелание поверить в гибель другого человека, смириться с ней, что тоже придает ей негативный оттенок.

- 'смерть как прекращение существования':

*Есть основания думать, что он не **умирал**, и мой долг – подать ему медицинскую помощь [194, с. 365, Сабуров].*

Этот отрывок повествует о древнем человеке, которого нашли во льдах, который на первый взгляд, разумеется, казался мертвым, что в дальнейшем оказалось ошибкой. Таким образом, здесь смерть предстает как временное прекращение существования, и к тому же репрезентируется признак концепта «жизнь» 'возвращение к жизни' и признак концепта «смерть» 'возвращение к жизни'.

*Закройте кран от питательных трубок, и я **умру** [170, с. 67, голова Доуэля];*

*В день самого Нового года **умер** Ползиков, потом Борис Антоныч, потом князь Василий Иванович... [194, с. 316, автор].*

Из тех признаков, что мы выделили в ходе работы, наиболее часто репрезентируется в фантастических произведениях признак 'смерть как нечто временное', вследствие чего он и отнесен к приядерной зоне. По всей вероятности, это вызвано тем, что осмысление смерти как только перехода в другую жизнь принято считать ненаучным, наивным, поэтому эта идея не нашла столь широкого выражения в произведениях реалистической прозы. Но умы человечества всегда волновала возможность жизни после смерти, духовной или материальной, поэтому авторы фантастических произведений весьма часто обращаются к данному вопросу [Логинова, 2016]. Приведем примеры:

*Асфиксия (удушьё), короткая агония – и **смерть**, которая для меня была всего лишь потерей сознания [170, с. 37, голова Доуэля].*

В этом контексте о временной смерти говорится как о явлении физиологического плана и имплицитно выражен признак концепта «жизнь» ‘жизнь как вечность’. Но, тем не менее, имеется в виду жизнь биологическая, которая когда-нибудь окончательно завершится.

Ближнюю периферию концепта по принципу частотности составили семантический признак ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’:

*Все равно **помрет**...* [173, с. 402, Преображенский].

Данный отрывок иллюстрируют не просто неизбежность смерти, а даже некоторое безразличие по отношению к ней.

Дальняя периферия представлена признаком ‘скрытость от кого-либо’. Этот признак репрезентируется только в текстах фантастических произведений. Приведем пример:

*Для него [сына] я **умер*** [170, с. 32, голова Доуэля].

Видим, что в последнем контексте эта скрытость принимается вынужденно, как должное, со смирением.

Примеры контекстов речи мужчин – персонажей фантастических произведений, репрезентирующих концепт «смерть», см. в Приложении 13.

Кроме того, есть группа контекстов, упоминающих и жизнь, и смерть в связи друг с другом. Например:

*Этот человек **жил и умер** в то время, когда никаких властей не было на земле, и за смерть его уже никто не может ответить, ведь ему около пятидесяти тысяч лет* [194, с. 359, Виктор].

В данном контексте жизнь и смерть предстают как явления, друг от друга неотделимые, всегда идущие рядом.

*Он [Сальватор] держит в своих пальцах **жизнь и смерть*** [171, с. 24, Бальтазар];

***Смерти нет, есть одна жизнь** бесконечная* [194, с. 326, автор].

Этот пример, напротив, представляет жизнь и смерть как понятия противоположные, друг друга исключающие.

История Марса окончена. Жизнь вымирает на нашей планете [197, с. 37, Тускуб].

Контексты произведений авторов мужского пола, приписываемые или женщинам и содержащие интересующие нас лексемы, очень малочисленны, а понимание смерти в них далеко не так широко, как в контекстах мужской речи. Ядро концепта представлено здесь словарными признаками:

- ‘смерть как прекращение существования’. Отметим, что этот признак не является самым многочисленным из всех:

Еще нынче перед самой смертью обо мне вспомнил и приказал, чтобы Софья Францевна неотлучно при мне находилась [194, с. 305, Настасья].

В данном контексте смерть изображена как точка отсчета времени для определения давности определенного события. Таким образом, здесь репрезентируется и признак ‘смерть как срок’.

Прошу вас, пригласите ко мне кюре... я хочу умереть христианкой [170, с. 54, Брике].

Желание умереть в религии указывает на высокий уровень нравственности, на моральные устои человека, поэтому можно утверждать, что в этом примере скрыто репрезентирован признак концепта «жизнь» ‘жизненные ценности’.

- ‘смерть как нечто ужасное’:

Учитель предостерегал меня: он сказал, что я погибну [197, с. 38, Аэлита];

Здесь – мрачно, безнадежно, смерть, смерть [А.Н. Толстой. «Аэлита» 197, с. 39, Аэлита];

Я виновата в смерти Ихтиандра [171, с. 26, Гуттиэре].

В приядерной зоне по причине наибольшей частотности репрезентации находится признак ‘смерть как абсолютная сила’:

Я умираю от тоски по тебе [197, с. 39, Аэлита].

Периферия концепта «смерть» в речи персонажей-женщин фантастических персонажей состоит всего из одного признака. Поэтому в данном случае отсутствует разделение на дальнюю и ближнюю периферию [Логинова, 2016]. Итак, здесь репрезентированы признак ‘смерть как средство наказания’:

Леность наказывалась смертью [197, с. 25, Аэлита].

Другие примеры аналогичных контекстов см. в Приложении 14.

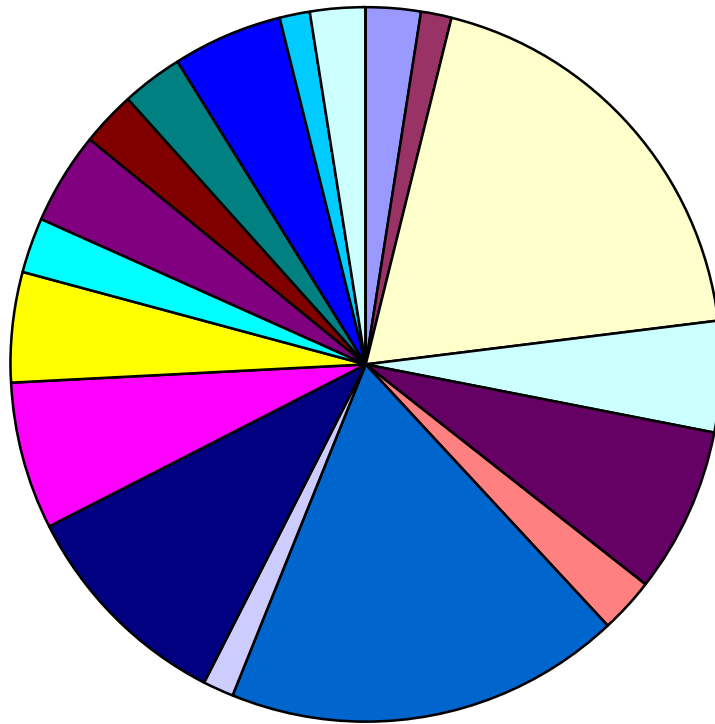
Гендерные особенности репрезентации концепта «смерть» в контекстах произведений русской фантастической прозы представлены в таблице 8 и на диаграмме 8.

Таблица 8. Гендерная специфика репрезентации концепта «смерть» в текстах фантастических произведений

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика	
1.	‘смерть абсолютная сила’	-	5%
2.	‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’	3%	-
3.	‘смерть как нечто ужасное’	3%	4,5%
4.	‘смерть как нечто временное’	4,5%	-
5.	‘скрытость от чего-либо’	3%	-
6.	‘смерть как средство наказание’	-	1%
	ИТОГО	13,5%	10,5%

	репутация'								
3.	'жизнь как нечто негативное'	2,3%	2,4%	4%	2,3%	4%	-	4%	19%
4.	'жизнь как нечто позитивное'	2,5%	1,3%	-	1,2%	-	-	-	5%
5.	'жизнь как процесс познания'	-	2,5%	2,5%	1%	1%	-	-	7,5%
6.	'быстротечность'	-	-	1,3%	1,3%	-	-	-	2,6%
7.	'ценности, приоритеты'	3,9%	4,1%	4%	4%	2%	-	-	18%
8.	'жизнь как одушевленное существо'	-	-	1,4%	-	-	-	-	1,4%
9.	'жительство'	-	-	1,2%	2,5%	2,6%	2,4%	1,3%	10%
10.	'смысл жизни'	-	3,5%	3%	-	-	-	-	6,5%
11.	'жизнь как драгоценность'	-	1,3%	-	-	-	1,2%	2,5%	5%
12.	'жизнь как сознательный выбор пути'	-	2,5%	-	1,5%	-	-	-	4%
13.	'жизнь как нечто, независящее от человека, судьба'	-	-	-	2,6%	-	-	-	2,6%
14.	'жизнь как этап, период'	-	-	-	1,3%	-	1,3%	-	2,6%
15.	'жажда жизни'	-	-	-	-	2%	3%	-	5%
16.	'лишение полноты жизни'	-	-	-	-	-	1,6%	-	1,6%
17.	'возвращение к жизни'	-	-	-	-	-	2,6%	-	2,6%
18.	'жизнь как вечность'	-	-	-	1,4%	-	-	1,2%	2,6%

Диаграмма 9. Репрезентация концепта «жизнь»

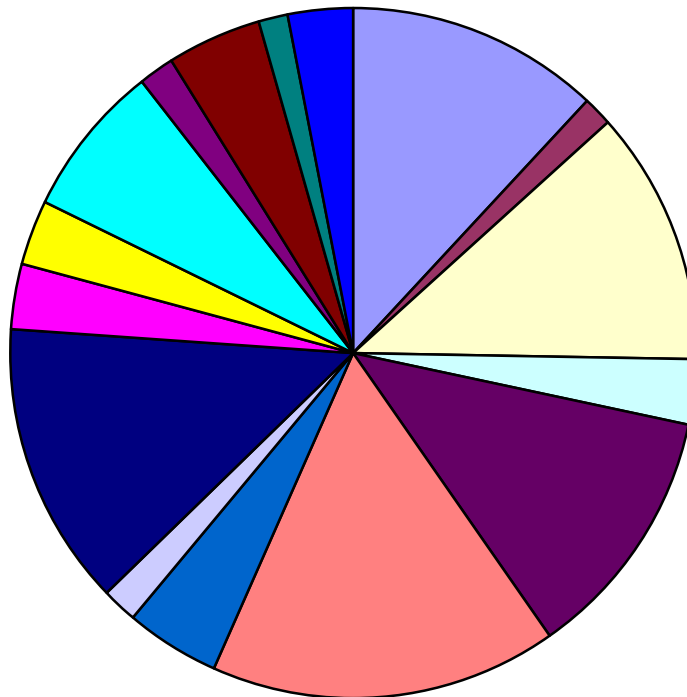
- 'жизнь, связанная с материальными ценностями'
- 'образ жизни как репутация'
- 'жизнь как нечто негативное'
- 'жизнь как нечто позитивное'
- 'жизнь как процесс познания'
- 'быстротечность'
- 'ценности, приоритеты'
- 'жизнь как одушевленное существо'
- 'жительство'
- 'смысл жизни'
- 'жизнь как драгоценность'
- 'жизнь как вечность'
- 'жизнь как сознательный выбор пути'
- 'жизнь как нечто, независящее от человека, судьба'
- 'жизнь как этап, период'
- 'жажда жизни'
- 'лишение полноты жизни'
- 'возвращение к жизни'

В таблице 10 и диаграмме 10 отражено, что помимо словарных признаков на основе анализа контекстов фантастических произведений возможно выделить еще шесть, что снова указывает на неполноту определения лексемы «смерть» различными толковыми словарями.

Таблица 10. Реализация концепта «смерть»

№ п/п	Наименование семантического признака	Процентная характеристика							
		Паремии	Афоризмы		Контексты реалистич. пр.		Контексты фантастич. пр.		Итого
			м	ж	м	ж	м	ж	
1.	‘смерть абсолютная сила’	1%	3%	-	3%	-	-	5%	12%
2.	‘смерть как синоним спокойствия и тишины’	1,5%	-	-	-	-	-	-	1,5%
3.	‘причины смерти’	3%	1,5%	4,5%	3%	-	-	-	12%
4.	‘внезапность смерти’	3%	-	-	-	-	-	-	3%
5.	‘смерть как избавление’	3%		3%	1,5%	4,5%		-	12%
6.	‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’	4,5%	4,5%	3%	1,5%	-	3%	-	16,5%
7.	‘смерть как одушевленное существо’	-	1,5%	-	3%	-	-	-	4,5%
8.	‘смерть как нечто позитивное’	-	1,5%	-	-	-	-	-	1,5%
9.	‘смерть как нечто ужасное’	-	-	-	1,5%	4,5%	3%	4,5%	13,5%
10.	‘смерть как срок’	-	-	-	3%	-	-	-	3%

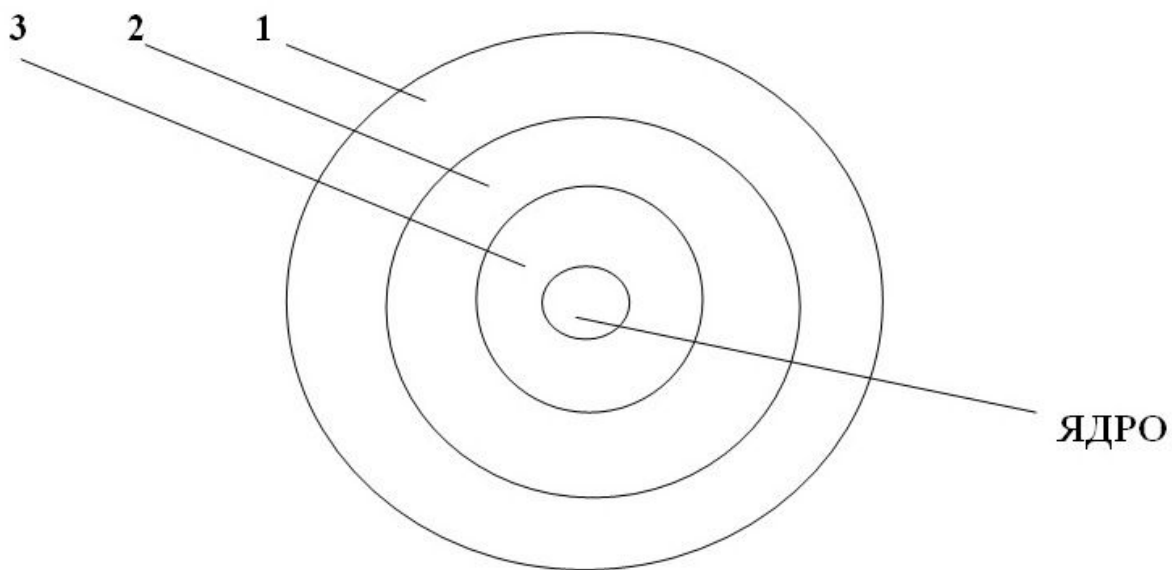
Диаграмма 10. Репрезентация концепта «смерть».

- 'смерть абсолютная сила'
- 'смерть как синоним спокойствия и тишины'
- 'причины смерти'
- 'внезапность смерти'
- 'смерть как избавление'
- 'смерть как нечто обыденное и неизбежное'
- 'смерть как одушевленное существо'
- 'смерть как нечто позитивное'
- 'смерть как нечто ужасное'
- 'смерть как срок'
- 'пожелание смерти кому-либо'
- 'убийство'
- 'смерть как нечто воображаемое'
- 'смерть как нечто временное'
- 'скрытость от чего-либо'
- 'смерть как средство наказание'

Наглядно структура концептов «жизнь» и «смерть» представлена на схеме 1. Цифрой 1 обозначена приядерная зона, 2 – ближняя периферия, 1 – дальняя периферия. Ниже указано, к какой зоне концепта относится тот или иной признак в мужском, а затем в женском варианте структуры концепта «жизнь». Подчеркнуты наименования специфических гендерных признаков (характерных для речи только одного пола).

Схема 1. Структура концептов «жизнь» и «смерть».

Особенности репрезентации концепта «жизнь» в речи мужчин:

3 - 'жизнь как синоним активности', 'ценности жизни', 'характеристика образа жизни'.

2 - 'жизнь, как сознательный выбор, путь', 'жизнь как нечто негативное', 'жительство', 'процесс познания', 'жажда жизни'.

1 - 'этап, период', 'жизнь как драгоценность' 'вечность', 'нечто, не зависящее от человека, судьба', 'жизнь как нечто позитивное', 'возвращение к жизни', 'лишение полноты жизни'.

Специфика реализации концепта «жизнь» в речи мужчин:

3 - 'жизнь как нечто негативное', 'характеристика образа жизни'.

2 - 'жительство', 'ценности'.

1 - 'жизнь как синоним активности', 'процесс познания', 'быстротечность', 'смысл жизни', 'жизнь как драгоценность', 'одушевленное существо', 'жажда жизни' и 'вечность'.

Представленность концепта «смерть» в речи мужчин:

3 - 'нечто обыденное и неизбежное'.

2 - 'абсолютная сила', 'причина смерти', 'одушевленное существо', 'убийство', 'нечто временное', 'нечто ужасное'.

1 - 'смерть как избавление', 'пожелание смерти', 'скрытость от кого-либо', 'нечто позитивное', 'срок, предел'.

Особенности репрезентации концепта «смерть» в речи женщин:

3 - 'нечто ужасное'.

2 - 'смерть как избавление', 'причина смерти'.

1 - 'абсолютная сила', 'нечто обыденное и неизбежное', 'пожелание смерти', 'нечто воображаемое', 'наказание', 'убийство'.

Выводы

Анализ репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в русских поговорках, афоризмах, контекстах реалистических и фантастических произведений и выявление гендерной специфики реализации данных концептов позволили нам выделить семантические признаки данных концептов, которые не отражены в толковых и концептологических словарях. Стало очевидным, что словари не полностью раскрывают содержание концептуализированных понятий «жизнь» и «смерть». Поэтому при их восприятии реципиент должен опираться не только на данные словарей, а также и на интуицию, внимание, сознание, на семантический и контекстуальный анализ языковых единиц и художественных произведений. Людям, не владеющим русским языком, это представляется сложным. Поэтому для улучшения понимания богатого наследия русского языка необходимо

внести изменения в существующие словари, чтобы все выявленные признаки отражались в полной мере.

Ядром концепта, вслед за В.А. Масловой, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, считаем лексему, дающую имя концепту, и семантические признаки, отраженные в словарных дефинициях. Нами были составлены два варианта структуры каждого из заявленных концептов в соответствии с гендерной спецификой их репрезентации. Семантические признаки концепта, выделенные нами в ходе анализа языкового материала, по количественному признаку размещались в приядерной зоне и на периферии, ближней и дальней. После этого нами была составлена общая картина семантических признаков концептов «жизнь» и «смерть», также по принципу частотности выделены околядерная зона, ближняя и дальняя периферии.

Итак, словарными признаками, то есть составляющими ядро концепта «жизнь», являются: 'форма существования', 'жизнь как срок', 'деятельность', 'характеристика образа жизни', 'активность' и 'нечто реальное'.

К приядерным признакам относим 'жизнь как нечто негативное', 'приоритеты, ценности'. Из словарных признаков доминантными (в количественном выражении) не являются признаки 'деятельность' (он не реализуется ни в одном из выбранных нами для анализа произведений) и 'нечто реальное'.

К признакам ближней периферии мы отнесли 'процесс познания', 'смысл жизни', 'жительство'.

Остальные признаки ('жизнь, связанная с материальными ценностями', 'образ жизни как репутация', 'жизнь как нечто позитивное', 'быстротечность', 'одушевленное существо', 'вечность', 'нечто, не зависящее от человека, судьба', 'лишение полноты жизни', 'возвращение к жизни', 'жизнь как драгоценность', 'жизнь как сознательный выбор пути', 'этап, период', 'жажда жизни') отнесены нами к дальней периферии концепта «жизнь». Чаще всего низкая частотность этих признаков обусловлена тематикой и жанровыми особенностями произведения. Признак 'не зависящее от человека, судьба'

реализуется заметно реже, чем признак 'сознательный выбор, путь', что указывает на активную жизненную позицию литературного персонажа. Интересно также, что признак 'нечто позитивное' менее выражен в выбранных контекстах, нежели признак 'нечто негативное'.

Что касается гендерного аспекта реализации концепта «жизнь», то в мужской речи ядро данного концепта образуют словарные признаки 'форма существования материи', 'время, срок', 'нечто реальное', 'активность' и 'характеристика образа жизни'. В ходе анализа языкового материала семантические признаки, выделенные нами, по принципу частотности расположились следующим образом. Приядерную зону составляет признак 'ценности жизни'. Ближнюю периферию концепта составили признаки 'жизнь, как сознательный выбор, путь', 'жизнь как нечто негативное', 'жительство', 'процесс познания', 'жажда жизни'. Признаки 'этап, период', 'жизнь как драгоценность' 'вечность' и 'нечто, не зависящее от человека, судьба', 'жизнь как нечто позитивное', 'возвращение к жизни', 'лишение полноты жизни' составляют в мужской речи дальнюю периферию концепта «жизнь». Такое распределение семантических признаков указывает на активную жизненную позицию мужчин их жизнелюбие, несмотря на довольно критичное отношение к жизни. Немаловажно также, что признаки 'быстротечность', 'одушевленное существо', 'жизнь, связанная с материальными ценностями', 'образ жизни как репутация' не реализуются в мужской речи, что говорит об определенной независимости мужчин от материального благополучия и мнения окружающих, а также о том, что мужчины не склонны задумываться о смысле и быстротечности жизни.

По тому же принципу проводилось распределение семантических признаков концепта «жизнь» в женской речи. Ядро здесь также образуют словарные признаки 'форма существования материи', 'время, срок', 'нечто реальное', 'характеристика образа жизни', 'активность'. Последний из словарных признаков репрезентируется в крайне малом количестве контекстов. Это говорит о том, что у женщин менее активная жизненная

позиция, нежели у мужчин. Из выделенных нами признаков ближе всего к ядру оказался 'жизнь как нечто негативное'. Семантические признаки 'жительство', 'ценности жизни' по принципу частотности образуют ближнюю периферию. Дальняя периферия включает следующие семантические признаки: 'процесс познания', 'быстротечность', 'смысл жизни', 'жизнь как драгоценность', 'одушевленное существо', 'жажда жизни' и 'вечность'. Этим подтверждается предположение, что женщины склонны испытывать не радость и жажду жизни, а скорее неудовлетворенность ею. И, кроме того, женщинам обычно не свойственно задумываться о таких философских вопросах, как вечность жизни или же, напротив, ее быстротечность, смысл жизни и т.д. Отметим, что многие признаки, реализуемые в мужской речи, отсутствуют в женской речи. Это, в частности, признаки 'жизнь, связанная с материальными ценностями', 'образ жизни как репутация', 'нечто позитивное', 'жизнь, как сознательный выбор, путь', 'нечто, не зависящее от человека, судьба', 'этап, период', 'лишение полноты жизни', 'возвращение к жизни'. Это свидетельствует о более узком понимании женщинами слова «жизнь», чем мужчинами.

Что касается концепта «смерть», то к особенностям его репрезентации можно отнести не только меньшее (по сравнению с концептом «жизнь») количество семантических признаков, но и меньшее количество языковых единиц. Это, вероятно, можно объяснить тем, что такое явление, как смерть, в отличие от жизни, до сих пор остается практически не изученным и совершенно неведомым человеку.

Ядерными признаками концепта «смерть» являются словарные признаки 'прекращение существования', 'смерть как степень', 'смерть как нечто ужасное'.

К приядерной зоне нами был отнесен лишь один признак 'смерть как нечто обыденное и неизбежное'. Это, вероятно, указывает на смиренность человека перед смертью, сознание своей беспомощности перед ней. Семантические признаки 'абсолютная сила', 'причина смерти', 'смерть как

избавление', 'убийство' в соответствии с их коэффициентом частотности мы отнесли к ближней периферии. Важно, что среди доминантных признаков отсутствует словарный признак 'смерть как степень'.

Остальные признаки ('нечто обыденное', 'одушевленное существо', 'пожелание смерти', 'спокойствие и тишина', 'внезапность смерти', 'смерть как срок, предел', 'нечто воображаемое', 'нечто временное', 'скрытость от кого-либо', 'смерть как наказание') являются единичными, обусловленными жанровыми и тематическими особенностями произведения и потому отнесены нами к дальней периферии.

Что касается гендерной специфики реализации концепта «смерть», то в мужской речи околоядерную зону концепта образуют семантические признаки 'нечто обыденное и неизбежное', что говорит о весьма спокойном восприятии мужчинами этого явления. Признаки 'абсолютная сила', 'причина смерти', 'одушевленное существо', 'убийство', 'нечто временное', 'нечто ужасное' составили ближнюю периферию концепта «смерть» в мужской речи. Последний признак свидетельствует о том, что в мужском сознании страх перед смертью все-таки присутствует. Дальнюю периферию концепта образуют признаки 'смерть как избавление', 'пожелание смерти', 'скрытость от кого-либо', 'нечто позитивное', 'срок, предел'. Немаловажно, что не реализуются в мужской речи в художественных произведениях следующие признаки: 'спокойствие и тишина', 'внезапность смерти', 'нечто воображаемое' и 'наказание'. Первые два признака характерны только для пословиц и поговорок, а последние два свойственны только женской речи.

Интересна реализация концепта «смерть» в женской речи. Приядерную зону концепта составляет всего один признак: 'нечто ужасное'. Признаки 'смерть как избавление', 'причина смерти' образуют ближнюю периферию концепта «смерть». Дальнюю периферию составили признаки 'абсолютная сила', 'нечто обыденное и неизбежное', 'пожелание смерти', 'нечто воображаемое', 'наказание', 'убийство'. Нереализованными в женской речи остались следующие признаки: 'спокойствие и тишина', 'внезапность смерти',

‘одушевленное существо’, ‘нечто позитивное’, ‘срок, предел’, ‘нечто временное’, ‘скрытость от кого-либо’. Отметим, что такое распределение семантических признаков свидетельствуют о весьма противоречивом отношении женщин к смерти (ожидании ее и страхе перед ней), о нежелательности для женщин чужой смерти.

Во многих контекстах невозможно выделить какой-либо один признак концепта. Очень часто в контексте реализуется несколько признаков: доминантный, или основной, и второстепенные. Нередко в рамках одного контекста реализуются признаки обоих концептов, как явно, так и скрыто, имплицитно, на уровне синонимии, фразеологии.

Кроме того, среди выделенных семантических признаков можно отметить такие, которые характерны только для одной группы произведений. Например, для пословиц и поговорок характерны признаки ‘жизнь, связанная с материальными ценностями’ и ‘образ жизни как репутация’; ‘смерть как синоним спокойствия и тишины’ и ‘внезапность смерти’. Для афоризмов характерны ‘жизнь как одушевленное существо’ и ‘смысл жизни’; ‘смерть как нечто позитивное’. Для языка реалистических произведений свойственно понимание жизни как ‘нечто, не зависящее от человека, судьба’; ‘смерть как срок’, ‘пожелание смерти кому-либо’, ‘убийство’, ‘смерть как нечто воображаемое’. Для языка фантастических произведений свойственны признаки, встречающиеся только в произведениях этого жанра: ‘возвращение к жизни’ и ‘лишение полноты жизни’; ‘смерть как нечто временное’, а также ‘скрытость от чего-либо’, ‘смерть как средство наказания’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, изучение научных трудов, посвященных проблеме концепта, привело к выводу, что концепт – это ментальное образование, совокупность образов, фрагмент мира в сознании человека. Концепт является не только условной единицей лингвокультурологии, но и главным способом отображения КМ. Он скрывает за собой не только какой-либо конкретный предмет или явление, а целый ряд представлений о нем, вербализующихся в речи человека.

Независимо от аспекта изучения все исследователи вопроса жизни и смерти сходятся в том, что эти понятия являются базовыми как для отдельного человека, так и для больших групп людей, в том числе социальных и этнических. Кроме того, эти понятия играют заметную роль не только во всех национальных культурах и религиях, но и в реконструкции ЯКМ.

Проведенное нами исследование концептов «жизнь» и «смерть» также позволяет сделать вывод о том, что представления о жизни и смерти являются одними из ключевых в русской ЯКМ, отличаются сложностью и многогранностью, играют важную роль в формировании мировоззрения человека, независимо от его национальности, возраста и других социальных и биологических характеристик.

Исследование вопроса о структуре концепта показало, что существует два основных варианта этой структуры: слоистая и ядерная. Мы придерживаемся представлений о ядерной структуре концептов. Единицы лексико-семантического поля концепта могут относиться к ядру или периферии по двум основаниям: это частотность представленности в тексте или особенности структуры и содержания дефиниции по отношению к лексеме-репрезентанту как к системе значений этой лексемы. Семантические признаки, не зафиксированные в лексикографических изданиях, распределялись нами в ту или иную зону по принципу частотности. Переход

от ядра к приядерной зоне и периферии не является четким и происходит постепенно. Существуют также методы ограничения лексики, репрезентирующей концепт: 1) выделение синонимов к лексеме-репрезентанту; 2) выделение всех вероятных лексем-ассоциаций к лексеме, репрезентирующей изучаемый концепт; 3) выделение лексем, в значениях которых находятся маркеры исследуемого концепта. Мы не ограничились изучением только «заглавных» лексем, но включили в концепт все производные, содержащие в себе семы жизни и смерти, относящиеся не только к именам существительным, но также и к другим частям речи.

В данном исследовании нас интересовали гендерные различия речи и репрезентации в ней указанных концептов. Гендерным исследованиям в лингвистических работах последнего десятилетия уделяется все большее внимание, так как изучение гендерного аспекта в лингвистике позволяет глубже проникнуть в женскую или мужскую ЯКМ и определить модели мужского и женского речевого поведения.

Рассмотрение гендерной специфики концептов «жизнь» и «смерть» в речи литературных персонажей позволило не только сравнить женские и мужские представления об этих явлениях и тем самым попытаться разрушить некоторые ментальные и коммуникативные барьеры, но и шире взглянуть на содержание самих концептов «жизнь» и «смерть», выявить новые оттенки значений лексем-репрезентантов.

При изучении гендерного аспекта реализации концептов «жизнь» и «смерть» нами была составлена выборка паремий и контекстов, содержащих лексемы «жизнь» и «смерть» и однокоренные им. Выборка производилась из литературных произведений таких семи групп, как: 1) русские пословицы и поговорки; 2) афоризмы, принадлежащие мужчинам; 3) афоризмы, принадлежащие женщинам; 4) контексты реалистических произведений, содержащие женскую речь; 5) контексты реалистических произведений, содержащие мужскую речь; 6) контексты фантастических произведений,

содержащие женскую речь; 7) контексты фантастических произведений, содержащие мужскую речь.

Наши исследования доказывают, что перечень признаков понятий «жизнь» и «смерть», представленный в словарях, должен быть существенно изменен. В лексикографических изданиях репрезентируются признаки концепта «жизнь» ‘форма существования материи’, ‘жизнь как срок’, ‘деятельность’ (не реализуется ни в одной из групп произведений), ‘нечто реальное’, ‘активность’, ‘характеристика образа жизни’ и признаки концепта «смерть» ‘прекращение существования’, ‘смерть как степень’, ‘нечто ужасное’.

Кроме словарных, в ходе анализа языковых единиц нами были выделены еще двадцать семантических признаков, которые мы по принципу частотности разместили в приядерной зоне и на периферии, ближней и дальней. Что касается гендерной специфики, нами были составлены два варианта структуры каждого из концептов, в зависимости от гендерной принадлежности репрезентантов.

Пословицы и поговорки, содержащие концепты «жизнь» и «смерть», лишены гендерной специфики, так как создавались на протяжении длительного времени народом в целом, а не отдельными людьми. Кроме того, их употребление в одинаковой степени характерно для речи и мужчин, и женщин. Но несмотря на отсутствие гендерных особенностей анализ представленности заявленных концептов именно в паремиях важен потому, что пословицы и поговорки являются отражением многовекового народного опыта, который не может не повлиять на сознание человека независимо от его гендерной роли.

В афоризмах, принадлежащих как женщинам, так и мужчинам, отсутствует такой словарный признак концепта «жизнь», как ‘деятельность’. Признаки ‘нечто позитивное’, ‘жизнь как драгоценность’ и ‘сознательный выбор, путь’ проявляются только в мужской речи, а признаки ‘характеристика образа жизни’, ‘быстротечность’ и ‘одушевленное существо’ – только в речи

женщин. Признаки концепта «смерть» также распределились по-разному. В афоризмах и мужчин, и женщин отсутствует словарный признак 'высшая степень чего-либо'. Характерными только для мужской речи являются признаки 'абсолютная сила', 'одушевленное существо', 'нечто позитивное', а признаки 'смерть как избавление' и 'нечто обыденное' проявляются только в речи женщин.

Рассмотрев реализацию концептов «жизнь» и «смерть» в языке произведений русской художественной литературы, мы пришли к выводу, о том, что словарные признаки концептов «жизнь» и «смерть» не полностью выражают видение этих базовых понятий как мужчинами, так и женщинами. Анализ реализации концепта «жизнь» в речи мужчин показал, что, помимо словарных признаков, здесь реализованы признаки 'нечто негативное', 'нечто позитивное', 'процесс познания', 'приоритеты, ценности', 'жительство', 'сознательный выбор, путь', 'нечто, не зависящее от человека', 'этап, период' и 'вечность'. Словарные признаки концепта «смерть» в речи мужчин также реализуются не полностью: отсутствует признак 'смерть как степень'. Кроме словарных, проявляются следующие признаки: 'абсолютная сила', 'причина смерти', 'неизбежность смерти', 'смерть как избавление', 'нечто обыденное', 'одушевленное существо', 'смерть как срок', 'пожелание смерти', 'убийство'.

Концепты «жизнь» и «смерть» в женской речи вербализуются реже, чем в мужской. Заметно также и значительное несовпадение в признаках, реализуемых в речи мужчин и в женской речи. Общими для речи представителей обоих полов являются только признаки 'форма существования материи', 'время, срок', 'нечто негативное', 'характеристика образа жизни', 'приоритеты, ценности', 'жительство'. Признаки 'нечто реальное', 'нечто позитивное', 'активность', 'процесс познания', 'сознательный выбор, путь', 'нечто не зависящее от человека', 'этап, период', 'символика жизни' и 'вечность' реализуются только в мужской речи. В женской речи выделен всего один характерный признак – 'жажда жизни'. В реализации концепта «смерть» также заметна разница между мужской и женской речью. Признаки

‘прекращение существования’, ‘смерть как избавление’, ‘нечто ужасное’, ‘убийство’, ‘пожелание смерти’ лишены гендерной специфики, поскольку реализованы в речи как мужчин, так и женщин. В речи только мужчин проявляются следующие признаки: ‘абсолютная сила’, ‘причина смерти’, ‘неизбежность смерти’, ‘нечто обыденное’, ‘одушевленное существо’, ‘смерть как срок’. Признаки ‘высшая степень чего-либо’ и ‘нечто воображаемое’ характерны для женской речи.

В языке произведений русских писателей-фантастов позиции концептов «жизнь» и «смерть» распределились следующим образом. Ни в речи мужчин, ни в речи женщин не реализуются словарные признаки концепта «жизнь» ‘деятельность’, ‘нечто реальное’. Общими для мужчин и женщин являются признаки ‘форма существования материи’, ‘срок’, ‘образ жизни’, ‘жительство’, ‘жизнь как драгоценность’. Признаки ‘активность’, ‘этап, период’, ‘жажда жизни’, ‘лишение полноты жизни’, ‘возвращение к жизни’ вербализованы только в мужской речи. Признаки ‘нечто негативное’, ‘вечность’ характерны только для женской речи.

Иначе реализуется концепт «смерть». Общими для обоих полов являются признаки ‘прекращение существования’ и ‘нечто ужасное’. Только в мужской речи проявляются признаки ‘неизбежность смерти’, ‘нечто временное’ и ‘скрытость от чего-либо’. Признаки ‘абсолютная сила’ и ‘наказание’ присутствуют только в речи женщин.

Таким образом, в языковых единицах, содержащих лексемы с семантикой жизни и смерти, можно отметить околядерные признаки концептов «жизнь» и «смерть» и периферийные. К приядерной зоне концепта «жизнь» относятся: ‘жизнь как нечто негативное’, ‘характеристика образа жизни’, ‘активность’, ‘приоритеты, ценности’, ‘жительство’. На периферии концепта «жизнь» оказываются признаки ‘жизнь как нечто позитивное’, ‘процесс познания’, ‘смысл жизни’, ‘жизнь как драгоценность’, ‘жизнь, как сознательный выбор, путь’, ‘этап, период’, ‘жажда жизни’, ‘быстротечность’, ‘жизнь как одушевленное существо’, ‘жизнь, связанная с материальными

ценностями', 'образ жизни как репутация', 'жизнь как нечто не зависящее от человека', 'лишение полноты жизни', 'возвращение к жизни', 'жизнь как вечность'.

Околоядерными признаками концепта «смерть» являются признаки 'абсолютная сила', 'причина смерти', 'смерть как нечто обыденное и неизбежное' 'смерть как избавление', 'нечто ужасное'. К периферийным признакам мы отнесли 'одушевленное существо', 'пожелание смерти', 'смерть как синоним спокойствия и тишины', 'смерть как нечто позитивное', 'смерть как срок', 'убийство', 'смерть как нечто воображаемое, воображаемое', 'смерть как нечто временное', 'скрытость от чего-либо', 'смерть как средство наказания'.

Рассмотрение специфики реализации концептов «жизнь» и «смерть» в гендерном аспекте позволило условно выделить маскулинные и феминные признаки концептов «жизнь» и «смерть», которые отражены в речи только одного из полов.

«Мужскими» признаками концепта «жизнь» являются 'нечто позитивное', 'сознательный выбор, путь', 'нечто не зависящее от человека', 'этап, период', 'лишение полноты жизни' и 'вечность'. «Женский» признак концепта «жизнь» – признак 'одушевленное существо'.

Семантические признаки концепта «смерть» 'одушевленное существо', 'смерть как срок', 'нечто временное', 'нечто позитивное', 'скрытость от чего-либо' характерны для мужской речи. В речи женщин к специфическим гендерным признакам относятся 'нечто воображаемое', 'наказание'. Таким образом, концепт «смерть» отражен в мужской КМ более масштабно, чем в женской.

Все результаты исследования, приведенные выше, позволяют сделать вывод об особенностях восприятия мужчинами и женщинами таких понятий, как жизнь и смерть. Мужчины придерживаются более активной жизненной позиции, нежели женщины, они практически не зависят от мнения окружающих и от материального благополучия, не склонны задумываться о

смысле и быстротечности жизни, любят жизнь и весьма оптимистичны. Смерть мужчины воспринимают внешне спокойно, хотя страх смерти все-таки присутствует в мужском сознании, но, вероятно, стереотип о мужчине, который ничего не боится, заставляет их скрывать этот страх под внешним безразличием.

Что касается женщин, то они больше зависят от чужого мнения, чем мужчины, имеют не такую активную жизненную позицию, более пессимистичны, недовольны жизнью. Кроме того, женщины – существа скорее ментального склада и отрешены от реальности несколько более мужчин. Также в исследовании находит подтверждение стереотип о противоречивой женской натуре, так как они склонны и любить жизнь, и, напротив, находить в ней весомые недостатки. К смерти женщины относятся так же противоречиво: могут ожидать ее и в то же время очень бояться. Женщинам не свойственно задумываться над такими глобальными вопросами, как вечность жизни и, наоборот, ее быстротечность, смысл жизни, их мышление относительно этого более узко, локально и приземленно.

Чтобы преодолеть некоторые барьеры во взаимопонимании, следует учитывать указанные гендерные особенности восприятия понятий жизни и смерти при общении с представителями мужского или женского пола, так как они влияют не только на жизненную позицию, но и на поведение коммуниканта, в том числе и речевое.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении гендерного аспекта концептов «жизнь» и «смерть» в речи носителей других языков, в произведениях иной направленности, нежели в данной работе (например, текстах древнерусской литературы), а также в текстах какого-либо отдельного автора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аверьянов Н.А.* Динамика противоречий // Вопросы философии. – 1976. – № 5. – С. 79-89.
2. *Автохутдинова О.Ф., Енина Л.В.* Все люди – сестры: проблемы гендерной толерантности в СМИ. 2007. URL: <http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/screen299.html> (дата обращения 17.10.2011).
3. *Адолина Л.В.* Термин «Концепт» в лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI вв. // Вестник Российско-Таджикского славянского университета. – 2008. – № 4. – С. 169-175.
4. *Азарова О.А., Кудряшов И.А.* Концептуальный анализ как сфера актуальных исследований в когнитивной лингвистике // В мире научных открытий. – 2015. – № 11.7 (71). – С. 2481-2494.
5. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М., 2002.
6. *Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н.* Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалавров. – М., 2009.
7. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М., 2010.
8. *Аликаев Р.С. Башиева С.К.* Гендерная норма в контексте свадебного обряда (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2013. – № 1. – С. 153-157.
9. *Алябьева Е.Л.* Французские прециозницы XVII века в контексте эпохи // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: Мат-лы 3-й Междунар. конф. – М., 2003. – С. 16-17.
10. *Анищенко А.В.* О гендерных особенностях реализации эмоциональных реакций // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: Мат-лы 3-й Междунар. конф. – М., 2003. – С. 18-19.

11. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
12. *Арутюнова Н.Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 3-7.
13. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
14. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997. – С. 267-279.
15. *Асмус В.Ф.* Философия Иммануила Канта. – М., 1957.
16. *Балашов Л.Е.* Жизнь. Смерть. Бессмертие. – 2-е изд. – М., 2009.
17. *Баско Н.В.* Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) // Язык. Сознание. Коммуникация. – 1998. - № 6. – С. 51-59.
18. *Башиева С.К., Шогенова М.Ч., Дохова З.Р., Безрокова М.Б.* Социальный статус как фактор формирования языковой личности // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – Т. II. № 3. – С. 78-82.
19. *Белянин А.В.* Гендер для чайников-2. – Краснодар, 2009.
20. *Бем С.Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М., 2004.
21. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. – Пятигорск, 1996.
22. *Бобровская О.А., Осухова Н.Г.* Исследование психотерапевтических функций христианства // Психологический журнал. – 1995. – Т. 2. № 8. – С. 128-139.
23. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2001.
24. *Бурукина О. А.* Гендер в переводе: проблема трансформации менталитета // Женщины России: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Иваново, 2000. – С. 63-72.
25. *Бутто О.Л.* Репрезентация концептов «семья», «брак», «жена» в итальянской лингвокультуре (на материале языка итальянской литературы

второй половины XX – начала XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2010. – 23 с.

26. *Буянова Л.Ю.* Понятие – слово – концепт: от простого к сложному // Континуальность и дискретность в языке и речи: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Краснодар, 2007. – С. 49-52.

27. *Важдаева Ю.С.* Контекстуальная семантика антонимической оппозиции «жизнь-смерть» в Лирике М.Ю. Лермонтова // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: тез. XV Тверской Межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей, посв. 200-летию со дня рождения В.И. Даля. – Тверь, 2001. – С. 20.

28. *Волошина К.С., Савельева О.Г.* Фразеологизм как отражение гендерного механизма языка // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Мат-лы 9-й Межвуз. конф. молодых ученых. – Краснодар, 2010.

29. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

30. *Воркачев С. Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – 2003. – № 24. – С. 5-12.

31. *Воркачев С.Г.* Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов. – Волгоград, 2005.

32. *Воркачев С.Г.* Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76-83.

33. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 13-22.

34. *Воркачев С.Г.* Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 5. – С. 64-74.

35. *Воркачев С.Г., Дорофеева Н.В.* Междоментная реализация удивления в русском и английском языках: опыт культурно-сопоставительного исследования // Лингвистическая панорама рубежа веков: Мат-лы Междунар. симпозиума молодых ученых. – Волгоград, 2000. – С. 166-170.
36. *Воротников В.В.* «Языковая картина мира»: трактовка понятия. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov> (дата обращения 7.05.2011).
37. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. – М., 1997.
38. *Воронина О.В.* Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.gender/index.html> (дата обращения 21.04.2010).
39. *Габриэлян Н.М.* Пол. Культура. Религия // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 126.
40. *Гаврилова М.В.* Концепты «жизнь» и «смерть» в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» (языковые стратегии миротворчества): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2012. – 25 с.
41. *Галдин Е.В.* Концепт ВОДА как полевая структура и способы его выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006.
42. *Ганеев Б.Т.* Парадокс: парадоксальные исследования. – Уфа, 2001.
43. *Гинзбург Л.Я.* Литература в поисках реальности. – М., 1987.
44. *Гомон Т.В.* Исследование документов с деформированной внутренней структурой: дис. ... канд. юр. наук. – М., 1990.
45. *Горбань И.В.* Паремия как дискурсивнообразующая единица // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. – Краснодар, 2011. – С. 185-188.
46. *Горошко Е. И.* Функциональная асимметрия мозга, язык, пол: Аналитический обзор. – М.-Харьков, 2005.
47. *Гриценко Е.С.* Гендер в семантике слова // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: Мат-лы 3-й Междунар. конф. – М., 2003. – С. 13-14.

48. *Грушина Н.Б.* Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов (на материале журнала «новое время»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 24 с.
49. *Даниленко В.П.* URL: [http:// old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm](http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm) (дата обращения 11.06.2015).
50. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 35-46.
51. *Денисенко Е.Д.* Лексико-семантическое поле концепта Morality (нравственность) в английской ментальности // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Мат-лы 9-й Межвуз. конф. молодых ученых. – Краснодар, 2010. – С. 57-63.
52. *Дербенева С.И.* Способы языковой реализации концепта «смерть» в лирике Г. Бенна: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2010. – 27 с.
53. *Добровольский Д.О., Кирилина А.В.* Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерий научности // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 62-67.
54. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – Майкоп, 1999.
55. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской ЯКМ. – М., 2005.
56. *Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. – С. 90-136.
57. *Зинченко (Логина) М.М.* Гендерная специфика реализации концептов «жизнь» и «смерть» в языке реалистических произведений русской литературы // Вестник МГТУ. – Майкоп, 2011. – Вып. 1. – С. 104-108.
58. *Зыкова И.В.* Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
59. *Ильин Е.П.* Пол и гендер. – Краснодар, 2010.

60. *Иллюстров И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок. – Киев, 1904.
61. *Йокояма О.Т.* Когнитивный статус гендерных различий в языке и их прагматическое моделирование. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23362/1/iurp-2003-25-02.pdf> (дата обращения 23.05.2010).
62. *Кананчук Т.Е.* Репрезентация эмоционального состояния людей в русских пословицах и поговорках // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Мат-лы Междунар. научно-практич. конф. – Краснодар, 2011. – С. 201-203.
63. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
64. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 75-80.
65. *Каратышова М.А.* Гендерные и прагмалингвистические закономерности реализации концепта в комплиментарном речевом поведении (на примере концепта BEAUTY (КРАСОТА)): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д, 2010.
66. *Керимбаев Е.А., Ергубекова Ж.С.* Когнитивные и лингвокультурологические аспекты исследования концептов эпического фольклора // Филологические науки. Успехи современного естествознания. – М., 2012. – № 7. – С. 97-103.
67. *Киммел М.* Гендерное общество. – М., 2006.
68. *Кирилина А. В.* Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерные отношения в России: История, современное состояние, перспективы: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Иваново, 1999. – С. 70-73.
69. *Кирилина А.В.* Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 47-80.

70. *Кирилина А.В.* О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // *Филологические науки.* – 2000. – № 3. – С. 18-27.
71. *Кирилина А.В.* Гендерные стереотипы в языке. URL: <http://www.owl.ru/content/womplus/p52412.shtml> (дата обращения 30.05.2010).
72. *Кирилина А.В., Томская Л.Г.,* Лингвистические гендерные исследования. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения 26.05.2011).
73. *Кириллова И.В.* Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции УМ-ГЛУПОСТЬ в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2012.
74. *Колесов В.В.* Концепт культуры: образ — понятие — символ // *Вестник СПбГУ. Сер. 2.* – 1992. – № 3 (16). – С. 36.
75. *Кон И.С.* Пол и гендер. Заметки о терминах. URL: <http://sexology.narod.ru/publ037.html> (дата обращения 14.07.2011).
76. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Пятигорск, 2003.
77. *Королькова А.В.* Русская афористика в контексте фразеологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Смоленск, 2005.
78. *Костикова А.А.* Гендерная философия и феминизм: история и теория. URL: http://www.gender-cent.ryazan.ru/kostikova_a.htm (дата обращения 26.05.2010).
79. *Краткий философский словарь / под ред. А.Н. Алексеева.* – Майкоп, 2008.
80. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // *Известия РАН СЛЯ.* – 1994. – Т. 56. – № 2.
81. *Кубрякова Е.С.* Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов.* Краснодар, 1996. – С. 90-93.
82. *Кубрякова Е.С.* Концептуализация // *Краткий словарь когнитивных терминов.* – Краснодар, 1996. – С. 93-95.

83. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. Учеб. пос. для филологических факультетов университетов. – М., 1989.
84. *Купер Дж.* Энциклопедия символов. – Пятигорск, 1995.
85. *Куприянова И.С.* Конструирование гендерной нормы в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2004.
86. *Курбатов В.И.* Женская логика. Чего хочет женщина, того хочет бог. – Ростов-н/Д, 2004.
87. *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М., 2005.
88. *Кронгауз М. А.* Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – 1996. – С. 510-525.
89. *Крючкова Н.В.* Методы изучения концептов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Мат-лы Междунар. научн. конф., посв. 200-летию Казанского университета: Труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань, 2004. – С. 97-103.
90. *Леонтьев В.В.,* Женские комплименты в английской лингвокультуре // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. – 2001. – №1. – С. 118-123.
91. *Лепенышева А.А.* К вопросу моделирования концептов (на примере анализа концепта surprise) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Языкознание. – 2001. – Т. 13. – № 2-4. – С. 691-699.
92. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения 13.08.2010).
93. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1.
94. *Логинова М.М.* Структура концептов «жизнь» и «смерть» (на материале русских поговорок) // Вестник ВУиТ. – Тольятти, 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 117-123.

95. *Логинова М.М.* Гендерная специфика реализации концепта «смерть» в текстах русских фантастических произведений // Вестник ЧГУ. – Череповец, 2016. – № 1 (70). – С. 46-49.

96. *Лопатин В.В.* Толковый словарь современного русского языка. URL: www.вокабула.рф/словари/русский-толковый-словарь-лопатина/ (дата обращения 25.06.2026).

97. *Лоскутова Т.Н.* Концепты «жизнь-смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009.

98. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – 1997. – № 1. – С. 11-35.

99. *Ляпон М.В.* К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 2. – С. 90-107.

100. *Малышева Н.Г.* Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008.

101. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.

102. *Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. – М., 2004.

103. *Моисеев В.И.* Что такое научная картина мира? URL: <http://http://vyacheslav-moiseev.narod.ru/PhilosScience/Textbook/SciencePicture.htm> (дата обращения 3.10.2012).

104. *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – Майкоп, 2005.

105. *Морев М.* Вечная проблема жизни и смерти. URL: <http://www.statya.ru/articles/2002/Morev.html> (дата обращения 18.08.2010).

106. *Наличникова И.А.* Признаки парадоксальности афоризмов (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 2. – С. 84-86.

107. *Новиков Л.А.* Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Словарь антонимов русского языка М.Р. Львова. – М., 1984. – С. 3-32.
108. *Новикова Н.А.* Концептуальная диада «жизнь – смерть» и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремиологии и афористике: дис. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2003.
109. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2003.
110. *Ольшанский И.Г.* Рецензия на книгу А.В. Кирилиной «Гендер: лингвистические аспекты» // Филологические науки. – 2000. - № 3. – С. 133.
111. *Осипова А.А.* Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной КМ В.П. Астафьева: Монография. – М., 2012. – 202 с.
112. *Першай А.* Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // Гендерные исследования. – 2002. - № 7-8. – С. 236-249.
113. *Петровский А.В.* Психология о каждом и каждому о психологии. – М., 1996.
114. *Пименов Е.А., Пименова М.В.* Объективация концепта ЖИЗНЬ в русской языковой картине мира // Vita in lingua. К юбилею профессора С.Г. Воркачева. Сб. статей. – 2007. – С. 147-164.
115. *Пименова М.В.* Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2004. – Вып. 4.
116. *Погосян Р.Г.* Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф. Сологуба: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005.
117. *Погребнова А.Н.* Гендерная специфика вербализации эмоций у носителей русской культуры // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: Мат-лы 3-й Междунар. конф. – М., 2003. – С. 88-90.
118. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки о когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
119. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М., 2007.

120. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.
121. *Русакова И.Б.* Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.
122. *Рыбникова В.А.* Языковая концептуализации социума (на материале английских дидактических текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2001.
123. *Рыжкина А.А.* О методах анализа концепта // Вестник ОГУ. – Оренбург, 2014. – №11 (172). – С.117-120.
124. *Рядчикова Е.Н., Кушу С.А.* Адыгейский менталитет и языковая картина мира Т. Керашева в лингвокультурных концептах: Монография. – Майкоп, 2004 (а). – 140 с.
125. *Рядчикова Е.Н., Кушу С.А.* Концепты как отражение менталитета народа и его языковой картины мира // Наука-2004. Ежегодный сборник научных статей молодых ученых и аспирантов АГУ. – Майкоп, 2004 (б). С. 228-245.
126. *Савельева О.Г.* Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и этнокультурный аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006.
127. *Садохин А.П.* Концепции современного естествознания: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям и специальностям экономики и управления. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.
128. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / под ред. А.Е. Кибрика. – М., 1993.
129. *Серебренников Б.В.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и КМ. – Краснодар, 1990.
130. Словарь всемирной мифологии / сост. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н. Новгород, 1997.

131. Словарь русского языка / под ред. П.А. Евгеньевой. URL: https://biblioclub.ru/?dict_id=118&page=dict (дата обращения 25.06.2016).

132. Словарь символов / сост. Дж. Трессидер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.ph (дата обращения 2.12.2012).

133. Словарь символов и знаков / сост. Н.Н. Рогалевич. – Пятигорск, 2004.

134. *Соболева К.А.* Взаимосвязь русских и английских пословиц. URL: <http://www.soboleva-1526.narod.ru/part1.htm> (дата обращения 10.12.2012).

135. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981.

136. *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. – М., 1995.

137. *Сошникова Л.А.* Особенности женской и мужской речи в политическом дискурсе (на материале скриптов предвыборных выступлений кандидатов на пост президента США от демократической партии Х.Р. Клинтон и Б.Х. Обамы) // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. – Краснодар, 2011. – С. 238-241.

138. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.

139. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М., 2004.

140. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М., 2007.

141. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994.

142. *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С. 58-65.

143. *Тангир К.М.* Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности: Монография. – Краснодар, 2007.

144. *Тарасенко В.В.* Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей (на материале фразеологизмов): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2008.
145. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
146. *Трофимова Е.И.* Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 6. – С. 178-188.
147. *Уваров М.С.* Дискурс антиномий и природа философской рефлексии. – СПб., 1995.
148. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // *Новое в лингвистике.* – 1960. – № 1. – С. 135-168.
149. *Уфимцева А.А.* Семантика слова // *Аспекты семантических исследований.* – М., 1980.
150. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. – М., 1995.
151. *Фесенко Т.А.* Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека // *Язык. Сознание. Коммуникация.* – 2000. – № 12. – С. 5-8.
152. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001.
153. *Фоменко Ю.В.* Мифы современной лингвистики. – Новосибирск, 2010.
154. *Фрумкина Р.М.* Концепт. Категория. Прототип // *Лингвистическая и экстралингвистическая семантика.* – М., 1992. – С. 28-43.
155. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика. – М., 2001.
156. *Хмельницкий С.В.* Сущность, проблемы и отношение к смерти в различных религиях. URL: [http:// http://ref.by/refs/41/8329/1.html](http://ref.by/refs/41/8329/1.html) (дата обращения 6.08.2011).

157. *Хо Сон Тэ* Глагольно-атрибутивная сочетаемость имени СМЕРТЬ в паремиях русского языка // *Язык. Сознание. Коммуникация.* – 2002. – № 21. – С. 55-63.
158. *Чернейко Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени // *Филологические науки.* – 1995. – № 4. – С. 73-83.
159. *Чернейко Л.О.* Базовые понятия когнитивной лингвистики и их взаимосвязи // *Язык. Сознание. Коммуникация.* – 2005. – № 30. – С. 43-73.
160. *Чернова О.Е.* Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004.
161. *Чич Б.А.* Субстанциальность и метафоричность концепта «сердце» – «гу» в языковой картине мира (на материале русского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2010.
162. *Шахмайкин А.М.* Проблема лингвистического статуса категории рода // *Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония.* – М., 1996. – С. 226-273.
163. *Шорэ Э.* Феминистское литературоведение на пороге XXI века. К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX века) // *Литературоведение на пороге XXI века. Сб. ст.* – М., 1998. – С. 97-103.
164. *Энциклопедический словарь / сост. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* – Майкоп, 2007.
165. *Янко-Триницкая Н.А.* Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // *Развитие словообразования современного русского языка.* – М., 1966. – С. 153-167.
166. *Яровая А.С., Кондратьева Т.С.* Гендерные различия образов языкового сознания // *Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф.* – Краснодар, 2011. – С. 82-84.
167. *Maccoby E., Jacklin C.* *The Psychology of Sex Differences.* – Stanford, 1974.

168. *Pease A.* Why men don't listen and women can't read maps // NY: Broadway Books. – 1998. – С. 34-38.

169. *Tafel K.* Die Frau im Spiegel der russischen Sprache.– Wiesbaden, 1997.

170. *Tannen D.* You just don't understand. Women and men in conversation. – N. Y., 1990.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

171. *Андриевская К.А., Агеев М.В., Атрощенко И.Н.* Энциклопедия мудрости: сборник афоризмов. – Краснодар, 2010.

172. *Беляев А.Р.* Голова профессора Доуэля. – Пятигорск, 1957.

173. *Беляев А.Р.* Человек-амфибия. – Краснодар, 1987.

174. Большая книга афоризмов / сост. К. Душенко. – Майкоп, 2003.

175. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Собачье сердце. – Краснодар, 2007.

176. *Бунин И.А.* Рассказы. – Пятигорск, 2004.

177. *Волина В.В.* Пословицы, поговорки, ребусы. – Краснодар, 1998.

178. *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0040.shtml (дата обращения 10.05.2012).

179. *Горький М.* Избранные сочинения. – Пятигорск, 1986.

180. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. – Майкоп, 2009.

181. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – Краснодар, 1957.

182. *Достоевский Ф.М.* Бедные люди. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0010/shtml (дата обращения 10.05.2011).

183. *Достоевский Ф.М.* Честный вор. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0210.shtml (дата обращения 15.05.2011).

184. *Душенко К.В.* Большая книга афоризмов. – Пятигорск, 2006.

185. *Душенко К.В., Манчха Г.П.* Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. – 5-е изд., испр. – М., 2002.

186. *Ефремов И.А.* Туманность андромеды. – Краснодар, 2010.
187. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. – Майкоп, 2007.
188. Книга мудрости. – Краснодар, 2011.
189. *Короленко В.Г.* Повести. Рассказы. – Пятигорск, 1984.
190. *Королькова А.В.* Словарь афоризмов русских писателей. – М., 2005.
191. *Куприн А.И.* Повести и рассказы. – Майкоп, 1989.
192. *Лавренев Б.А.* Сорок первый. – Краснодар, 1987.
193. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: 11 т. – Т. 1. – М., 1956.
194. *Островский Н.А.* Бесприданница. – Краснодар, 2001.
195. Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова. – 4-е изд. – СПб., 1894.
196. Русская фантастическая проза XIX – начала XX века / сост. Ю.М. Медведева. – Краснодар, 1989.
197. *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. – М., 1848.
198. *Сысоев В.Д., Челок В.Г.* Пословицы и поговорки. – Пятигорск, 2008.
199. *Толстой А.Н.* Аэлита. – Краснодар, 1999.
200. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. – Майкоп, 1970.
201. *Толстой Л.Н.* Воскресение. – Краснодар, 1964.
202. *Толстой Л.Н.* После бала. – Тула, 1975.
203. *Тургенев И.С.* Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. – Пятигорск, 1983.
204. Фаина Раневская. Случаи. Шутки. Афоризмы / сост. И. Захаров. – Майкоп, 2002.
205. *Чехов А.П.* Степь. История одной поездки. – Краснодар, 1995.
206. *Чехов А.П.* Избранные рассказы. – Пятигорск, 1972.
207. *Шолохов М.А.* Нахаленок. – Краснодар, 1981.
208. Энциклопедия народной мудрости / сост. Н.В. Уваров. – Краснодар, 2009.

Приложение 1

Паремии, репрезентирующие концепт «жизнь»

- ‘жизненные ценности’:

Живи просто – доживешь до ста лет;

*Для кого труд – радость, для того **жизнь** – счастье;*

*Живи для людей, **поживут** и люди для тебя;*

*Добро **наживай**, а худо **изживай**;*

Живи не прошлым, а завтрашним днем;

- ‘жизнь, связанная с материальными ценностями’.

*И без золота в радости **живут**;*

*Даровой рубль **дешев**, **нажитой** дорог;*

*Деньги – дело **наживное**.*

- ‘жизнь как нечто негативное, тяжкое’:

***Жилось** – заломилось, худобью в мир пустилось;*

***Жизнь** прожить – не поле перейти;*

***Жив** во плоти, что свинья в обороти;*

***Жив**, да негоден.*

- ‘жизнь как нечто позитивное’:

***Жизнь** не надокучит;*

***Жили** – не тужили;*

***Жизнь** дана на добрые дела.*

- ‘образ жизни как репутация’:

***Жизнь** измеряется не годами, а делами.*

Приложение 2

Паремии, репрезентирующие концепт «смерть»

В приядерной зоне оказывается признак ‘неизбежность смерти’:

*От **смерти** не спрячешься;*

*Бойся, не бойся, а **смерть** у порога;
 Не ты **смерти** ищешь, она сторожит.
 От всякой **смерти** не набережешься;
 Придет время – все лягут в **могилу**;
 От всего вылечимся, кроме **смерти**;
 От **смерти** не откупишься.*

- ‘внезапность смерти’:

***Смерть** берет расплохом;
 Сегодня венчался, а завтра **скончался**;
 Собрался жить, взял да и **помер**;
 Лег, зевнул да **ножки протянул**;
 Ныне на ногах, а завтра в **могиле**;*

- ‘причина смерти’:

*Даже большой корабль может **затонуть** от малой течи.
 Гулять с молодю – **помирать** под старость с голоду.
Смерть причину найдет.*

- ‘смерть как избавление’:

***Помрешь** – так отдохнешь;
 Отдохнешь, когда **издохнешь**;
Помрем – все хорошо будет;*

- ‘абсолютная сила’:

***Умрешь**, ничего с собою не возьмешь;
Мертвые с погоста не ходят.*

- ‘смерть как символ спокойствия и тишины’.

*Дом с детьми – базар, без детей – **могила**;
 Тихо, как в **могиле**;*

Приложение 3

Афоризмы, принадлежащие мужчинам, в которых реализуются признаки концепта «жизнь»

- ‘жизнь как нечто негативное’.

*Мы, русские, умеем **жить** плохо – научились* (В. Токарева);

***Жизнь** научила меня всегда быть готовой уметь за себя постоять <...>* (Г. Вишневская).

- ‘ценности жизни’.

*Страх за ребенка – это больше, чем страх за собственную **жизнь**. Это страх за свое бессмертие* (В. Токарева);

*<...> от хронического юмора образуется цинизм, с которым **жить** очень удобно, потому что человек все недооценивает* (В. Токарева);

- ‘жизнь как процесс познания’:

*Не я изучаю **жизнь**. **Жизнь** изучает меня* (И. Гофф).

*Всю правду о **жизни** нельзя рассказать даже самой себе* (М. Домбровская).

- ‘смысл жизни’.

*В моей молодости вопрос о смысле **жизни** подменялся поисками цели. К этому так привыкли, что многие и сейчас не видят различий между смыслом и целью* (Н. Мандельштам);

*С каждым ребенком все больше отказываешься от **жизни** для себя и смиряешься под гнетом забот, тревог, болезней и годов* (С. Толстая).

- ‘быстротечность жизни’.

*Учтите, мне **жить** осталось всего сорок пять минут* (Ф. Раневская);

*Боже мой, как проишмыгнула **жизнь**, а я даже никогда не слышала, как поют соловьи* (Ф. Раневская).

- ‘жизнь как одушевленное существо’:

*Старость – это когда ты еще любишь **жизнь**, а она тебя уже нет* (Т. Клейман).

Приложение 4

Афоризмы, принадлежащие женщинам, в которых реализуются признаки концепта «жизнь»

- ‘ценности жизни’:

*Без ума **жить** худо* (Д.И. Фонвизин);

*Никакой наукой не составите общества, если нет благородного материала, живой и доброй воли, чтоб **жить** честно и любовно* (Ф.М. Достоевский);

*Любовь – высокое слово, гармония создания требует ее, без нее нет **жизни** и быть не может* (А.И. Герцен);

***Жить** – значит быть любимым. Он **жил** или она **жила** – это значит только одно: его или ее много любили* (В.О. Ключевский).

- ‘смысл жизни’:

*Смысл **жизни** не в том, чтобы удовлетворять все желания, а в том, чтобы иметь их* (М.М. Зощенко);

***Жизнь**, которая не оставляет прочных следов, стирается при всяком шаге вперед* (А.И. Герцен);

*Всего несноснее **жить** на свете бесполезно* (Н.М. Карамзин).

*Всю жизнь мы стараемся поставить поменьше и выиграть побольше, а потом говорим, что это **жизнь** нас обманула* (А. Лесьневский).

*Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежат юности сердца, и глупец тот, кто думает целую **жизнь** ими волноваться: многие спокойные реки*

начинаются шумными водопадами, а ни одна из них не скачет и не пенится до самого моря (М.Ю. Лермонтов).

Если тебе мешают люди, то тебе **жить** незачем (Л.Н. Толстой).

- ‘жизнь как сознательный выбор пути’:

По разным природным склонностям и путь **жизни** разный (Г.С. Сковорода);

Магнит показывает на север и на юг: от человека зависит избрать хороший или дурной путь **жизни** (Козьма Прутков).

- ‘жизнь как нечто негативное’:

Обряд – религиозный пепел: он охраняет остаток религиозного жара от внешнего холода **жизни** (В.О. Ключевский);

Начало ясного дня смело уподоблю рождению невинного младенца: быть может, первый не обойдется без дождя, а **жизнь** второго без слез (Козьма Прутков).

- ‘жизнь как процесс познания’:

Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает (В.О. Ключевский);

Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас **жить** своим умом, но мы попытались заменить им свой ум (В.О. Ключевский).

- ‘жизнь как драгоценность’:

Нет выше идеи, как пожертвовать собственной **жизнью**, отстаивая своих братьев и свое отечество (Ф.М. Достоевский);

- ‘жизнь как нечто позитивное’:

Настоящая душевная **жизнь**, настоящая идейная сторона **жизни** состоит именно в использовании лучших сторон и тела, и духа (В.И. Вернадский);

Приложение 5

Афоризмы, принадлежащие женщинам и репрезентирующие концепт «смерть»

- ‘причины смерти’:

Если бы мне пришлось «умирать» на сцене хотя бы раз в месяц – я умерла бы на самом деле (М. Савина).

- ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’:

<...>Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной (М. Цветаева).

Приложение 6

Афоризмы, принадлежащие мужчинам и репрезентирующие концепт «смерть»

- ‘смерть как нечто обыденное’:

Хуже смерти ничего не случается – а смерти не минуешь (М.Ю. Лермонтов);

Чем лучше человек, тем меньше он боится смерти (Л.Н. Толстой).

Первый шаг младенца есть первый шаг к его смерти (Козьма Прутков);

Старая штука смерть, а каждому внове (И.С. Тургенев).

- ‘причины смерти’:

В моей смерти прошу винить мою жизнь (Г. Малкин).

Приложение 7

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «жизнь», реализованных в речи мужчин-персонажей реалистических произведений

- 'жизненные ценности':

Я люблю комфорт жизни <...> это не мешает мне быть либералом (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 427, Ситников);

До германской войны я был студентом, филологию изучал, жил милыми моими, любимыми, верными книгами (Б. Лавренев. «Сорок первый», с. 116, Говоруха-Отрок);

Так, стало быть, следует, чтобы пропала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем? (Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба», Тарас Бульба).

- 'жительство':

Там такие дома, что в каждом народе живет вдвое больше, чем во всей Степани (А.И. Куприн. «Олеся», с. 149, автор);

Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом девический институт (Л.Н. Толстой. «После бала», с. 11, Иван Васильевич);

Мне вдруг показалось, что это место мне знакомо, что я когда-то жил здесь... (А. Апухтин. «Между жизнью и смертью», с. 310, автор);

Плохо ей тут жить... я вижу... (М. Горький. «На дне», с. 901, Пепел).

- 'жизнь как судьба, не зависящая от человека':

Вся жизнь переменилась от одной ночи, или, скорее, утра (Л.Н. Толстой. «После бала», с. 4, Иван Васильевич);

*Ну и **жизнь** взяла у меня мое <...>* (В.Г. Короленко. «Слепой музыкант», с. 151, Максим).

- ‘жизнь как нечто негативное’:

*А между тем **жизнь** не слишком красиво складывалась в Марьине, и бедному Николаю Петровичу приходилось плохо* (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 487, автор);

*Теперь он одолел ее [боль] в своей душе, и побеждал души этой толпы глубиной и ужасом **жизненной** правды* (В.Г. Короленко. «Слепой музыкант», с. 189, автор).

- ‘вечность’:

*Человек – одно звено в **бесконечной цепи** **жизней**, которая тянется от него из глубины прошедшего к бесконечному будущему* (В.Г. Короленко. «Слепой музыкант», с.118, автор);

- ‘этап, период’:

*Для такой уверенности у него был тот довод, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к **жизни**, несмотря на свои пятьдесят восемь лет* (И.А. Бунин. «Господин из Сан-Франциско», автор).

- ‘жизнь как нечто позитивное’:

*Господь с тобой, **живи**, знай, в свое удовольствие...* (М. Горький. «На дне», Костылев, с. 896);

*Это была тьма на фоне яркого света, напоминание о горе среди полноты счастливой **жизни**...* (В.Г. Короленко. «Слепой музыкант», с. 189, автор).

- ‘жизнь как сознательный выбор пути’:

*Поездка в Киев была отложена на год, вся семья **жила** надеждами и планами Петра* (В.Г. Короленко «Слепой музыкант», автор, с. 183);

<...> хорошо б не уходить никуда с этого нелепого горячего песка, остаться здесь навсегда, плавиться под мохнатым

*солнцем, **жить** зверюгой радостной* (Б. Лавренев «Сорок первый», Говоруха-Отрок, с. 115).

Приложение 8

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «жизнь», реализованных в речи женщин-персонажей реалистических произведений

- ‘жизнь как нечто негативное’:

*Несколько раз Олеся пыталась пройти сквозь это **живое** ужасное кольцо, но ее постоянно отталкивали опять на середину* (А.И. Куприн. «Олеся», с. 182, автор);

*Ах, опротивело мне все! Вся **жизнь**... все люди!..* (М. Горький. «На дне», с. 941, Настя);

*Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу **пережить** этого!..* (И.А. Бунин. «Легкое дыхание», Оля Мещерская);

*Я очень устала, я стара, мне кажется, я очень давно **живу*** (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 453, Одинцова).

- ‘жизненные ценности’:

*Теперь **живем** не тужим!* (Б. Лавренев. «Сорок первый», с. 111, Марютка).

Нет, нет, незачем!.. Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! (А.Н. Островский. «Бесприданница», с. 87, Лариса Огудалова).

*Я несчастлива оттого... что нет во мне желания, охоты **жить*** (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 453, Одинцова);

*Я и не скрываю: я люблю то, что вы называете комфортом, и в то же время я мало желаю **жить*** (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 453, Одинцова).

- 'жительство':

*Ну, скажите, после того... что было, разве возможно нам **жить** вместе?* (Л.Н. Толстой. «Анна Каренина», с. 16, Долли);

*Что ж, ничего, – и там люди **живут*** (А.Н. Островский. «Бесприданница», с. 35, Огудалова-мать).

*Прежде я по зимам **жила** в Москве...* (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 428, Кукшина).

- 'жажда жизни':

*Никому они [птицы, животные] худого не делают, а **жить** им хочется так же, как и нам с вами* (А.И. Куприн. «Олеся», с. 135, Олеся).

Приложение 9

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «смерть», реализованных в речи мужчин-персонажей реалистических произведений

- 'убийство':

- подстрекательство к убийству:

*И чего ты **не пришибешь** его, Василий?!* (М. Горький. «На дне», с. 898, Сатин).

- причина убийства:

*Зачем тебя **давить**? Кому от этого польза?* (М. Горький. «На дне», с. 896, Костылев);

***Убил** подлеца в запальчивости и раздражении* (М. Горький. «На дне», с. 935, Сатин).

- угроза убийства:

*Ну, нешто не перевернется власть, а то Фомку-пастуха первого **убью!*** (М.А. Шолохов. «Нахаленок», с. 15, отец Прошки);

*Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и **убью!*** (Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба», Тарас Бульба);

***Погублю** всех вас, черти, - увидишь!* (М. Горький. «На дне», с. 915, Пепел).

- ‘смерть как срок, предел’:

*Мы до старости, **до самой смерти** будем идти рука об руку <...>* (А.И. Куприн. «Олеся», с. 174, автор);

*И когда это ты **умрешь**, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?* (И.А. Бунин. «Антоновские яблоки», барин);

*<...> явилось на свет неусходное горе, которое нависло над колыбелью, чтобы сопроводить новую жизнь **до самой могилы*** (В.Г. Короленко. «Слепой музыкант», с. 67, автор);

*Когда бабушка **умерла**, ее положили в длинный, узкий гроб и прикрыли двумя пятаками ее глаза, которые не хотели закрываться* (А.П. Чехов. «Степь. История одной поездки», с. 7, автор).

- ‘смерть как абсолютная сила’:

*Кого угодно развеселишь. **Мертвец** с тобой плясать пойдет!* (Б. Лавренев. «Сорок первый», с. 10, Говоруха-Отрок);

*Миссис страдала, как она думала, больше всех: ее несколько раз одолевало, ей казалось, что она **умирает**, а горничная <...> только смеялась* (И.А. Бунин. «Господин из Сан-Франциско», автор).

- ‘смерть как одушевленное существо’:

*И опять же – **смерть** слова не боится!.. Болезнь – боится слова, а смерть – нет!* (М. Горький. «На дне», с. 923, Бубнов).

- ‘причины смерти’:

*Он нанял было дом у Таврического сада и записался в английский клуб, но внезапно **умер** от удара* (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 338, автор).

*Я это к тому вам объясняю, что ежели все пойдут в ученые да в благородные, тогда некому будет торговать и хлеб сеять. Все с голоду **поумирают** (А.П. Чехов. «Степь. История одной поездки», с. 10, Кузьмичов);*

- ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’:

*Все так: родятся, проживут, **умирают**. И я **помру**... и ты... Чего жалеть? (М. Горький. «На дне», с. 922, Бубнов);*

***Убийство** в драке... пустяки! (М. Горький. «На дне», с. 939, Сатин).*

а) ‘своя смерть как избавление’:

*Право – не боюсь! Хоть сейчас смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... **умру** – не охну! Даже – с **радостью**, потому что от чистой руки... (М. Горький. «На дне», с. 900, Пепел);*

*Это ничего! Это перед **смертью**... голубка. Ничего, милая! Ты надейся... Во, значит, **помрешь**, и будет тебе спокойно... и ничего больше не надо будет, и бояться – нечего! Тишина, покой... лежи себе! **Смерть** – она все успокаивает... она для нас ласковая... **Помрешь** – отдохнешь, говорится... верно это, милая! (М. Горький. «На дне», с. 914, Лука).*

б) ‘чужая смерть как избавление’:

*Ты с радостью **помирай**, без тревоги... (М. Горький «На дне», Лука, с. 914).*

Приложение 10

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «смерть», реализованных в речи женщин-персонажей реалистических произведений

- 'смерть как избавление':

а) 'своя смерть как избавление'

*Ну... одно тебе скажу, Василий... вот как перед богом говорю! – как только ты меня первый раз ударишь... или иначе обидишь... я – себя не пожалею... или сама **удавлюсь**, или... (М. Горький. «На дне», с. 932, Наташа);*

*<...> уж лучше мне **умереть** сейчас, коли меня в таком деле подозревать могут <...> (И.С. Тургенев. «Отцы и дети», с. 506, Фенечка).*

б) 'чужая смерть как избавление':

*Как **издох** мой милый муженек, - ни дна бы ему ни покрывки, - так я целый день просидела: сижу и все не верю счастью своему... (М. Горький. «На дне», с. 907, Квашня).*

- 'убийство':

*Люди добрые... сестра моя и Васька **убили!** (М. Горький. «На дне», с. 940, Василиса);*

*Она... это она подговорила его мужа **убить**... муж им мешал... и я – мешала... (М. Горький. «На дне», с. 939, Наташа);*

***Убили** мужа моего... ваше благородие.. Васька Пенел. Вор... он **убил**, господин пристав! (М. Горький. «На дне», с. 940, Василиса).*

- 'пожелание смерти кому-либо':

*Волки! Чтоб вам **издохнуть!** Волки! (М. Горький. «На дне», с. 945, Настя).*

Приложение 11

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «жизнь», реализованных в речи мужчин-персонажей фантастических произведений

- 'жажда жизни':

Жить я хочу, Мстислав Сергеевич (А.Н. Толстой. «Аэлита», Гусев);

Я старался заглушить в себе это ощущение, но оно росло, крепло, побеждало все доводы, – и, наконец, перешло в страстную, неудержимую жажду жизни (А. Апухтин. «Между жизнью и смертью», с. 325, автор);

О, только бы жить! (А. Апухтин. «Между жизнью и смертью», с. 325, 326, 327, автор).

- 'жительство':

Мне остается только прибавить, что я теперь скромно живу в самой тихой части Лондона и ни в чем не нуждаюсь благодаря щедрой доброте покойного лорда Чальсбери (А.И. Куприн. «Жидкое солнце», с. 429, Генри Диббль);

Многие индейцы, жившие вблизи залива, слышали звук рога и видели следы ног на песке (А.Р. Беляев. «Человек-амфибия», автор);

Мне вдруг показалось, что это место мне знакомо, даже близко, что я когда-то жил здесь... (А. Апухтин. «Между жизнью и смертью», с. 310, автор).

- 'возвращение к жизни':

Еще я видел воскрешенного Сальватором индейца (А.Р. Беляев. «Человек-амфибия», Бальтазар);

*И я действительно завещал свое тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет **оживлена*** (А. Беляев. «Голова профессора Доуэля», с. 37, голова Доуэля);

*Скальпель хирурга вызвал к **жизни** новую человеческую единицу!* (М.А. Булгаков. «Собачье сердце», с. 410, Борменталь).

- 'лишение полноты жизни':

*Разве это **жизнь**? – жаловался Тома. – Торчишь, как пень* (А. Беляев. «Голова профессора Доуэля», с. 49, Тома);

*Ведь я лишен всего, что доступно **живым** людям* (А. Беляев. «Голова профессора Доуэля», с. 31, голова Доуэля).

- 'жизнь как драгоценность':

*Поэтому, если вам дорога **жизнь**, – никому ни слова о дьяволе* (А.Р. Беляев. «Человек-амфибия», Педро Зурита).

- 'жизнь как этап':

*Пусть этот сон, первый в его новой **жизни**, будет ему легким мостом для перехода к нам через пропасть в пятьдесят тысяч лет!* (П. Драверт. «Повесть о мамонте и ледниковом человеке», с. 367, Сабуров);

*Я хочу отдать вам весь свой остаток **жизни** за то добро, которое вы мне сделали* (А.Р. Беляев. «Человек-амфибия», Кристо);

Приложение 12

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «жизнь», реализованных в речи женщин-персонажей фантастических произведений

- 'жизнь как нечто негативное':

*Мы прошли через непосильное усложнение **жизни** и предметов быта, чтобы прийти к наибольшей упрощенности*

(И.А. Ефремов. «Туманность Андромеды», с. 263, учительница школы третьего цикла).

- ‘жизнь как драгоценность’:

*В первый раз **жизнь** дорогого мне человека находится в руках хирурга, и я хорошо понимаю переживание тех людей, которые в жизни сталкивались с вашим искусством...* (И.А. Ефремов. «Туманность Андромеды», с. 292, Эвда Наль).

- ‘жительство’:

*Но ведь разделение циклов – они учатся и **живут** отдельно, их постоянные переезды с места на место – тоже большая трата сил?* (И.А. Ефремов. «Туманность Андромеды», с. 266, Реа).

- ‘жизнь как вечность’:

*Вы пришли в **жизнь** в хорошо устроенном обществе, созданном поколениями миллиардов известных тружеников и борцов за лучшую **жизнь*** (И.А. Ефремов. «Туманность Андромеды», с. 273, Эвда Наль).

Приложение 13

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «смерть», реализованных в речи мужчин-персонажей фантастических произведений

- ‘смерть как нечто временное’:

*Женился после **смерти*** (А.Р. Беляев. «Человек-амфибия», Бальтазар);

*Тут первый раз после **смерти** я пожалел, что не могу говорить* (А. Апухтин. «Между жизнью и смертью», автор, с. 319);

*Тело, повиновавшееся мне столько лет, теперь не мое, я несомненно **умер**, а между тем я продолжаю видеть, слышать и*

понимать (А. Апухтин. «Между жизнью и смертью», автор, с. 306).

- ‘смерть как нечто обыденное и неизбежное’:

О чем ни думай – все к смерти вернешься (А.Н. Толстой. «Аэлита», Гусев);

Мы бессильны остановить смерть (А.Н. Толстой. «Аэлита», Тускуб).

- ‘скрытость от кого-либо’:

Чтобы мое имя даже не упоминалось. Конечно. Я для них умер (М.А. Булгаков. «Собачье сердце», с. 384, Преображенский);

Приложение 14

Примеры контекстов группы семантических признаков концепта «смерть», реализованных в речи женщин-персонажей фантастических произведений

- ‘смерть как абсолютная сила’:

Только не в ад! Я умру от ужаса... (А. Беляев. «Голова профессора Доуэля», с. 53, Брике).

- ‘смерть как средство наказания’:

Не просите меня, сын неба, лучше убейте меня, дорогой сын неба (А.Н. Толстой. «Аэлита», Иха).